

Часть: О человеке. Раздражительная сила. Страсть гнева. (продолжение 2)

Составитель Ника

Глава 2. О чувствах человека и направлениях гнева на себя, на Бога и на людей.....	
Краткий обзор видов чувств человека.....	
Раздел 2.1: О любви к себе и о гнве на себя	
О любви к себе и самолюбии.....	
О правильном и неправильном гнве на себя	
Примеры отвержения мыслей, исходящих от страстей	
Примеры неправильного гнве на себя	
О правильном «гнев на себя», как борьбе со страстными мыслями и желаниями	
О правильных и неправильных отношениях христиан к страстям и добродетелям.....	
О нелюбви грешников к добродетелям и об их любви к страстям.....	
О любви истинных христиан к добродетелям и об их ненависти к страстям.....	
Раздел 2.2: О нелюбви, гнве, хулении и ропоте на Бога	
О нелюбви и равнодушии к Богу	
О богохульстве и ропоте	
Богохульство неверующих людей по ненависти к Богу или неверию в Него	
Богохульство христиан от заблуждений.....	
О хуле на Бога, выраженной в суждениях о «неправильных действиях» Бога в отношении других людей и мироздания, и в бесстыдных самооправданиях	
О хуле на Духа Святого через хуление Его причастников	
Раздел 2.3: О различных нравственных чувствах, выражающих нелюбовь к людям.....	
О чувствах к себе и другим людям	
О любви и нелюбви к другому человеку	
О связи любви к себе и любви к ближнему	
О чувстве ненависти	
Жестокость к родным и неродным людям	
О жестокости	
Притеснение, угнетение и оставление без опеки родных, неродных по крови и незаконных детей	
Злонамеренное предательство какому либо неблагополучию собственных детей с употреблением во зло родительской власти над ними	
Жестокость при исполнении различных служебных обязанностей	
Жестокость к убогим и уродам.....	
Презрение или грубые чувства к родным и научение злым чувствам других людей или не воспитание добрых чувств	
Грубые чувства к родителям.....	
Грубые чувства к брату и сестре	
Презрительное обращение между супругами.....	
Осознанное и неосознанное научение детей гневаться и мстить	
Невысказание, нестрогость с детьми или, наоборот, строгое и жестокое наказание	
Грехи, связанные с равнодушием и холодностью	
О равнодушии	
Об отчужденности	
Холодность к родителям	62
Оставление беспомощных родителей в несчастье, в болезни и при старости лет, а также возложение на них большинство домашних обязанностей.....	

Неблагодарность родителям, учителям и благодетелям.....	
Немоление о родителях	
Холодное, раздражительное и непопечительное к болеющим или умирающим близким	
Непредоставление престарелым родителям возможности более готовиться к будущей жизни или только не предложение им этого	
Неотдание последнего долга родителям погребением их, а также— поминовением, особенно в положенные дни	
Непочтение к старым людям.....	
Холодные чувства к детям	
Немоление о детях или отчаянное моление	
Неправильное воспитание в детях христианских чувств и не попечение о крестных детях	
Явные соблазны собственным детям и воспитанникам.....	
При бездетности непитание в себе отеческого чувства и даже ненависть к детям.....	
Грехи от равнодушия к супругам	
Равнодушие и незаботливость о родственниках.....	
Оставление без помощи человека погибающего	
Равнодушное или со смехом наблюдение за дракой или побоями другого человека .	
Равнодушие к общественным нуждам и бедствиям.....	
Ссоры и оскорбления между родными людьми	
Непочтительное обхождение с родителями, укоры и злословие их	
Ссоры и оскорбления между супругами	
Рукоприкладство	
Поднятие руки на родителей	
Рукоприкладство среди супругов.....	
Умышленные убийства	
О покушении на убийство	
Повторное убийство.....	
Отцеубийство (уже читалось)	
Детоубийство.....	
Убийство супругов.....	
Братоубийство	
Принуждение или подстрекание совершить убийство и согласие или несогласие это сделать.....	
О Церковных наказаниях убийц и их покаянии	
О правильном понимании заповеди «Не убий».....	
О взаимных обязанностях родных людей	
Обязанности детей и родителей.....	
Христианские учения о воспитании	107
О любви и ненависти к супругам	
Основные причины нелюбви к супругам	
О взаимоотношениях супругов	
Раздел 2.4. О материальных и тварных объектах гнева	
О гневе на животных и жестокосердные их убийства	
О гневе на материальные предметы.....	

Глава 2. О чувствах человека и направлениях гнева на себя, на Бога и на людей

Все прошлые беседы относились к первому виду страсти гнева – вспышкам. На эту тему мы еще будем говорить в третьей главе, т.к. будем рассматривать вопросы о злопамятстве, о мести, об осуждении, о реакциях на чужой гнев и на чужие неправильные действия, об обидах и

страсти печали. А в этой главе поговорим о чувствах человека и о направлении нашего гнева и нелюбви.

При рассмотрении вопроса о вспышках гнева отмечалось, что аффекты, как скорые волнения души относятся к низшей, чувственно-животной (телесно-душевной) раздражительной силе. О том, как раздражительная (или чувствительная) сила проявляет себя на телесном уровне рассмотрено в темах «Познавательные низшие способности» и «О телесных потребностях и телесных страстях». Духовные чувства, как чувства, связанные с Богом (или «чувствования религиозные» по Феофану Затворнику), следует рассматривать в теме «О любви к Богу». В этой главе рассмотрим вопрос о том, как действует раздражительная сила в душе посредством чувств. Этот вопрос не только даст нам четкое понятие о том, какие душевные и духовные чувства есть у человека, но и поможет нам разобраться со следующими видами гнева – памятозлобием и мстью.

Краткий обзор видов чувств человека

Прежде чем начать обзор человеческих чувств приведем замечательный совет одного из святых подвижников:

Авва Исаия (Духовно-нравственные слова): «Тщательно рассматривай самого себя, испытывай свои чувства, чтобы знать, которые из них приносят плод Богу, и которые покоряются греху».

И пусть Господь нам поможет в этом познании себя!

Как мы знаем, чувства – это устойчивое отношение человека к чему или кому-либо. Основным чувством является любовь, от которой исходят все остальные благорасположения и добродетели.

Феофан Затворник (Толков. на посл. Галатам, 5,22-23): «...все добрые расположения от любви, поправшей самость и всем готовой жертвовать для блага, других, не помышляя о себе. «И какой из добродетелей прилично держать первенство между плодами Духа, как не любви, без которой прочие добродетели не считаются добродетелями и от которой рождаются все блага? И в законе и в Евангелии ей предоставлено главенство: «возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею силою твоею: и ближняго твоего, якоже самаго себе» (ср.: Втор. 6, 5; Мф.22, 37, 39)» (блаженный Иероним). Святой Павел в Послании к Коринфянам, сказавши, что без любви всё ни во что, описывает потом дела любви так: «любы долготерпит, милосердствует: любы не завидит: любы не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла. Не радуется о неправде, радуется же о истине: вся покрывает, всему веру емит, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает» (ср.: 1 Кор. 13, 4 — 8). Все последующие добродетели указывают лишь разные стороны любви».

(Более подробно об этом будем говорить позже).

Как известно:

Авва Дорофей (Душеполезные поучения, п.12): «...каждая страсть имеет противоположную ей добродетель:... гнев - кротость, ненависть – любовь...».

Поэтому чувством, противоположным любви, является нелюбовь. Любовь и нелюбовь проявляют себя в различных ситуациях через положительные или отрицательные эмоциональные всплески (о последних мы говорили в прошлой главе). Чем больше отрицательных эмоций испытывает душа к какому-либо человеку, тем меньше она чувствует любовь к нему. И наоборот чем больше нелюбви к человеку, тем чаще бывают вспышки гнева на него.

Ефрем Сирий (ч.1, Слово о добродетелях и пороках): «В ком любовь, тот не раздражается, не гордится, не воспаляется гневом, не радуется о неправде, не коснит во лжи, никого не почитает своим врагом, кроме одного дьявола... В ком нет любви, тот скоро раздражается, скоро приходит в гнев, скоро распаляется ненавистью».

Основными двумя чувствами нелюбви являются ненависть и равнодушие. Те чувства, которые несут в себе злобу и ненависть называются «горячими», а те, которые исходят от равнодушия и черствости – «холодными». Несмотря на их полярность и те, и другие являются греховными и разрушительными для души и ее спасения.

В этой главе нами будут рассмотрены основные грехи против Бога и другого человека, исходящие от ненависти, злобы, жесткости, равнодушия и т.п.

Далее. Человек имеет постоянный союз с Богом, с другими людьми и с материальным миром, а значит испытывает к ним определенные чувства.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Бог и Божественный порядок вещей, мир духовный и мир вещественный ... составляют как бы три области, в коих пребывать должно быть приятно человеку, с коими он должен иметь сочувствие».

Т.е. Господь, заботясь о человеке, при создании дал ему чувства, которые бы приносили человеку истинное удовольствие от общения с Божественным миром, с духовным миром ангелов и людей и с миром вещественным. Каждая из этих областей соответствует разным потребностям человека – духовным, душевным и телесным. Но по грехопадению человек утратил духовные чувства к Богу; душевные чувства к людям заменились эгоистическими чувствами к себе, а телесные превратились в самоуслаждающую похоть. О духовных чувствах к Богу будет сказано ниже, в разделе «О нелюбви, гневе, хулении и ропоте на Бога», а вопрос о душевных чувствах рассмотрим сейчас.

Душевные чувства условно подразделяются на три вида:

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «(Чувства душевные) разделяются на теоретические, практические и эстетические».

Такая же классификация чувств существует и в психологии, только два из них имеют другое определение: «теоретические» принято называть «интеллектуальными», а «практические» - «нравственными», или «моральными».

Приведем краткую характеристику этих чувств. Первое из них – теоретическое.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Теоретические чувства рождаются из отношения сердца к познаваемым истинам. Здесь потребность знать рассудок возбуждается к деятельности, а потом, в конце своих трудов, плод их слагает в сердце. Первое есть любознательность, последнее — чувство истины в разных степенях. Сюда относятся разные степени убеждения и разные виды неубеждения, как то: несомненность, сомнение, вероятие, неверие, отвержение, недоумение и проч.».

По своей сути вопрос об истине более относится к способности разумной силы человека, которая способна познавать истину. Но т.к. знание и незнание истины формирует отношение человека к Богу, к себе, к другому человеку и к окружающему миру, и мы постоянно сталкиваемся с чужим мнением об истине, то рассмотрим теоретическое чувство в контексте вопросов об осуждении и спорах.

Следующее чувство – практическое, или нравственное, или моральное, которое выражает отношение человека к самому себе и к другим людям.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Их, можно сказать, два рода: чувства самости (эгоистические), приятные и неприятные, и разного вида расположения к людям, добрые и недобрые (чувства симпатические)».

Вопрос о разделении практических чувств на чувства к себе и на чувства к другим людям очень важен, т.к. страсти гнева и печали, и особенно тщеславия и гордости имеют прочный фундамент – неправильное отношение человека к самому себе и к другому человеку. И это мы уже частично увидели в разделах «О причинах гнева» и «О борьбе с огорчением и недовольством». Так гнев – это защита своих самолюбивых интересов и желаний и отвержение желаний и интересов другого человека. Печаль – это уязвленное самолюбие, которое обидели и виноват в этом другой человек. Тщеславие и гордость – это превозношение себя и унижение другого человека. Также вопрос о практических чувствах является очень важным в вопросах о самопознании и борьбе со страстями, т.к. самолюбие, или эгоистическая любовь к себе, является корнем греха, который может быть уничтожен только с восстановлением правильного

направления силы любви, а это исполнение первой и второй заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22,37).

Но вернемся к вопросу о том, что чувства к самому себе и чувства к другому человеку могут быть добрыми и недобрыми.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Первого рода (т.е. чувства самости) суть: самодовольство или самопрезрение, самовозношение, самоуничижение, надменность, спесь и проч. Второго (симпатических)— равнодушие, из которого, с одной стороны, уважение, соревнование, сорадование, соболезнование, сожаление, признательность, дружба и проч., с другой — зависть, злорадство, месть, ненависть, вражда, презрение, осуждение и проч. ...Теперь с первого раза уже видно, каковы должны быть сии чувства у добрых христиан и у недобрых грешников. У первых должно положить все чувства добрые с самого начала их пути если не во всем совершенстве, то в семени. ... Все дело состоит в том, чтобы внедрить в сердце добрые чувства, ибо что есть в сердце, то есть пред Богом. ...У беспечного грешника нет такого разделения. Как он свою жизнь предал обыкновенному течению, то и чувства у него, и добрые, и злые...».

Следующий вид чувств – эстетические чувства, которые формируют чувство вкуса.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Эстетические чувства суть те движения сердца, кои происходят в нем от действия на него особенного рода предметов, называемых изящными, или прекрасными. Здесь сердце наслаждается предметом потому только, что он сам по себе хорош, нравится и услаждает без особенных его отношений к личным нашим интересам. Сила, лежащая в основании сих чувствований, называется вкусом».

(Вопрос об этом чувстве в отношении материальных вещей был частично рассмотрен в теме «О сребролюбии»)

Эстетические чувства также могут быть направлены и на природу, и животных. Вообще эстетические чувства составляют область

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Сочувствии(я) с миром вещественным, (которое) очень живо сознается всяким; особенно сильно оно бывает во время весны и лета как со всею природою, так и более с живою, органическою тварию».

Итак, мы кратко обозначили классификацию душевных чувств человека. Далее мы будем более подробно рассматривать как чувства практические, или нравственные, сопровождают грех или добродетель.

Раздел 2.1: О любви к себе и о гневе на себя

Эту тему мы начнем рассматривать с вопроса о любви к себе и о гневе на себя, т.к. он более связан с предыдущими темами о борьбе со вспышками гнева и с темой о чувствах.

О любви к себе и самолюбию

Итак, в человеке заложена способность иметь определенное отношение к себе и переживать о себе, и это относится к практическим чувствам самости, или эгоистическим чувствам. Этот вопрос более относится к пороку самолюбия и страсти гордости, но все же сейчас кратко рассмотрим его.

Выше отмечалось, что при создании человеку дано сочувствие с миром Божественным и духовным, т.е. с ангелами и людьми. Грешный человек чувствует отчуждение и от первого – от Бога, и от вторых - ангелов, и от третьих - людей. Эти отчуждения имеют определенные признаки. Что касается Бога, то человек или не верит в Него, или остается равнодушен к Нему. Что касается ангелов, то это страх при их появлении или вообще неверие в их существование.

Что касается отчужденности к людям, то мы скажем о них чуть позже. После всех этих отчуждений человек остался сам с собой и всю силу чувств направил на себя.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Отделившись, таким образом, от сродных себе братии, чем любит себя человек? Где проводит время с удовольствием? Среди чего пребывать ему сладостно? Он там только в своей стихии, где видит отражение своего лица, с радужным его сиянием в вещах ли или лицах, например среди произведений своего ума и деятельности, или среди суетных вещей, коими можно привлечь на себя взоры людей, или среди людей, при посредстве которых может питаться его самодовольство и проч. Видно, что от других он возвратился в себя и себе одному сочувствует».

Каждый из нас до того как познал Бога и пришел к вере жил именно так - сам с собой: любясь собой, довольствуясь собой, угождая себе, т.е. своим страстям и т.п. Во всех пристрастиях мы находили удовольствие и это нас порабощало. Живя в привычных удовольствиях, мы укореняли наше самолюбие, а значит, и уменьшали благие чувства к другим людям. К сожалению, с таким расположением чувств к себе и к другим многие из нас и продолжают жить, иногда осознавая и видя это, а иногда и нет. В нас есть и правильное отношение к себе и неправильное. Например:

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Первого рода (т.е. чувства самости) суть: самодовольство или самопрезрение, самовозношение, самоуничижение, надменность, спесь и проч.».

Понятно, что самодовольство, самовозношение, надменность, спесь относятся к греховным чувствам к себе, а самопрезрение и самоуничижение – к правильным.

Так что же такое истинная любовь к себе и что такое самолюбие? Ответ на этот вопрос очень обширен, т.к.:

Антоний Великий (Доброт. т.1, 170 гл.,148): «Началом спасения и царствия небесного бывает для души любовь».

Василий Великий (Правило, пространно изложенные..., воп.2): «(любовь) — одна добродетель, однако же она силою своею приводит в действие и объемлет всякую заповедь. Ибо «тот любит Меня», говорит Господь, «кто имеет заповеди Мои и соблюдает их» (Ин.14, 21). И еще: «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22, 40)».

А самолюбие является

Иоанн Златоуст (т.11.кн.2, бес.7): «корн(ем) и источник(ом) всех зол, от которого все они происходят».

Исихий Иерусалимский (Доброт.,т.2, к Феодулу, 202): «Нет яда, паче яда аспиды и василиска; и нет зла, паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия – змеи летающие, они следующие: самохваление в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол – гордость, которая не только людей, но и ангелов свергает с небес и вместо света покрывает мраком».

В общем же любовь и самолюбие характеризуются таким образом:

Игнатий Брянчанинов (Аскетические опыты, Сопровождение души с умом) «Как святая Любовь есть союз совершенства и составляется из полноты всех добродетелей, так самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех... разнообразных греховных страстей».

Поэтому приведем только основные черты правильной и неправильной любви к себе.

Иннокентий Пензенский (Богословие деятельное, ч.2,гл.3): «...любовь к самому себе только тогда бывает истинной и правильной, когда человек всецело стремится к тому, чтобы совершенно, всеми силами души, всем существом своим любить Бога; и, таким образом, любит себя в Боге и через Бога, то есть отвергается самого себя до того, что ничего не приписывает себе, но все — Богу; распинает плоть и готов потерять душу свою за Христа. А это значит то же самое, что и стремление во всем сообразовываться с волею Божией».

Игнатий Брянчанинов (кн.3, Аскетическая проповедь, п.2): «Правильная любовь к себе заключается в исполнении животворящих Христовых заповедей: «сия есть любви, да ходим по заповедям Его», сказал святой Иоанн Богослов (2 Ин. 1:6). Если ты не гневаешься и не

памятозлобствуешь - любишь себя. Если не клянешься и не лжешь - любишь себя. Если не обижаешь, не похищаешь, не мстишь; если долготерпелив к ближнему твоему, кроток и незлобив - ты любишь себя. Если благословляешь клянущих тебя, творишь добро ненавидящим тебя, молишься за причиняющих тебе напасти и воздвигающих на тебя гонение, то любишь себя; ты - сын Небесного Отца, который Своим солнцем сияет на злых и благих, Который посылает дожди Свои и праведным и неправедным. Если приносишь Богу тщательные и теплые молитвы из сердца сокрушенного и смиренного, то любишь себя. Если ты воздержан, не тщеславен, трезвен, то любишь себя. Если ты милостынею к нищей братии переносишь свое достоинство с земли на Небо и свое тленное имущество соделываешь нетленным, а временную собственность - собственностью вечною и неотъемлемою, то любишь себя. Если ты до того милостив, что соболезнуешь всем немощам и недостаткам ближнего твоего и отрицаешься от осуждения и унижения твоего ближнего, то ты любишь себя. В то время, как ты воспрещаешь себе суждение и осуждение ближнего, на что не имеешь никакого права, правосудный и милосердный Бог устраняет праведное суждение, и отменяет праведное осуждение, заслуженные тобою за многие грехи твои. Желаящий правильно любить себя, не обольщаться и не увлекаться самолюбием, то есть своею падшею волею, руководимою лжеименным разумом... Полюбивший правильно самого себя может богоугодно любить ближнего».

Далее следуют учения о неправильной любви к себе.

Василий Великий (Правило кратко изложенные, п.54): «...кто любит самого себя не настоящею любовью, тот самолюбив. Дает же знать о себе, если, что ни делает, делает ради себя, хотя бы сделанное было и согласно с заповедью. Ибо ради своего успокоения пренебречь чем либо из потребного для брата, или по душе или по телу, значит уже сделать и для других явным порок самолюбия, которого конец есть гибель».

Иоанн Златоуст (т.11,ч.2, бес.7): ««Ибо люди», – говорит, – «будут самолюбивы». Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя; а кто братолюбив, тот и любит себя гораздо более. ...Зараза и ограниченность самолюбия сокращает и умаляет любовь, которая широка и простирается на всех».

Иннокентий Пензенский (Богословие деятельное, гл. Повреждение воли): «Главное начало, которое движет волею человека необновленного и побуждает ее к деятельности, это уже не бесконечное стремление к бесконечному благу, т. е. любовь к Богу, как то было в неповрежденном состоянии, но любовь к самому себе. В том, что это действительно так, нет никакого сомнения отчасти потому, что развращение воли наших прародителей не в ином чем состояло, как в уклонении любви их от Бога и обращении на самих себя («Откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5)), отчасти потому, что и потомки, наследовавшие повреждение прародителей, не ищут уже Бога, но во всем ищут самих себя («Но они не послушали и не приклонили уха своего, и жили по внушению и упорству злого сердца своего, и стали ко Мне спиною, а не лицом» (Иер.7,24)); наконец, потому, что для восстановления в первобытное состояние необходимо самоотвержение («Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10, 37). «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф.16, 24)) и обращение к Богу».

Откровенные рассказы странника (свидание 5): «Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближнему, не верю ничему религиозному и преисполнен гордостью и сластолюбием... Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия. Все поступки мои сие подтверждают: видя в себе доброе, желаю поставить его на вид, или превозношусь им перед другими, или внутренне люблюсь собой; хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и почитаю себя превосходнейшим других или, по крайней мере, не худшим; если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиною необходимости или невинности; сержусь на неуважающих меня, почитая их неумеющими ценить людей; дарованиями тщеславлюсь, неудачи в предприятиях почитаю для себя оскорбительными, ропщу и радуюсь несчастьем врагов моих; если и стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью или

похвалу, или своекорыстие духовное, или светское утешение. Словом, - я непрестанно творю из себя собственного кумира, которому совершаю непрерывное служение, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотений».

Дмитрий Ростовский (Летопись, гл. События в 6-ом столетии 4-го тысячелетия): «Ибо каждый любит душу свою только ради жития и для того, чтобы наслаждаться в сластях мира сего; духовной же любви к душе нет, нет того, чтобы заботиться о ней, чтобы не погубить ее в будущей жизни, не ввергнуть ее в бездну ада, не вдать ее в бесовские руки, в огонь неугасимый, червь неусыпаемому, в тартар, которого и сам сатана трепещет. Мы о том не заботимся, чтобы не ввергнуть свою душу в столь лютые и вечные злключения; следовательно, у нас нет любви к душе. Что прекраснее души, созданной по образу Божию, бессмертной и вечной? И что приятнее Небесного Царствия, ему же не будет конца? Мы же и то и другое считаем как бы никуда негодной вещью небрежем о душе и презираем Небесное Царствие ради временной грехолюбной жизни! О крайнее наше безумие!!.»

Далее приведем поучения о том, как наше самолюбие представляется нам другом, добрым советником и т.п., на самом же деле являясь нашим первым врагом.

Иннокентий Пензенский (Проповеди, Слово в день Сретения Господня): «дух любви к себе, укорененный во глубине души, вместе с ее повреждением, как древний змий, уязвляет каждую мысль; как искренний советник, назначает блистательные подвиги и отлагает менее видные; как верный друг, защищает от оскорблений и мстит оскорбителям; как мощный враг, вооружается на намерения к уничижению; как хитрый тать похищает самые молитвенные возвышения; как державный владыка, все находит в себе самом; и как жалкий нищий, от всех ожидает себе милости — всюду ищет себя самого».

Игнатий Брянчанинов (кн.3, Аскетическая проповедь, п.2): «...должно сказать, что весьма редкий из человеков любит себя. Большая часть людей ненавидит себя, старается сделать себе как можно больше зла. Если измерить зло, соделанное человеку в его жизни, то найдется, что лютейший враг не сделал ему столько зла, сколько сделал зла человек сам себе. Каждый из нас, взглянув беспристрастно в свою совесть, найдет это замечание справедливым. Какая бы тому была причина? Какая причина тому, что мы почти беспрестанно делаем себе зло, между тем как постоянно и ненасытно желаем себе добра? Причина заключается в том, что мы правильную любовь к себе заменили самолюбием, которое внушает нам стремиться к безразборчивому исполнению пожеланий наших, нашей падшей воли, руководимой лжеименным разумом и лукавою совестью. Мы увлекаемся и корыстолюбием, и честолюбием, и мщением, и памятозлобием, и всеми греховными прихотями! Мы льстим себя и обманываем себя, думая удовлетворять любви к себе, между тем как удовлетворяем только неудовлетворимому самолюбию нашему. Стремясь удовлетворять самолюбию нашему, мы злодействуем себе, губим себя».

Неправильная любовь к себе постоянно проявляется при раздражении и гнев. Выше мы рассматривали что, недовольство при раздражении можно передать определенным выражениями типа: «мне не нравится просьба ближнего, мне не нравится мнение другого человека, мне не нравятся поступки другого...». Для того, что бы более полно увидеть самолюбие, передадим более расширенно его мысли и чувства: «мне не нравится просьба ближнего, потому что она нарушает мои планы, мне не нравится мнение другого человека, потому что я знаю лучше, мне не нравится его совет, потому что я сам знаю, как делать, мне не нравится, как ко мне относятся, потому что я заслуживаю большего».

Более мы не будем приводить учений о самолюбии, т.к. это отдельная тема. Нашей целью было только отметить разницу правильной и неправильной любви к себе.

Далее. Т.к. в нашем сердце чередуются добрые и страстные чувства к себе, то освобождение от последних составляет труд человека, желающего спасения своей душе.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Трудом и подвигом они (христиане) высвобождают добрые чувства из уз эгоизма, очищают и насаждают их в сердце. Апостол говорит им: «облекитесь во утробы щедрот, благость, милосердие, кротость» (Кол. 3:12) — и проч. Одежда же духа есть осеняющее его чувство. Что касается до чувств

эгоистических, то нельзя сказать, чтобы они не возникали, особенно сначала; но им не дается силы, устанавливается противодействие им, принимаются средства к изгнанию их, и действительно они изгоняются из души всякий раз, как возникают. Подвиги, труды, молитвы наконец подавляют их и на место их напечатлевают противоположные им чувства».

У людей, не стремящихся к самопознанию, к покаянию, к очищению от страстей, добрые и недобрые чувства живут в сердце, и преимущественно грешный человек руководствуется недобрыми, а добрые появляются лишь изредка.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Как ревности о чистоте чувств сердечных у него (беспечного грешника) нет, то он и не напрягается дать перевес чувствам добрым, а оставляет их самим себе и большею частью искажает пристрастиями и страстями. Судя по сему, нравственная цена их ничтожна. Напротив, чувства эгоистические у него глубоко лежат в сердце и там устрояют себе жилище постоянное. Можно сказать, нет минуты, в которую он не имел бы на душе или самодовольства, или, если нет ему пищи, досады на себя и проч.».

Стоит отметить, что и эгоистичный человек может смирять свой эгоизм, но это бывает редко и преимущественно в отношении родных ему людей.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Это случайность, если они (эгоистические чувства) когда-либо заглушаются в сердце, что большей, впрочем, частью бывает от прилива естественных симпатических чувств к родным и приятелям».

Если же мы не будем стараться очиститься от страстных эгоистических чувств, то мы останемся с ними жить до конца своих дней и придем на суд Божий с самовозношением, надменностью, несмирением и со всеми страстями.

Авва Исаия (Добротолюбие, Сл.28): «Те же, которые хотят творить свои хотения по плоти, и не хотят уврачевать себя святым врачевством покаяния, чтоб сделаться чистыми, – в час нужды окажутся нагими, не имеющими одеяния добродетелей, и ввержены будут во тьму кромешную, где пребывает диавол, одетый в одежду страстей, кои суть: блуд, похотение, сребролюбие, оглаголение, гнев, завистование, тщеславие, гордость. Они-то и суть ветви (зла), и многие им подобные, как-то: невоздержание, украшение тела, развлечения, леность, смехотворные речи, бесстыжие взгляды, страсть шириться, бессовестность, невнимание к суду Божию, зависть к ближнему, ложь на брата, человекоугодие, лжесвидетельство, ложное знание, желание учить, любовь к обычаям мира, малодушие, нетерпение, ненависть к ближнему, непорицание себя (несознательность и самодовольство), любовь к славе человеческой, паче славы Божией, выказывание своего делания, чтоб прославленным быть людьми, любовь к яствам изысканным, совершение страстей телесных в сердце, почитание соблазном немерения себя (или самоуничижения), хвастание своим знанием, спорливость, настояние на своей воле, почитание себя разумным и мудрым, почитание брата неразумным, и уничижение его».

Исходя из этого:

Игнатий Брянчанинов (кн.3, Аскетическая проповедь, п.2): «Братия! Мужественно вступим в борьбу с самолюбием под руководством Евангелия, в котором изображена воля Божия, благоугодная и совершенная, в котором таинственно живет Новый Адам, Христос, и передает сродство с Собою всем чадам Своим, истинно желающим этого сродства. Научимся правильно и свято любить себя, тогда возможем исполнить относительно ближнего нашего все святую заповедь великого Бога нашего: «Возлюбиши ближнего твоего, якоже сам себе»».

Далее приведем еще одно моление–поучение о том, какие мы есть на самом деле и пусть оно зародит ненависть к своему греху и желание освободиться от него.

Ефрем Сирин (Псалтырь, 55): «После того, как уже приобрел я познание истины, стал я убийцею и обидчиком, ссорюсь за малости, стал завистлив и жесток к живущим со мною, немилостив к нищим, гневлив, спорлив, упорен, ленив, раздражителен, питаю злые мысли, люблю нарядные одежды; и донныне еще очень много во мне скверных помыслов, вспышек самолюбия, чревоугодия, сластолюбия, тщеславия, гордыни, зложелательства, пересудов, тайнодеяния, уныния, соперничества, негодования. Не значу ничего, а думаю о себе много;

непрестанно лгу, и гневаюсь на лжецов; оскверняю свой храм (тело) блудными помыслами, и строго сужу блудников; осуждаю падающих, а сам непрестанно падаю; осуждаю злоречивых и татей, а сам и тать и злоречив. Хожу с светлым взором, хотя весь нечист. В церквах и за трапезами хочу быть на первом месте. ...Домогаюсь того, чтоб казаться приятным для женщин, величавым для чужих, смышленным и благоразумным для своих, совершеннейшим для благоразумных; с благочестивыми обхожусь, как мудрейший, неразумных презираю, как бессловесных. Если оскорблен, мщу; если почтен, гнушаюсь почтившим; если требуют чего от меня по праву, начинаю тяжбу; а кто говорит мне правду, тех почитаю врагами. Обличаемый, гневаюсь; но если льстят мне, не совсем недоволен. Не хочу почитать достойного, а сам, будучи недостойн, требую почестей. Не хочу утруждать себя; а если кто мне не услужит, гневаюсь на него. Не хочу идти вместе с работающими; а если кто мне не поможет в деле, злословлю его. Брату, когда он в нужде, горделиво отказываю, а когда сам нуждаюсь, обращаюсь к нему. Ненавижу больного, а когда сам болен, желаю, чтобы все любили меня. Высших знать не хочу, низших презираю. Если удержу себя от неразумного пожелания, тщеславлюсь; если преуспеваю в бдении, впадаю в сети непокорности и прекословия; если воздержусь от снедей, утопаю в кичливости и высокомерии; если неусыпен в молитве, препобеждаюсь раздражительностью и гневом; если вижу в ком добродетель, не останавливаюсь на нем вниманием. ...Во время службы занимаюсь все разговорами, блужданием помыслов, суетными припоминаниями. Во время трапезы вдаюсь в пустословие: имею алчность к подаркам; принимаю участие в чужих падениях, вдаюсь в губительное соперничество. Такова моя жизнь! Столько худого противопоставляю я своему спасению! ...Боюсь, чтобы и мне не быть в числе тех, которых Павел наименовал сосудами гнева, которые подвергнуться подобной с диаволом участи, и которых Бог за пренебрежение их к Нему предал в страсти бесчестия. Итак, опасно, чтоб и на меня не было произнесено такое же определение. Если хочешь спасти меня, недостойного, милостивый Господи, положи покаяние мне, грешному, оживотвори умерщвленную грехами душу мою, Жизнодатель. Изгони каменное ожестечение из бедного сердца моего и даруй мне источник сокрушения, – Источивший нам жизнь из животочного ребра Своего.

Исходя из вышеизложенного будет более понятен следующий вопрос, который мы кратко указывали выше - это вопрос о гневе на себя.

О правильном и неправильном гневе на себя

Итак, как мы помним раздражительная сила – это сила, способная различать добро и зло, сила ревности по Богу и любви к истине, сила ревности о себе, сила мужества, данная для борьбы с врагом рода человеческого и для борьбы со злом в себе, а также сила бодрости. А это означает, что человек должен упорно и мужественно сопротивляться восстанию своих страстей во главе с самолюбием и бороться со злом в себе для того, чтобы сохранить свою душу. Но, как было уже рассмотрено, по грехопадению раздражительная сила стала действовать не по естеству и добродетели, а против естества.

Варсануфий Великий (Руководство к духовной жизни, воп.242): «Есть раздражительность естественная и есть раздражительность противоестественная. Естественная противится исполнению похотливых вожделений и она не требует врачевания, как здравая. Противоестественная восстает, если не исполняются похотливые вожделения».

Мы уже рассматривали и вопрос о том, что если мы будем направлять возможности раздражительной силы на других людей, а не на себя и свои страсти, то мы никогда не избавимся от самолюбия и нелюбви к другим людям. Поэтому для того, чтобы очиститься от самолюбия, нам нужна брань против греха в себе, а этому поможет правильное действие раздражительной силы, и тогда наш гнев можно назвать спасительным.

Примеры отвержения мыслей, исходящих от страстей

Спасительный гнев на себя является способом духовной брани и представляет собой досаду и отвержение своих страстных мыслей, желаний и чувств, которые зарождаются в сердце и еще не выходят наружу ни внешним словом, ни делом (т.е. грех еще не совершается).

Иоанн Кассиан (Послание Кастору...о правилах общежительных монастырей, кн.8, гл. 6): «...когда мы, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, раздражаемся; и тому, что стыдимся делать или говорить пред людьми, мы не допускаем входить в тайники нашего сердца».

Прежде чем перейти к учениям святых отцов на тему гнева на себя, приведем несколько примеров, т.к., к сожалению, не все из нас правильно его понимают. Причин этому есть несколько: во-первых, не все люди могут правильно определять страсти, а во-вторых, не все могут быть настолько внимательными к себе, чтобы заметить начальный этап появления мыслей. Это происходит у тех людей, которые живут в состоянии беспечности о своих мыслях и в неведении о страстях. Но, несмотря на это, мы все же рассмотрим примеры как появляются страстные мысли и как происходит их отвержение. Например, человек, который выполняет какую-то работу, устал физически и у него начинает проявляться саможаление через мысли типа: «как я устал», «когда уже будет конец?» и т.п. Эти мысли могут звучать очень тихо, не возмущенно, но они все же вызывают нетерпение и желание бросить эту работу. Слушая эти мысли, душа может сразу согласиться с предложениями страсти саможаления, а может начать колебаться между мыслями прекратить работу или все же потерпеть и закончить ее. Эти колебания происходят в том случае, если совесть человека имеет силу и чистоту в определенной мере, и на предложение саможаления подаст свои мысли типа: «потерпи, надо закончить работу, и потом отдохнешь». Слушая эти предложения душа должна сделать выбор одного и отвергнуть другой. Если это душа, которая уже имеет навык трезвения к своим мыслям и которая уже знает признаки страстей, то она, как правило, осознанно отвергает предложения страсти саможаления и мысленно произносит: «Нет, буду терпеть и делать, пока не закончу». После этого страсть может замолчать, почувствовав силу души, но если человек подумает так без твердости, то страсть саможаления может не замолчать, т.к. она еще достаточно сильна в человеке, и через минуту она опять начнет проявлять свое недовольство, но уже предлагает какие-либо оправдания: «да ты и так уже много сделал!». И если, например, этот труд связан с другим человеком, то душа не забудет и об этом: «ты вот сколько сделал, а другой человек ничего не делает». Душа, слушая новые доводы, может начать склоняться к предложениям страсти, но если совесть сильна, то она может сказать: «что мне до другого человека? Я отвечу пред Господом за свое малодушие и нетерпение трудов. Но тебе, душа мало этого, ты еще и осуждаешь другого! Все происходит по воле Господа, и если в Его воли, что тебе надо больше потрудиться, то не безумна ли ты, противясь Ему?!». После такого обличения совести душа уже со страхом и с большей энергией отвергает саможаление. Но и отвержение такими мыслями может быть малодейственным, т.к. душа не может своими силами справиться со страстью и ей нужна помощь Божия, поэтому обязательно необходимо тут же обращаться к Господу: «Прости меня, Господи, за мое саможаление и малодушие и помоги мне, дай силы и терпения!»

Процесс отвержения страстного помысла можно привести и на примере мыслей, связанных с осуждением, раздражением или обидой на другого человека.

Иоанн Кассиан (Послание Кастору...о правилах общежительных монастырей, кн.8, гл. 7): «Можно гневаться и против этого самого гнева за то, что он возгорелся в нас против брата, и разгневавшись за это, мы не допускаем ему иметь вредное укрывательство в сокровенности нашего сердца. Так гневаться научает нас и пророк, который до того выгнал его из своих чувств, что не хотел мстить даже и врагам своим, и притом когда они были преданы ему Богом, говоря: «гневаясь не согрешайте» (Пс.4,5)».

Феофан Затворник (Внутренняя жизнь, гл.11): «Например, предстоит случай помочь нуждающемуся!.. Совесть говорит: «помоги» - и человек готов; но сбоку сидит корыстолюбие и твердит: «не давай, себе нужно». Надо одолеть или заглушить сию корыстность и расположить

душу на добровольное подаяние. Обидел кто. Совесть христианская говорит: «прости» - а гордость заставляет отмстить. Надо отнять свое сердце у сей недоброй страсти и склонить его к кротости и снисхождению. Так и во всяком случае. Везде надо отрывать себя от страстного и преклонять на святое и богоугодное...»

Следующий пример: человек понимает, что его знакомый грешит, и у него появляются осуждающие мысли и раздражение. Если совесть сильна, то она тут же ответит на них, что ты - такой же грешник и «вынь прежде бревно из своего глаза», и богобоязненная душа отвергнет страсть осуждения. Но если совесть слаба и не помнит законов Божиих, и если душа не имеет навык трезвения, то она продолжит осуждать и тогда не может быть и речи о спасительном гневе на себя.

А вот пример отвержения страсти чревоугодия.

Лавсанк (ст.20): «Марк...еще в юности знал наизусть писание Ветхого и Нового Завета; он был чрезвычайно кроток и скромн, как едва ли кто другой. В один день на досуге пошел я к нему (он был уже в глубокой старости) и, севши у дверей его кельи (как новоначальный, я считал его выше человека, и он действительно был таков), стал прислушиваться, что он говорит или что делает. Совершенно один внутри кельи, почти столетний старец, у которого уже и зубов не было, он все еще боролся с самим собою и с диаволом и говорил: «Чего еще ты хочешь, старик? И вино ты пил, и масло употреблял – чего же еще от меня требуешь? Седой обжора, чревоугодник, ты себя позоришь». Потом, обращаясь к диаволу, говорил: «Отойди же, наконец, от меня, диавол, ты состарился со мною в нерадении. Под предлогом телесной немощи заставил ты меня употреблять вино и масло и сделал сластолюбцем. Ужели и теперь еще я чем-нибудь тебе должен? Нечего более тебе у меня похитить, отойди же от меня, человеконенавистник». Потом, как бы шутя, говорил самому себе: «Ну же, болтун, седой обжора, жадный старик, долго ли быть мне с тобою?»»

Приведем следующий пример об отвержении страсти славолубия. Например, человек сделал действительно доброе дело и у него тут же появляются мысли и чувства, которые передают довольство собой. Это могут быть мысли, открыто хвалящие себя: «какой я молодец!», а могут быть как услаждение через неоднократное воспоминание ситуаций или разговоров, связанных с добрым поступком. Многие люди этого не замечают, находятся в добром расположении, и даже не подозревают, что они грешат, услаждаясь собой. Но тот кто знает о страсти славолубия и не желает подобных услаждений, при появлении хвалящей мысли или воспоминании событий, в которых ты сам себе понравился, тот начинает противоречить им и отвергать путем произнесения обличений на себя и молитвой ко Господу. Например, это могут быть следующие мысли, направленные к себе: «Что ты, душа моя, услаждаешься добрым делом своим? Неужели не знаешь, что все доброе только от Господа, а от тебя - один грех. Прекрати позорить себя, приписывая славу себе, а не Господу твоему, подавшему тебе ситуацию и силу, чтобы ты могла хоть что-то сделать по заповедям Его. Прости, Господи, мое безумие и не осуди за эту дерзость!» Если такие обличения произносятся с силой и сокрушением, то душа устрашится и устыдится, что увлеклась страстью славолубия.

Также бывают случаи, что отвержение страсти может происходить и после того, как человек уж начал действовать по ней.

Иоанн Кассиан (Послание Кастору...о правилах общежительных монастырей, кн.8, гл. 7): «Когда (Давид) захотел воды из колодезя Вифлеемского и получил ее от мужей храбрых, которые с опасностью жизни пронесли ее чрез отряды врагов, то рассердившись на это, тотчас вылил на землю, и таким образом гневом подавив страсть вожделения, принес ее в жертву Господу, и не исполнил желания своего, говоря: «сохрани меня Господь, чтобы я сделал это? Не кровь ли это людей, ходивших с опасностью жизни?» (2Цар.23, 15—17)».

Но все же более действенное отвергать страсти при их появлении, т.к. не всегда наши страстные действия могут заканчиваться без скорбных последствий. Например, если вернуться к примеру с Давидом, то если бы Господь попустил погибнуть одному из воинов, стремившихся исполнить волю Давида, то смерть была бы его грехом.

Надеюсь, что после вышеприведенных примеров мы уже сможем более осмысленно

воспринять поучения святых отцов об отвержении страстных мыслей и о гневе на себя.

Но прежде приведем несколько примеров неправильного гнева на себя.

Примеры неправильного гнева на себя

Некоторые люди в порыве эмоционального возбуждения произносят заклятие на себя. Это также грех, идущий от раздражительности.

Нравственное Богословие Е. Попова (Грехи против 3-ей заповеди, грех - заклятия себя разными неблагополучиями): ««Ни головою твоей клянись» (Мф.5,36). Говорят: «отсохни у меня рука..., чтобы мне свету Божия не видеть, чтоб сквозь землю провалиться, чтобы не сойти с этого места; выйди душа вон, убей меня Бог, чтобы не видеть ни отца, ни матери». Что за нужда в этих потрясающих душу заклятиях? Ими хотят тем сильнее убедить другого, или в невинности своей, или для исполнения какой-либо просьбы. Но ими скорее можно утомить себя, чем убедить человека серьезного, скорее навести последнего на сомнение, чем успокоить его; потому что они сами по себе составляют явную ложь. Разве можно поверить, что заклинающий себя отнятием руки так и готов лишиться руки, так и опасается казни от Бога? ...Наконец, эти заклятия опасны. Что было бы с теми людьми, которые произносят их, если бы Бог и обратил к ним свой слух? Только ведь Господь по долготерпению своему не оправдывает их на самом деле? Итак, пусть образумятся те, которые ни почем считают вызывать на себя гнев Божий, шутят гневом Владыки живота своего! Пусть отстанут от этой привычки, пока мера долготерпения Божия не исполнилась над ними и не подверглись они на самом деле которому либо из призываемых неблагополучий!»

Следующий пример неправильного гнева на себя заключается в искусственном вызывании гнева на себя. К сожалению, нами не были найдены примеры в учениях святых отцов о подобном виде «борьбы», но на своем опыте мы сталкивались с таким примером, и поэтому считаем нужным сказать о нем. Суть такого гнева на себя заключается в следующем: человек, понимая, что в нем действует какая-либо страсть, например, чревоугодие, начинает вызывать гнев, подобный тому, который он привык испытывать в отношениях с другими людьми. Воочию это выглядит так: человек напрягается, лицо его становится сердитым и краснеет, взгляд – злой и т.п., т.е. человек становится таким, как было описано в разделе «о проявлении гнева и ярости во внешнем облике человека». И после такого настроя он разыгрывает своеобразный моноспектакль гневного человека, ругающего себя иногда даже с оскорблениями. Как правило, гнев после этого не проходит, а остается злобное настроение, которое может чувствоваться довольно долго. Такая «борьба» происходит по духовному неразумию и буквальному пониманию понятий, связанных с духовным деланием. Убереги нас, Господи, от такого неразумия!

Также есть несправедный гнев, заключающийся в следующем:

Иоанн Лествичник (Лествица, сл. 8): «Жалкое зрелище видел я в людях гневливых, бывающее в них от тайного возношения. Ибо, разгневавшись, они опять гневались за то, что побеждались гневом. Я удивлялся, видя в них, как падение следовало за падением; и не мог без сострадания видеть, как они сами себе за грех отмщали грехом...».

Бывает, что человек борется со своим гневом посредством гнева и презрения к другим людям. Например, когда человек начинает гневаться на другого человека, говорит себе: «я не позволю, что бы этот человек довел меня до гнева». При этом обычно употребляется оскорбление вместо слов «этот человек» и к нему ощущается ненависть различной силы. В этих словах и чувствах четко видно превозношение себя, надеяние на свои силы и пренебрежение другим человеком. Сила гнева и ненависти направлена не на свой гнев и не на врага, а на другого человека, хотя может явно не выражаться и внешне человек молчит. Так борется гордость, особенно духовная гордыня, видя причину не в себе, а в другом человеке и силою воли пытается сдержать свой гнев.

О правильном «гнев на себя», как борьбе со страстными мыслями и желаниями

Итак, правильный гнев на себя является составляющей духовной брани с самолюбием и со своими страстями через отвержение того, что предлагают душе ее привычные страсти.

Феофан Затворник (Что есть духовная жизнь, п.56): «Сие серчание есть решительное отвержение страстного. Страстное не может иначе держаться, как сочувствием к нему; а серчанием истребляется всякое сочувствие - страстное и отходит или отпадает при первом его появлении. И вот только где позволителен и благопотребен гнев. У всех святых отцов нахожу, что гнев на то и дан, чтобы им вооружаться на страстные и грешные движения сердца и прогонять их им. Сюда же относят они слова пророка Давида: «гневайтесь, и не согрешайте» (Пс.4,5), повторенные потом и святым апостолом Павлом (Еф.4,26). Гневайтесь на страсть - и не будете согрешать, потому что, когда гневом прогнана страсть, всякий повод ко греху сим пресекается».

Иоанн Златоуст (Творения, т.9): «В том ведь и состоит вся брань души, чтобы не удалить ум от Бога, не останавливаться и не соглашаться с нечистыми помыслами, и не обращать внимания на то, что изображает в сердце этот достойный всякого порицания древний живописец — диавол».

Феофан Затворник (Письма, п.476): «Неприязнь и серчание дозволительны только тогда, когда предметом их - дурные помыслы и чувства».

Иоанн Кассиан (Послание Кастору..., кн.8, гл. 1, сноска): «Похвальный гнев бывает... когда мы воспаляемся на самих себя, т.е. за худые наши расположения, страсти, пороки, и приносим достойные плоды покаяния».

Иоанн Кассиан (Послание Кастору..., кн.8, гл. 8): «Итак, повелевается нам гневаться с пользою на самих себя, или на приходящие худые помыслы, и не грешить, т.е. не приводить их в вредное действие. Этот самый смысл яснее поясняется следующим стихом: «размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь» (в слав. умилитесь—Пс.4, 5), т. е. что вы думаете в сердцах ваших при внезапном нападении худых помыслов, то, размышлением удаляя всякое смутение и смущение гнева, находясь как бы на ложе покоя, исправляйте спасительным сокрушением и заглаживайте. И блаженный апостол, воспользовавшись свидетельством этого стиха, и сказав: «гневаясь, не согрешайте», прибавил: «солнце да не зайдет во гневе вашем, и не давайте места, диаволу» (Ефес.4, 26—27). Если вредно во гневе нашем заходить солнцу правды, и разгневавшись, мы тотчас даем диаволу место в сердце нашем, то как же выше он заповедал, чтобы мы гневались, говоря: «гневайтесь, и не согрешайте»? Не ясно ли он высказывает такую мысль: гневайтесь на пороки и ярость вашу, чтобы при вашем потворстве им солнце правды—Христос не стал заходить в омраченных душах по причине гневливости вашей, и чтобы по удалении Его вы не дали диаволу место в сердцах ваших?»

Выше уже указывалось, что сопротивление страсти должно происходить на начальном этапе ее появления, т.к. чем дольше страстная мысль остается в уме человека, тем тяжелее с ним справиться.

Феофан Затворник (Что есть духовная жизнь, п.56): «Вооружитесь же так на страсти. Гнев на страсти у вас должен быть вкоренен с той минуты, как вы положили всеусердно работать Господу, творя благоугодное пред Ним. Тут у вас заключен союз с Богом на вечные веки. Сущность же союза такова: твои друзья - мои друзья, твои враги - мои враги. А страсти что суть Богу? Враги. Во всем слове Божиим объявляется полное к ним неблаговоление Божие. Гордым Бог противится; сребролюбие - идолослужение; человекоугодников рассыпа кости Бог, и прочее, и прочее. Потому апостол и предписал христианам о страстях: «ниже да именуется в вас» (Еф.5,3). Так вот, по порядку гневу на страсти следует воспаляться в вас, как только они покажутся. Но по причине нашего повреждения не всегда бывает так. Почему гнев на страсти требует особого свободного, намеренно на них направленного неприязненного действия, усилия, напряжения. Чтобы успеть в этом, надлежит вслед за тем, как замечено в себе страстное, поспешить сознать и признать в нем врага себе и Богу. Почему поспешить нужно? Потому что с первого раза появление страстного всегда вызывает к нему сочувствие. Ибо

самоугодие долго еще скрытно живет в нас и после того, как мы явно отверглись себя и Богу себя предали и не хотим ни на йоту нарушать сего решения. Этим скрытным самоугодием, или самостию, всегда благосклонно встречаемо бывает страстное, каковая благосклонность и сражается большим или меньшим сочувствием к нему. Так вот и надобно сочувствие это отбить и гнев возбудить. То и другое посредствуется и способствуется сознанием и признанием врага в показавшемся в страстном помысле или движении, как бы они льстивы ни были. Коль скоро вражество страсти создано, рассерчать на нее уж нисколько не мудрено. Рассерчение это возникает само собою».

Вот это «рассерчение», возникающее само собой происходит благодаря правильным действиям раздражительной силы.

Итак, как мы убедились на примерах, гнев на себя включает строгое обличения себя, и как сказал

Иоанн Златоуст (т.11, ч.2, беседа 2): «...бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственным грехов».

А это означает, что человек понимает, что грешит или мыслью, или словом, или делом, и поэтому строго обличает себя и отвергает грех силою своего рвения к добродетели. Поэтому гнев на себя следует понимать и как ревность (о ней подробнее скажем чуть ниже).

Далее. Говоря о принципах борьбы со вспышками гнева, мы отмечали, что необходимо бороться постоянно и с упорством. Это же постоянство и рвение необходимо и в сопротивлении страстям, или в духовной брани.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «...вспышка ненависти на страсть и недовольство собою за нее, думание и передумывание, как отучить себя от страсти и победить страсть, нерешительный того признак, ибо это состояние минутное: пройдет, и сердце опять помирится со страстью. Но если кто с сей минуты негодования на страсть примет твердое и решительное намерение преследовать ее и, не жалея себя, начнет искоренять ее, то такое устремление против страсти есть истинное начало исправления; а благонадежность исправления зависит от постоянства и неизменности намерения и действия против страсти, ибо конец венчает дело».

Никодим Святогорец (Невидимая брань, кн.1 гл.15): «Если желаешь ты победить врагов своих как можно скорее и легче, необходимо тебе, брате, вести брань со всеми страстями своими непрестанно и мужественно, особенно же и преимущественно против самолюбия, или неразумной любви к себе в самоугодии и в саможалении, — потому что оно служит основой и источником всех страстей, и что его иначе укротить нельзя, как непрестанными произвольными самоозлоблениями и любовной встречею скорбей, лишений, напраслин, притеснений со стороны мира и мирских. Оупущение из виду этого безжалостного к себе отношения было, есть и будет всегда причиной безуспешности наших духовных побед, их трудности, редкости, несовершенства и непрочности. Итак, эта наша духовная брань должна быть у нас всегдашняя и непрестающая, и должна быть ведена с душевною бодростию и мужеством, что легко ты стяжать можешь, если взыщешь того от Бога. Выходи же на эту брань не колеблясь. Если придет смутительное помышление о ярости и непрестающей злобе, какую питают против тебя враги-демоны, и о многом множестве их полчищ, то с другой стороны помысли и о беспредельно-величайшей силе Божией и о любви Его к тебе, равно как и о несравненно большем множестве ангелов небесных и о молитвах святых. Все они неявно борются за нас с нами против врагов наших, как написано относительно Амалика: «яко рукою тайною ратует Господь на Амалика». (Исх. 17, 16). Сколько слабых жен и сколько маловозрастных детей подвигло на брань помышление о такой мощной и всюду готовой помощи! И они одержали верх и победили всю мудрость мира, все козни врага диавола и всю злобу ада».

Также важным вопросом в порядке противления страстям является то, что необходимо обязательно каяться и сокрушаться о страстных мыслях и чувствах, даже если они были не значительной силы.

Феофан Затворник (Что есть духовная жизнь..., п.60): «Прорвались (страстные мысли) - выгоните, опять прорвутся - опять выгоните. Но это уж положено. Теперь я хочу только сказать

вам, как должно вам отнестись к сим проторжениям по суду совести. Отнестись ли равнодушно или поскорбеть о том, что так бывает, и каяться в том Господу? Нельзя равнодушно относиться к сим проторжениям, а по прогнании их всякий раз надо поболеть и покаяться пред Господом, что так было. Даже и тогда, как мысли, чувства, желания страстные проторгаются вдруг, без всякого участия произволения, все же они означают, что сердце нечисто и из него «исходят помышления злая» (Мф.15,19)».

Феофан Затворник (Письма, вып.4, п.601): «Поставьте себе законом - всякий раз, как приключится беда, т.е. нападение вражье в виде худого помысла или чувства, не довольствоваться одним отражением и несогласием, но присоединять к сему молитву до образования в душе противоположных чувств и мыслей. И всегда этим завершайте свою брань с грехом. Это похоже на вынутие занозы. Благо и то, что замечаете худое, и не желаете его. Усиливайте нежелание и неблаговоление к страстям. Это будет держать вас всегда готовою встретить врага, как врага, что есть начало брани успешной».

Если выдержаны все эти необходимые элементы самопротивления, то:

Василий Великий (Правило, кратко изложенные, воп.17): «...осудивший сам себя свободен от обвинения, по причине покаяния...».

Поэтому правильный гнев на себя делает христианина воином Христовым и очищают душу.

Феофан Затворник (Письма, вып.4, п.601): «...кто как только заметит мысль или чувство недоброе, тотчас прогоняет их с гневом, тот сохраняет свою неповинность. И даже похвалу заслуживает за это отражение вражеских искушений, как воин прогнавший и отразивший врага, как только увидел его».

Феофан Затворник (Путь ко спасению): «...кто ненавистнее и неприязненнее идет против себя, круче и решительнее действует, тот скорее вступает в чистоту. Оттого видим, что все святые, востекшие на высоту христианского совершенства, вслед за обращением начинали самые строгие подвиги самоумерщвления — посты, бдения..., уединения и прочее. Это была сознательно избранная, благодатью внушенная мера, принятая к скорейшему созрению, и оно действительно скоро подавалось. Напротив, облегчения, остановки, жаления себя, хоть не постоянные, замедляли и замедляют всегда ход духовного возрастания».

Поэтому давайте четко запомним: спасительной борьбе со своими страстями мешает саможаление, которое в свою очередь приводит к равнодушию к своим грехам и к спасению.

Феофан Затворник (Толк. на посл. Колос.3.5): ««Умертвите убо уды ваша, яже на земли». — «Удами земными» Апостол называет страсти, которые вслед за сим и перечисляет. Страсти же назвал удами нашими потому, что они представляются будто неотъемлемыми частями нашего естества. Тем они и пленяют, что кажутся частями естества и что будто, вооружаясь против них, против естества идем. Отсекая страсти, будто члены свои отсекаем. На деле же страсти не естественные наши члены, а пришлые, привившиеся к естественным некоторым частям и их искажившие. И это можно счесть второю причиною, почему святой Павел назвал их удами нашими. По причине сей сцепленности иных страстей с членами нашими, действуя против страстей, нельзя, в то же время, не действовать против членов, к коим они прицепились. И тут-то привходит или врагом привводится саможаление, которое подсекает подвижническую энергию, а далее пропускает возникновение и страсти. Чтоб этого не случилось, Апостол и пишет: руби свои члены, не жалея; иначе не можешь явиться во славе со Христом Господом. Чтоб не подпасть этому искушению саможаления, подвижающемуся надлежит содержать в мысли и убеждении, что, умерщвляя некие члены свои, не их убивает, а привившуюся к ним страсть. Страсть, привившись, мертвит члены; ты же, умерщвляя страсть чрез некое умерщвление членов, освободишь их от мертвящей силы страсти и оживотворишь».

Еще одним принципом борьбы со своим самолюбием является самоуничтожение, или чувствование себя самым грешным, и соответственно этому и относиться к себе.

Феофан Затворник (Письма, вып.4, п.707): «Чем грешнейшею себя чувствовать будете, тем путь ваш правее... Много есть добрых чувств, но чувство негожества есть основное; так что коль скоро нет его, все не в прок».

Надеюсь, что после выше изученного материала о самолюбии и страстях мы сможем правильно его понимать. Оно основывается не на ненависти к себе, подобной той презрительной, которую мы испытываем к другим людям, а на осознании того, что в тебе нет ничего светлого и доброго, и что ты весь наполнен страстями, и что тебе нужен Господь для того, чтобы ты мог очиститься от всего этого смрада. Именно это чувствовали и чувствуют люди, идущие по истинному пути к Богу. Приведем примеры такого самоуничижения, которые происходили и наедине с самим собой и при других людях, но не с лукавством и мнимым смирением, как у нас, грешных, а с истинным осознанием и чувствованием.

Древний патерик (гл.15): «Авва Пимен спросил пришедшего к нему авву Нестория: «Откуда ты стяжал добродетель сию, что когда бывает скорбь в киновии, ты не говоришь и не сетуешь?» И брат, после многих вынуждений от старца, сказал: “Прости меня авва! Когда я вошел в киновию, вначале сказал помыслу моему: «ты и осел – одно и то же. Когда осла бьют, он не говорит, когда ругают его, он ничего не отвечает. Так и ты, как псалмопевец говорит: «Как скот был я пред Тобою. Но я всегда с Тобою» (Пс.72, 22-23)».

Достопамятные сказания: «Одна женщина, имевшая в груди болезнь..., зная по слуху об авве Лонгине, искала случая видеть его. Он жил в Александрии к западу в девяти милях. Когда женщина пришла искать его, блаженный Лонгин собирал древа на берегу моря. Увидев его и не зная, что это он и есть, спросила его: «Авва, где живет авва Лонгин, раб Божий?» Старец сказал ей: «чего ты хочешь от этого обманщика? Не ходи к нему. Он обманщик. Какое у тебя дело к нему?» Женщина открыла ему свою болезнь. Авва Лонгин перекрестил больное место и отпустил ее, сказав: «Ступай, Бог исцелит тебя, а Лонгин ничего не может помочь тебе». Женщина поверила слову старца, пошла и тот час исцелилась. После того, рассказывая некоторым об этом, деле, она узнала, что исцелитель ее есть сам авва Лонгин».

Достопамятные сказания: «В одно время, пришел один начальник посмотреть на авву Симона, клирики предупредили авву, сказав: «Авва, приготовься! Один начальник, услышав о тебе, идет принять благословение». «Хорошо я приготовлюсь». Надев на себя кентон (платье сшитое из многих разноцветных лоскутов) и взяв в руки хлеб с сыром, авва сел у двери и ел. Начальник пришел со своею свитою. Увидев старца, пришедшие посмотрели на него с презрением и говорили: «Это тот отшельник, о котором мы слышали?» и тот час удалились».

Итак, да поможет нам Господь приобрести истинное самоуничижение и да будем стараться исполнять советы отцов.

Феогност (Добротол., т.3, ст.3): «Всем чувством почитай себя муравьем и червем, чтоб сделаться человеком Богосозидаемым: ибо если не будет того прежде, не последует и сие. Сколько спустишься вниз в чувстве о себе, столько подымишься вверх в действительности. Когда в ничто вменяешь себя пред лицом Господа, подобно Псалмопевцу (38, 6), тогда бываешь сокровенно велик из малого; и когда сознаешь себя ничего не имеющим и незнающим, тогда ты богат и деянием и разумом, похвальными у Господа».

Ефрем Сирин (т.3, О братском вразумлении друг друга): «Поскольку дух твой есть храм, то не допускай в него никакой нечистоты. Не допускай в дом Божий ничего такого, что ненавистно Богу, а, напротив, укрась дом Божий всем, что подобает Богу. Ежели в духе твоём есть гнев, живет похотливость, привитает (обитает) раздражительность, то курится там смрадный дым. Изгони из него вражду и ненависть: воня (запах) их отвратительна; введи же в него и водвори любовь, это - фимиам, исполненный благоуханий. Собери и выброси из него весь сор, то есть гнусные наклонности и привычки; как цветами, усыпь храм твой добрыми делами, вместо роз и лилий укрась его молитвой. Произнесем осуждение на гнусные дела свои, чтобы осудить тем лукавого. Весьма полезное дело, если все мы посрамям грех. Пока нечестие не будет представлено в гнусном его виде, дотоле предающийся нечестию не перестанет предаваться ему. Пока обман не обличен, не убоится измысливший его. Пока не принято врачевство, изгоняющее болезнь, болезнь не прекратится. Нужно употребить сечение, чтобы не оставалось и корня вреда в членах. Земледелец плугом раздирает землю, исторгая из нее плевелы. Делаящий вразумление раздирает сердце и искореняет в нем пороки».

О правильных и неправильных отношениях христиан к страстям и добродетелям

В предыдущем разделе мы сказали о гневе на себя, как способе духовной брани против своих страстей. А теперь кратко рассмотрим, что же позволяет человеку так реагировать на свои привычные страсти.

Когда мы рассматривали вопрос о вспышках гнева и о чувствах, мы говорили, что гнев — это эмоциональная реакция, выражающая устойчивое отношение человека к чему-то или кому-то. Т.е. в основе эмоции лежит чувство. Так какие же чувства лежат в основе брани со своими страстями? Ненависть к страстям и злу и любовь к добру и добродетелям. Эти два чувства должны быть у всех христиан. Но, к сожалению, мы более любим свои страсти и не любим добродетели. Кратко рассмотрим свое отношение к страстям и добродетелям.

О нелюбви грешников к добродетелям и об их любви к страстям

Выше мы уже отмечали, что гнев — это отвержение того, что человек считает не приемлемым для себя и того, что ему не нравится. Если это определение гнева хорошо понятно при отношениях с другими людьми, когда мы противимся им, то такое определение только в отношении себя не всем понятно. Такое непонимание объясняется несколькими причинами: во-первых, мы привыкли видеть зло в других людей и отвергать его (хотя их зло часто и не бывает злом, но мы воспринимаем его как зло). При этом мы не видим зла живущего и постоянно действующего в нас и, как следствие живем в неведении о том, что есть добро, а что есть зло. Во-вторых, мы не только слабо осознаем, что есть страсть, а что добродетель, но нам еще и нравятся страсти во главе с самолюбием, и мы не боремся с ними, а еще и с воодушевлением им служим.

Марк Подвижник (Слово 2, ст.119): «Кто ненавидит страсти, тот отсекает и причины их; а кто пребывает с производящими их причинами, тот и нехотя бывает борим от страстей».

Например, когда меня хвалят или почитают, моя душа получает ядовитое удовольствие и если мое славолубие не будет подпитываться, то оно обижается на людей, если они не оказывают внимания или уважения. Так буду ли я сопротивляться обидчивости?! Или если моей гордости нравится осуждать людей для того чтобы самой возвысится, то будет ли душа бороться с осуждением?!

Вообще существует три основных отношения к страстям:

Авва Дорофей (Душеполезные поучения, поуч.10): «Есть три устроения (души) в человеке: он или действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет ее. Действует по страсти тот, кто приводит ее в исполнение, удовлетворяет ей. Сопротивляется ей тот, кто не действует по ней и не отсекает ее, но, борясь, как бы минует страсть, однако имеет ее в себе. А искореняет страсть тот, кто подвизается и делает противное страсти. Но эти три устроения имеют великую обширность».

Таким образом, душе могут нравиться страсти. Она может видеть, а может и не видеть. Если не видит, то это говорит о том, что человек еще не испытал сладости добродетелей, и страсти принимает как добро. Более того, многие из нас даже и не знают или не задумываются о том сколько злых страстей находится в их сердце. Для примера приведем перечень страстей и добродетелей, касающихся непосредственно нашей темы о страсти гнева.

Петр Дамаскин (Творения, кн.1, гл. Исчисление страстей): «Лютость, коварство..., злой образ мыслей, беспорядочность, невоздержность, ...грубость, невежество, ...холодность, беспорядочный крик, выходение из себя, помешательство, неучтивость, дерзость, ...ожесточение, ...злоба, ...малодушное порицание, презрение Бога, ...догадки из соображений, ...гнев, ...обезумление, ...противоречие, спорливость, злословие, вопль, смущение, борьба, раздражительность, ...желчность, раздражение, соблазн, вражда, вмешательство в чужие дела, клевета, горечь, оговаривание, порицание, обвинение, осуждение, жалоба, ненависть, злословие,

досаждение, бесчестие, свирепость, неистовство, жестокость, сплетение зла, клятвопреступление, проклинание, немилосердие, братоненавидение, неравенство, отцеубийство, матереубийство, ...ревность, состязание, зависть, непристойность, насмешка, поношение, поругание, ругательство, ...угнетение, презрение ближнего, биение жезлом, осмеивание, удавление, задушение, неприязнь, непримирение, вероломство, несознательность, зложелательность, бесчеловечность, ...злоумышление, битва, убийство, разбойничество, ...жестокосердие, злое ославление (ближнего), роптание, хула, недовольство своею участью, неблагодарность, злое советование, пренебрежение, ...злость, неблагоприятство, негодование, ...злопамятность, злоупотребление, навык в зле, ...тайные козни, ...уничужение ближнего, немилосердие, нечувствительность, ...ненависть к Богу...».

Но пусть такое большое количество проявлений страсти гнева нас не смущает, т.к. против них есть и такое же количество добродетелей.

Петр Дамаскин (Творения, кн.1, гл. Исчисление добродетелей): «Мужество, ...любовь, ...кротость, ...терпение, ...постоянство (твердое выдерживание), ...решимость, горячность, ...удаление от злого, покаяние, отречение от дьявола ...делание добра, труд, ...благоприличие, почтительность, ...подчинение, повиновение, благопокорливость, отречение от себя самого ...великодушие, ...тихость, благодушие, смелость, благое дерзновение, Божественная ревность, горение, ...неосуждение, прощение долгов, ...искусство (в обхождении), остроумие (в добре), уступчивость, сожаление ...незлобие, ...простота души, сострадание, ...благонравие, ...братолюбие, единомыслие, ...приятность, духовное устройство, тихость, прямота, незлобие, сговорчивость, неподдельность, простота, приветливость, благое беседование, благое делание, предпочитание ближнего, привязанность о Боге, добродетельный навык, непрерывное прилежание, укоренение (в добродетели), благоразумие, смирение, беспристрастие, ...терпение, долготерпение, благодать, доброта, рассуждение, удободоступность, обходительность, несмущение, ведение (духовное), наставление, ...сострадание, милосердие, человеколюбие, ненавидение жизни, ...утверждение (ближнего), поучение (его), и увещание соразмерное и понудительное...».

Как мы знаем, душа человека всегда склоняется или к добродетели или к страсти.

Исидор Пелусиот (Письма, ч. 2, п. 171): «Ибо душа приходит в какое-то изменение и склоняется или к милосердию, или к жалости, или к добродушию, или к отвращению от порока. Если человек не будет преклонен, то не умилосердится над просителем; если не будет тронут, не сжалится над нуждающимся; если не пострадает чего-либо, не будет благодетельствовать врагу; если не придет к той мысли, что оскорблена справедливость, не обратится к тому, чтобы возненавидеть лукавство».

Вот так мы и живем, склоняясь то на страсть, то на добродетель. Причем эти склонения зачастую не являются осознанными, а руководятся самоугодием. И если так мы живем, то, конечно, в нашей жизни не будет таких духовных деланий как гнев на себя и отвержение страстных мыслей и желаний и не будет чувств ненависти ко злу и любви к добродетелям.

О любви истинных христиан к добродетелям и об их ненависти к страстям

Итак, грешник живет в добром расположении к страстям и нелюбви к добродетелям. Но спасибо Господу, что Он не оставляет нас и возбуждающая благодать Божия действует на грешника и посредством недовольства приводит его к Богу.

Феофан Затворник (Путь ко спасению): «Непосредственно наитствует дух человека Божественная, вездесущая и всепроникающая благодать... Общая черта сих возбуждений есть недовольство собою и всем своим и туга о чем-то. Становится человек не удовлетворяющимся ничем, что окружает его, — ни своими совершенствами, ни тем, что имеет, хотя бы то были несметные сокровища, и ходит, как будто горем убитый. Не находя отрады ни в чем видимом, обращается он к невидимому и приемлет его с готовностью, и искренно присвояет его себе, и себя — ему. Многие с вопросом: чем все это кончится и к чему приведет, — оставляли все и

изменяли не только чувства и поведение, но и род жизни. Бывали случаи, что такое недовольство выражалось преимущественно в части знательной, как у Иустина Философа (июня 1), который преимущественно искал света ведения Божественного Существа; иногда в части сердечной, как у Августина (Блаженного; 15 июня — Ред.), который преимущественно искал покоя своему мятущемуся сердцу; а иногда, большею, впрочем, частию), — в части деятельной, в совести, как у разбойников Моисея (Мурина; августа 28 — Ред.) и Давида (Ермопольского; сентября 6 — Ред.). Множество бывало случаев, что вдруг озарялась внутренняя хранилища духа, засеменялось влечение и устремляло дух инуды (в иное место)».

Когда человек начинает истинно стремиться к Богу, то он начинает познавать и осознавать, что есть грех и как он проявляется в нем, и тогда видит в себе следующее:

Григорий Богослов (Плачь о страданиях души своей): «...Два, точно два во мне ума: один добрый, он следует всему прекрасному, а другой худший, он следует худому. Один ум идет к свету и готов покоряться Христу; а другой — ум плоти и крови влечется во мрак, и согласен отдаться в плен велиару. Или один увеселяется земным, ищет для себя полезного не в постоянном, но в преходящем, любит пиршества, ссоры, обременительное пресыщение, срамоту темных дел и обманы, идет широким путем, и, покрытый непроницаемою мглою неразумия, забавляется собственною пагубою; а другой восхищается небесным и уповаемым как настоящим, в одном Боге полагает надежду жизни, здешнее же, подверженное различным случайностям, почитает ничего не стоящим дымом, любит нищету, труды и благие заботы, и идет тесным путем жизни. Видя их борьбу, Дух великого Бога снисшел свыше и подал помощь уму, прекращая восстание беспокойной плоти, или умирняя волнуемые воды черных страстей. Но плоть и после сего имеет неистовую силу и не прекращает брани; борьба остается нерешительною. Иногда персть смиряется умом, а иногда и ум опять против воли последует превозмогающей плоти. Но хотя желает одного, именно лучшего; однако же, делая другое — что ненавидит...».

Видя такую двойственность, душа, искренне желающая спасения, опять таки под действием Святого Духа наполняется силой рвения, которая позволяет не подчиняться своим привычным страстям, а сопротивляться им и приобретать противоположные добродетели.

Феофан Затворник (Толков. на посл. Галатам, 5,22-23): «Отказавшись однажды навсегда, в принятии веры и в крещении, и потом постоянно отказываясь, в жизни, от внушений и влечений самости со страстями, христианин ревностный, всегда верный своему призванию, под действием благодати Святого Духа развивает в себе и возвращает в противоположность страстям и похотям добрые и богоугодные расположения и стремления, которые, став строем его сердца, составляют в нем того потаенного в сердце человека, которому предопределено быть человеком блаженной вечности. Похоти и страсти, дела плотские, пришли в нас и расплодились из самости, сего злого семени, всеянного искусителем; а добрые расположения сродны нам: они неотъемлемые качества богоугодного духа. Когда благодать, нисшедши внутрь нас, оживляет дух наш, приходят в движение и все, сродные ему, расположения и стремления. Не вдруг, однако ж, приходят они в силу. Их возвращают труды действования по влечению духа. Ибо отверженная самость с полчищем страстей своих стоит тут против, лицом к лицу, и мешает им свободно разливаться. Против каждого доброго расположения своя страсть. По мере убития страсти возникает доброе расположение. Тут то же происходит, что когда человек высвобождается из трясины или из облепивших его цепких трав, то одну руку, то другую, то одну ногу, то другую высвобождает он. Так, у христианина со страстями. Чрез борьбу с собою, трудами подвижничества, отчищает он от страстей одно доброе расположение за другим, пока все отчистит, и они явятся в свойственной им полноте, силе и красоте. Без труда и подвига этого не достигнешь. Но и труд, и пот свой ничего не дает твердого и прочного. Желание, искание и труд — наш, а — плод Дух Божий сокровенно, под прикрытием бесплодного по себе труда нашего, производит в сердце. Борется, например, с собою гневливый и ищет кротости; но самую кротость возвращает и укрепляет в сердце благодать Святого Духа. Вот почему святой Павел озаглавливает этот список добрых расположений так: «плод духовный есть». Духовный — по-гречески: πνευματος, — Духа, то есть плод Духа. Святой Златоуст и говорит: «злые дела от нас

одних происходят, потому Апостол и называет их делами плоти; а добрые (расположения) требуют не нашего только старания, но и человеколюбия Божия (то есть благодати Духа)». «Ибо при содействии Духа преуспевает душа в каждом из сих дел» (блаженный Феодорит)».

Примечательно то, что сам человек не может вызвать в себе благие расположения, т.е. нельзя искусственно, по театральному, сыграть любовь и радость, т.к. это — плод Духа. Но желать жить в мире и любви, стараться останавливать самолюбивые стремления и привычные страстные мысли и желания, все это — труд и обязанности человека. И для этого Господь дает человеку различные духовные оружия. Так, против греха в себе Господь дал человеку духовные оружия, одним из которых является ненависть ко греху и отвержение его.

Макарий Египетский (Духовные беседы, бес.26,12): «Самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце, сотворил он брань с сатаною, возненавидел себя самого, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее, противился привычным своим пожеланиям, препирался с помыслами, боролся с самим собою».

У Никодима Святогорца это оружие названо «копьем трехострийным»:

Никодим Святогорец (Невидимая брань, предисл.): «...твердая решимость отнюдь не соглашаться на борющую страсть, отрывать ее от себя с гневом и ненавидеть от всего сердца...».

Так, живя во грехе, человек не чувствует зла страстей и не мучается под их действием, т.к. они приносят ему удовольствия. Но когда человек начинает сопротивляться своим страстям, то они упорно противятся ему и тогда человек чувствует мучение.

Феофан Затворник (Что есть духовная жизнь..., п.56): «...у тех, которые долго жили и много удовлетворяли страстям, ...они рыкают, как львы, и бросаются на восстающего против них с ожесточением».

Приведем самый простой пример. Человек никогда не обращал внимания на страсть чревоугодия, и когда она действовала, например, предлагая перекусить чем-то вкусеньким, человек спокойно удовлетворял это желание. Но когда он узнал, что появляющийся в воображении образ еды, который возбуждает желание усладиться, когда ты не голоден, является страстью чревоугодием, человек пытается отвергнуть этот образ и не поступить так, как поступал обычно, т.е. вкушал без промедления и с удовольствием. Те, кто пытался отвергать чревоугодие, хорошо знают, как образ еды постоянно возвращается и возвращается, при этом предлагая множество доводов почему надо удовлетворить это желание. В такой атаке образов и желаний можно находиться долго, и если человек не соглашается с предложением чревоугодия, то он испытывает мучение от появляющихся мыслей об еде. Такие же мучения человек испытывает, например, и от сопротивления страсти гнева, когда он пытается молчать, а страсть влечет его высказать что-то другому человеку. Если он высказывает, то чувствует облегчение, а если же сопротивляется, то чувствует мучение. Таким образом, те, что были нам друзьями, начинают воевать с нами и мучить нас. Тот, кто постоянно начал сопротивляться страстям, все более и более чувствует, как они его мучают. И т.к. душе свойственно отвергать и ненавидеть то, что ей не нравится, то она начинает ненавидеть страсти. А ее мучения относятся к духовному мученичеству.

Дмитрий Ростовский (Летопись, гл. События во 2-ом столетии, 4-го тысячелетия): «Так как в нас обретается и умножается таковое нравное идолопоклонение (как свое грехолюбие), то посему подобает быть и мучеником духовным, без крови страдальствующим. Как в те времена, в которые нечестивые и не верующие в Бога люди поклонялись идолам, были бесчисленные святые мученики, проливавшие свою кровь за Христа и умиравшие за Него многоразличными смертями,— подобным образом и ныне, когда распространено в нравах наших греховное идолопоклонение, истинные христиане, хотя и без пролития крови, должны ради любви Христовой быть мучениками, во все дни умерщвляя свои страсти и умирая для греха, чтобы быть недейственными для совершения греха и не поработить себя греховным сластям. Ибо как привычный грех есть идол нашего нрава, так и сопротивление греху есть мученический подвиг. Мучителем же является или естество страстное, или нрав злой, или от диавола нападающее искушение. Слуги мучителей — это скверные помыслы, влекущие ко греху и прилучающихся лиц на грех прельщающие. Многоразлично мучение — борьба с

помыслами скверными, со страстями и похотями (Гал.5, 24), и чрез нее соделывается духовный мученик Христов, который хотя и не проливает крови, однако сподобляется венца мученического. О таковом духовном мученичестве прекрасно беседует прежде упомянутый святой Златоуст, говоря следующее: "Кто-нибудь скажет: как возможно то, чтобы мы последовали мученикам, так как теперь не время гонений? Воистину так, и я это знаю, что теперь нет времени гонений, но есть время мученичества. Теперь нет времени таковых борений, но есть время венцов; не гонят люди, но гонят бесы; не озлобляет мучитель, но озлобляет диавол, лютейший всех мучителей. Ты видишь теперь не подложенные горящие угли, но зришь разженный пламень похоти. Они угли горящие попирали, а ты попирай огонь естества; они со зверями боролись, а ты гнев, как яростного и неукротимого зверя, обуздай; они стояли против нестерпимых болезней, а ты побеждай скверные помышления, которые исходят от твоего сердца; и таким образом ты будешь последователем мучеников. "Ныне бо несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным" (Еф. 6, 12). Похоть естества — это огонь, и огонь неугасимый и всегдашний, как пес лютый и беснующийся. Если тысячу раз его победишь, он тысячу раз устремляется и не перестает. Правда, лют пламень огня, однако возгорение плоти сильнее, и мы никогда не имеем премирия в сей брани, никогда не получаем прекращения сего борения, доколе в сей жизни обретаемся, но непрерывен для нас и постоянен подвиг, да и светлейший будет венец". Так говорит святой Златоуст. Очевидно, что умерщвление в нас страстей греховных есть бескровное мученичество».

Далее. Для борьбы человеку также дано и мужество, которое является одним из главных добродетелей.

Петр Дамаскин (кн.2, сл.19): «(Мужество рождается от раздражительной части души и находится посреди дерзости и боязливости) Свойство мужества состоит не в том, чтобы побеждать и одолевать ближнего, это есть дерзость, стоящая свыше мужества, и не в том, чтобы, по страху искушений, уклоняться от деланий о Боге и добродетелей, это, напротив, боязнь, находящаяся ниже его; но в том, чтобы пребывать во всяком деле благом и побеждать страсти душевные и телесные, потому что «несть наша брань к крови и плоти», то есть к людям, как в древности было с иудеями, когда побеждавший иноплеменников совершал дело Божие, «но к началом, и ко властем» (Еф.6, 12), то есть к невидимым демонам. И побеждающий мысленно побеждает или бывает побеждаем страстями».

Как видим, у души есть ненавидение зла, но также есть и любовь к добру.

Василий Великий (Беседа на псалом 44): «...на пользу разумной душе даровал Бог все способности, как способность любить, так и способность ненавидеть, чтобы, управляемые разумом, любили мы добродетель и ненавидели пороки».

Т.е. человеку даны чувства, которые могут ощущать и узнавать добродетели. Такая способность дана практическим духовным чувствам.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Есть еще между практическими чувствами особенная способность, с одной стороны ощущать сладость добра очевидного, с другой — сердцем узнавать доброту сокровенную, без внешних пособий. То и другое, поскольку означает совершенство духа, не может быть в грешном сердце в своей чистоте, а разве только в слабых оттенках или легких соуслаждениях закону. У доброго христианина сия способность является во всей силе. Кто лучше его может осязать красоту добродетели? Доброту же и худобу поступков и сердец других он узнает нередко по непосредственному осязанию духовному».

Исаак Сирий (Слово 32): «...И еще другой есть способ, то есть крепость и воспламенение пса обнаруживаются, когда наиболее возрастает в душе вожделение добродетели. Ибо в какой мере возрастает в душе вожделение, в такой же воспламеняется и этот пес, то есть естественная ревность к добродетели».

И именно ненависть ко злу и любовь к добру вызывают такое духовное делание, как самопротивление и самопринуждение.

Феофан Затворник (Толков. на посл. колоссянам, гл.3,5): ««Уклонися от зла и сотвори благо (Пс. 33, 15) — два предмета, на кои обращаются все внимание и все усилия возжелавших иметь живот свой во Христе Господе. Как, с ноги на ногу перенося центр тяжести, подвигается вперед идущий куда-либо; так идущий ко Христу и со Христом течение свое совершает двумя сими — уклонением от зла и творением блага. Иначе это называется противлением себе в злом и принуждением себя на добро: самопротивление и самопринуждение суть две ноги. Куда доходят ими? Доходят до того, что зло и страсти совсем изгоняются; доброе же все является в силе и полноте совершенства».

«Самопротивление» должно быть неразрывно связано с «самопринуждением». Первое является рвением и силой, отвергающие страсти, а второе – рвение и сила, стремящиеся к добродетели.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Самопротивление и самопринуждение, то есть он постоянно противится себе во зле и наклоняет себя на добро. Возникают худые движения — надобно их прекратить, нужно делать добро, а сердце не лежит, — надобно себя к тому склонить. В этом состоит непрерывная борьба человека с самим собою. Постоянным в ней упражнением он наконец образует в себе доброго, охотно действующего человека, погашает зло и преобразует деятельность сил на добро (Макарий Великий, о хранении сердца, гл. 12,13; о свободе ума, гл. 18)».

Феофан Затворник (Путь ко спасению): «Самопротивление и самопринуждение — это два оборота возрожденной в духе ревности, форменные как бы начала подвижничества. То и другое составляет брение человека с собою, или, иначе, подвиг. ...Единственно верным путем добродетели всеми святыми признается его болезненность и притрудность, а противная тому льгота есть признак пути ложного: «Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е» (Мф.11,12). Кто не в брении, не в подвиге, тот — в прелести. У Апостола сказано: кто не терпит, тот не сын (см.: Евр.12,78)».

Феофан Затворник (Внутренняя жизнь, гл.11): «Есть еще внутренний (крест). О нем помяну вам коротко... Он состоит в самопринуждении и в самопротивлении. Пока человек в грехе, он не любит добра, не сочувствует ему и не думает о нем. Положив теперь твердое намерение не грешить, он сознает себя обязанным желать одного добра, о нем одном помышлять и в нем одном находить удовольствие. Но обращаясь к себе, к своему внутреннему, он не находит там сих расположений. Ум заняться хочет другим, мечтает и парит, сердце холодно к добру, склонности воли обращены на другое. Что делать? Надо отрывать их от одного и приковывать к другому - отрывать от страстного и греховного и наклонять к доброму, бесстрастному, духовному. То есть надо противоречить себе в худом и принуждать себя на добро... И это при всяком почти деле. ...В этом состоит внутренняя брань, производимая самопринуждением и самопротивлением, как бы двумя руками. Болезненна она! Как больно, когда вынимают занозу, или как больно оторвать палец, прилипший к железу на морозе, - так больно сердцу, когда его отрывают от одного, чтоб преклонить к другому. Больно сие, но спасительно. Оттого и именуется крестом спасительным, источающим богатое исцеление страстному сердцу нашему».

Духовную брань должна сопровождать такая добродетель, как рвение.

Исаак Сирин (Слово 32): «Это есть добродетель, без которой не производится доброе, и она называется ревностью, потому что от времени до времени движет, возбуждает, распаляет и укрепляет человека - пренебрегать плотью в скорбях и в страшных встречающих его искушениях, непрестанно предавать душу свою на смерть и идти на встречу отступнической силе ради совершения того дела, которого сильно возжелала душа. Ибо некто, облеченный во Христа, ревность сию в словах своих назвал псом и стражем закона Божия, то есть добродетели, потому что законом Божиим называется добродетель».

Рвение, как и мужество, и ненависть ко злу и т.п. относятся к способностям раздражительной силы человека.

Василий Великий (Беседа 10. На гневливых): «раздражительность есть душевный нерв, сообщающий душе силу к прекрасным предприятиям. И если когда случится, что душа

расслаблена сластолюбием, раздражительность, закалив ее, как железо закаливается погружением, из слабой и весьма изнеженной делает ее мужественною и суровою. Если ты не раздражен против лукавого, невозможно тебе ненавидеть его, сколько должно. Думаю, что с равною ревностью должно и любить добродетель, и ненавидеть грех».

На этом мы закончим краткое рассмотрение вопроса о гневе на себя и о чувствах, связанных с отношениями к добру и злу в себе, и вернемся к вопросу о страсти гнева, направленной на других.

Раздел 2.2: О нелюбви, гневе, хулении и ропоте на Бога

Нелюбовь и гнев могут быть направлены не только на людей, но и на Бога.

О нелюбви и равнодушии к Богу

Прежде чем сказать о гневе на Бога, скажем о том, что мы, христиане, к великому нашему бедствию, не имеем истинной любви к Богу, т.к.

Иоанн Кронштадтский (Моя жизнь во Христе): «Любить Бога всем сердцем - значит любить всей душой кротость, смирение, чистоту и целомудрие, мудрость, правду, милосердие, послушание ради Бога и никогда не делать противного этим добродетелям, т.е. не гордиться, не раздражаться, не сердиться ни на кого, не прелюбодействовать ни даже в сердце, ни взглядом, ни словом, ни мыслию, ни телодвижением не нарушать целомудрия, удаляться всякого безрассудного излишнего слова и дела, избегать всякой неправды, ненавидеть скупость и корыстолюбие, бегать своенравия и непокорности».

Есть ли у нас все эти добродетели?! К сожалению, нет, и мы в этом убедимся еще не раз, читая поучения, приведенные ниже.

Итак, уже отмечалось, что у человека заложено Богом сочувствие к Богу и к Его миру, которое и составляет наши духовные, или религиозные чувства. К этим чувствам относятся: «страх (Божий), благоговение, преданность в волю Божию, упование, любовь (к Богу) и другие...» (Феофан Затворник). Но многие ли из нас могут сказать о себе, что он наполнен всеми этими чувствами? К сожалению, нет. Так как тема любви к Богу является отдельной темой, то приведем только одно из многочисленных поучений о признаках любви к Богу, которое позволит нам еще раз увидеть, что мы любим только самих себя, а к Господу и другим людям у нас есть нелюбовь в различных проявлениях: от равнодушия до ненависти.

Но в начале скажем о том, как у грешного человека заглушены чувства к Богу.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Услаждение Богом и сочувствие с миром Божественным у человека - грешника заглушено и извращено. Вот некоторые признаки того: Бог объемлет человека, носит его силою Своею, питает его щедротами благодати Своей, а он того не чувствует. Следовательно, его сердце для Божественного онемело, замерло, не принимает впечатлений от него; если же не принимает впечатлений и не вкушает его, то не может иметь и влечения к нему, как к неизведанному, не может обнаружить, что ему сладостно пребывать в нем, что оно ему сочувствует; ибо нельзя человеку сказать, что он находит приятность быть в том или другом месте, среди тех или других вещей и лиц, когда он не был там и не видал их. Что такое неведение или безгласность симпатии есть, это очевидно, ибо почти повсюдно. Для грешников Божественное есть земля неведомая, и при вопросах они не могут сказать, хорошо ли там или худо, разве только предположительно иной скажет что без убеждения и силы; а скажет ли кто, как там хорошо, об этом и спрашивать нечего. Это первое. Во-вторых, кто вкусит сладкого, тот не захочет горького. Что сладостнее Божественного? Потому не оно ли должно бы поглощать всего человека, заглушая собою все другие ощущения? Необходимым следствием живого союза с Богом должно бы быть

бесстрастие ко всему другому. Сердце есть сосуд: если его весь наполнить Божественным, где место другому чему? Если теперь найдется сердце с сильными пристрастиями к чему не Божественному, то о нем надобно сказать, что оно потеряло сочувствие к сему миру, отделено от него. Сердце же грешника всегда пристрастно к чему-нибудь, потому что страстно. Оно, вообще, любит услаждаться чувственным, греховным; но в нем всегда есть один какой-нибудь предмет, в который оно входит все, в котором пребывает денно и нощно, который раскрашает многообразно в мечтах дневных и сновидениях ночных; есть, то есть, нечто, что заменяет Бога и как истукан стоит в глубине сердца, в самых сокровенных и потаенных его изгибах, чтобы одним им любоваться. Всякий страстный есть, по существу дела, идолопоклонник. Наконец, если Божественное неведомо, а напротив, сладостно другое, противоположное, то при встрече образов Божественного человек-грешник должен или быть к ним равнодушным, как к предметам сторонним, или ощущать беспокойство от присутствия их, чувствовать себя здесь как бы не в своем месте, отвращаться и бежать. Отчего грешнику не хочется участвовать в священнодействиях, быть в церкви, слышать пение, смотреть на святые изображения, слушать Слово Божие, читать духовные книги или молитвы? Оттого, что все это для него предметы неприятные, отвлекающие от себя; они ему не по сердцу, не принимаются им, не питают его, а мучат. Сердце имеет свойство упругих тел. Как сии при натиске со вне отталкивают предметы, так и оно еще больше отвлекает от себя Божественное и само отрывается от него при насильственном соприкосновении с ним. Как вода извергает палку вертикально погруженную в нее, так оно спешит освободиться от того, что входит в него со вне — из другого мира».

На первый взгляд некоторым может показаться, что это учение не о них, а о тех людях, которые еще не пришли к Богу и в Церковь. Но оно касается непосредственно и нас, христиан, которые возможно находятся в Церкви долгое время. И ниже мы в этом убедимся.

Все мы знаем о первой заповеди о любви к Богу. Но все ли из нас имеют ее в какой-либо мере? Для того, чтобы познать это приведем следующее поучение.

Никодим Святогорец (Поучения. Жизнь Христа. Его любовь): «По восьми признакам ты можешь узнать, любишь ли ты Бога, как должно. Ты действительно любишь Его, если: 1) любишь Его свободно, а не по принуждению; 2) соблюдаешь Его заповеди; 3) любишь Его от всего сердца и ничто другое не любишь так, как Бога; 4) часто вспоминаешь Его имя, как говорит Григорий Богослов: «Сильно любящие кого-либо с наслаждением вспоминают и имя любимого»; 5) проливаешь обильные слезы, когда вспоминаешь имя Божие, как говорит святой Исаак: «У любви есть обычай — при воспоминании о любимых проливать слезы»; 6) во время молитвы твой ум легко оставляет все дела мира и прилепляется только к памяти о Боге и любви к Нему, и чувствует внутри сладость и покой, превосходящие любую сладость и любое успокоение, и сколько времени ты проводишь в молитвенном предстоянии Богу, столько у тебя и любви к Нему; 7) ты радуешься, когда терпишь поношения за любовь к Богу и за исполнение Его заповедей; 8) если твоя любовь к Богу не побеждается ничем другим, как говорит апостол Павел: «За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 36—39). Итак, испытай, имеешь ли ты все эти признаки любви к Богу. Посмотри, любишь ли ты Бога так, как малые дети любят своих родителей или звери — тех, кто родил их? Любишь ли ты Бога, как кто-нибудь любит своего благодетеля и друга? Обращена ли твоя любовь к Богу так, как стрелка корабельного компаса всегда обращена к северу? Испытай себя, хранишь ли ты заповеди Божий, потому что кто любит Бога, тот исполняет и заповеди Его, как Сам Он сказал: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14, 15). И наоборот, если кто не любит Бога, тот и заповедей Его не исполняет: «Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих» (Ин. 14, 24)».

К сожалению, мало кто из нас, христиан, может утверждать, что его любовь к Богу содержит все вышеперечисленные признаки. У нас нет открытой нелюбви к Богу, но наша любовь более напоминает равнодушие.

Феофан Затворник (Что есть духовная жизнь..., п.37): «Недавно я поминал вам о духе жизни, что он бывает или богобоязненный, или самолюбивый, или миролюбивый. И забыл приписать сюда еще и четвертый: ни то ни се, хоть мимоходом где-то указывал и на это. Этим духом дышит не наибольшая ли часть людей? Они и против Бога ничего, кажется, не имеют, но и Богу угождать преднамеренною целью не имеют. Пришлось, например, сходить в церковь - сходил, а нет - и горя нет. И дома, когда молятся, поклон-другой - и конец, И довольны. Так и во всем Божеском. Они не то чтобы и эгоисты были заметные, но для защиты своих интересов, для того, чтобы уволить себя от каких-либо самопожертвований, всегда найдут резон уклониться. Они и не миролюбцы слишком выдающиеся, но не прочь и потешиться вместе с миром делами мира. Такого рода люди сплошь да рядом. Это равнодушные к делу богоугождения и спасения, ни теплые, ни холодные. Бог отвращается от них и отвергает их».

Далее приведем несколько поучений и может быть они затронут наши сердца и мы отчетливо еще раз увидим свое отношение к Богу и к делу спасения своей души.

Никодим Святогорец (Поучения. Жизнь Христа. Его любовь): «Но я боюсь, что ты, если и исполняешь заповеди Божий, то делаешь это не так, как положено, а с тысячью роптаний и вперемешку с тщеславием. Проверь, любишь ли ты Бога «всем сердцем твоим, и всею душою своею, и всею крепостию своею» (Лк. 10, 27), как Он заповедал нам. Ибо если твоя любовь бывает разделена надвое,— когда в твое сердце войдет, хотя бы оно было и тонко, как волос, стремление к чему-нибудь другому,— то знай, что ты не любишь Бога всей душой твоей и от всего твоего сердца. Итак, подумай, насколько далеко отстоишь ты от Божественной любви, тем более, что твое сердце разделено не на две, а на много частей. Как это страшно — призывать имя Господне без благоговения и в суете, или по принуждению, или только один-два раза в день! Твое сердце так ожесточено, что ты не только не плачешь, когда слышишь сладчайшее и любимейшее имя Божие, но ты даже ничуть не смягчаешься, когда видишь Бога, проливающего кровь и пригвожденного ко Кресту. Когда ты стоишь на молитве, твой ум прилепляется ко всему суетному и мирскому, он и здесь, и там, но только не в словах молитвы. А если и простоишь ты немного на молитве, то быстро отягощаешься и приходишь в уныние. Вот как мало любишь ты Бога — как только почувствуешь малейшее неудобство, тотчас обращаешься вспять и забываешь о прежних добрых мыслях. Есть еще один важный признак любви к Богу: когда ты с равным усердием молишься и за друга, и за врага, не делая между ними различия. Вот что говорит об этом святой Григорий Палама: «Когда с умилением и сладкой скорбью в сердце ты будешь приносить Господу моление как о себе, так и о всяком человеке — известном тебе и неизвестном, враге и друге, оскорбившем тебя и не оскорблявшем,— тогда знай, что ты от души любишь ближнего. Но такое устройство души бывает только тогда, когда ты дела любви совершаешь втайне» (Слово на Евангелиста Иоанна). Наконец, о том, что необходимо любить ближнего, как самого себя, Господь сказал отдельно: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин.13, 34),— и не остановился на этом, но продолжил так: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин.15, 13). Испытай же, возлюбленный, есть ли у тебя признаки истинной любви. Мне кажется, что у тебя их нет. Ибо вместо того, чтобы любить своего брата — соотечественника и единоверного тебе,— ты его ненавидишь, жалишь и пожираешь, как написано в Послании к Галатам: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал.5, 15). И вместо того, чтобы просить у Бога прощения совершенных тобою грехов, ты молишься о том, чтобы Он наказал твоего обидчика, как собака, которая бросается не на того, кто кинул в нее камнем, но, будучи неразумным животным, бежит и кусает сам камень. Так и ты воюешь не против диавола, который подтолкнул твоего брата и заставил его броситься на тебя, как бы кинул камень, но, неразумный, начинаешь нападать на брата. Ты не любишь ближнего больше, чем себя, даже просто как себя ты его не любишь. Ибо ты имеешь и что есть, и что пить, и во что одеться, и покой имеешь, в то время как твой брат голоден и хочет пить, испытывает все мыслимые лишения и страдания, а ты на него и смотреть не хочешь. Это противно христианской любви, как пишет Апостол Павел: «иной бывает голоден, а иной упивается» (1Кор. 11, 21). Итак, раскайся, измени свою жизнь и проси у Господа прощения за то, что ты провел ее не любя ни

Его, ни ближнего. И пообещай Ему, что впредь будешь стараться любить и Его, и своего ближнего, будешь понуждать себя к этому. Проси Его также о том, чтобы Он укрепил и сохранил тебя Своей благодатью и обновил ею естественные силы любви, которые Он в тебя вложил».

Откровенные рассказы странника (свидание 5): «Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближнему, не верю ничему религиозному и преисполнен гордостью и сластолюбием....1) Я не люблю Бога. Ибо если бы я любил Его, то непрестанно размышлял бы о Нем с сердечным удовольствием; каждая мысль о Боге доставляла бы мне отрадное наслаждение. Напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование с Ним чрез молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с Ним; но, напротив, я не только не наслаждаюсь молитвою, но еще при занятии ею чувствую труд, борюсь с неохотою, расслабляюсь леностью и готов с охотою чем-нибудь маловажным заняться, чтобы только сократить или престать от молитвы. В пустых занятиях время мое летит неприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие, каждый час мне кажется годом. Кто кого любит, тот в продолжение дня беспрестанно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем и при всех занятиях любимый друг его не выходит из его мыслей; а я в продолжение дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге и воспламенить себя в Его любви, а двадцать три часа охотно приношу ревностные жертвы страстным моим идолам!.. В беседах о предметах суетных, о предметах низких для духа, я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив. Если же и невольно бываю увлечен другими к беседе божественной, то стараюсь скорее переходить к беседе, льстящей страстям моим. Неутомимо любопытствую о новостях, о гражданских постановлениях, о политических происшествиях; алчно ищу удовлетворения моей любознательности в науках светских, в художествах, в приобретениях, а поучение в Законе Господнем, познании о Боге, о религии не делает на меня впечатления, не питает души моей, и я сие почитаю не токмо несущественным занятием христианина, но как бы сторонним и побочным предметом, коим я должен заниматься разве только в свободное время, на досуге. Кратко сказать, если любовь к Богу познается по исполнению Его заповедей: «аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте», говорит Господь Иисус Христос, а я заповедей Его не токмо не соблюдаю, но даже и мало стараюсь о сем, то по самой чистой истине следует заключить, что я не люблю Бога... Сие утверждает и Василий Великий, говоря: «Доказательством, что человек не любит Бога и Христа Его есть то, что он не соблюдает заповедей Его» (Нрав. прав.3)... Из сего перечисленного я вижу себя гордым, любодейным, неверующим, нелюбящим Бога и ненавидящим ближнего. Какое состояние может быть греховнее? Состояние духов тьмы лучше моего положения: они хотя не любят Бога, ненавидят человека, живут и питаются гордостью, но по крайней мере веруют, трепещут от веры. А я? Может ли быть участь бедственнее той, которая предстоит мне? И за что строже и наказательнее будет определение суда, как не за таковую невнимательность и безрассудную жизнь, которую я сознаю в себе!...».

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года, Неделя 23 по Пятидесятнице, понед.): ««Царица южная восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их». За что? За равнодушие к делу совершаемому Господом пред их глазами. Та царица, услышав о мудрости Соломоновой, издали пришла послушать его, а эти мужи, имея пред лицом Самого Господа, не внимают Ему, хоть очевидно было, что Он выше Соломона, как небо выше земли. И всех равнодушных к делам Божиим, осуждает южная царица, потому что Господь всегда и среди нас так же очевидно присущ в евангельских сказаниях, как было тогда. Читая Евангелие, мы имеем пред очами Господа со всеми дивными делами Его, ибо оно также несомненно, как несомненно свидетельство собственных очей. Между тем, кто внимает Господу так печатлюющемуся в душах наших. Мы смежили очи свои или обратили их в другую сторону, оттого и не видим; а, не видя, не занимаемся делами Господа. Но это не извинение, а причина невнимания, столько же преступная, сколько преступно и самое дело, происходящее от него. Дело Господа наше

первое дело, то есть спасение души. К тому, что от Господа, мы должны внимать и без отношения к нам, не тем ли более когда оно все обращено на нас, на устройство нашего существенного дела, значение которого простирается на всю вечность? Судите, сколь же преступно невнимание к такому делу!»

Никодим Святогорец (Поучения. Наша любовь к Богу): «Как же мы не желаем любить Его? Какое же озлобление скрывается в нас, если после всех жертв, принесенных Богом ради нашего спасения, мы остаемся неподвижными и равнодушными к Нему! Раскаемся же в своей холодности и неблагодарности к Владыке. И пусть отныне главным основанием всех наших действий будет любовь к Нему. Бог есть Бог сердца нашего, как говорит Давид: «Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век» (Пс.72,26). Скажем же вместе с блаженным Августином: «Господи, поработи любви к Тебе всю мою свободу. Возьми Себе мою память, мой ум, мою волю. Даруй мне сердце, размышляющее только о том, что Твое, мысль, любящую Тебя, память, занятую Тобой, ум, думающий о Тебе».

О богохульстве и ропоте

Рассмотрев вопрос о равнодушии к Богу, теперь непосредственно поговорим о чувствах, которые присущи страсти гнева. Если человек недоволен Богом, то это обнаруживается в слове о Боге с сердечным раздражением и это называется – богохульством.

Феофан Затворник (Толков. на посл. к колоссянам, 3, 8): ««Хуление»... обнаруживают в слове сердечное раздражение. Хуление — в отношении к Богу — богохульство».

К богохульству также относится хуление Пресвятой Богородицы, ангелов и святых.

Нравственное Богословие (грехи против 3-й заповеди, грех – богохульство): «Предметом чьего либо хуления могут быть: Сам Господь, в Троице Лиц почитаемый, Богочеловек Иисус Христос, Пречистая Владычица Богородица, святые ангелы и святые угодники».

Есть три основные стадии хуления Бога: хула по оправданию и малодушию, свойственная верующим, хула от презрения и ненависти к Богу – свойственная неверующим, и хула на Бога дьяволом.

Паисий Святогорец (Духовное пробуждение, т.2, ч.1): «Бесстыдные люди находятся в первой стадии хулы на Святого Духа. Во второй стадии находятся те, кто презирает божественное. В третьей стадии находится дьявол».

О дьявольской хуле мы не будем говорить (т.к. этот вопрос уже раскрыт в теме «О прелести»), а рассмотрим хулу на Бога от неверующих и верующих людей.

Наравне с богохульством существует и ропот на Бога.

Нравственное богословие (О грехах против 3-й заповеди, грех - ропот на Бога): «Ропот не включает еще в себе ненависти к Богу: но он выражает гнев-досаду на самого Бога».

Ропотом считается малейшее движение мысли (ума) и негативных эмоций (сердца), направленное в никуда, к другому человеку или непосредственно к Богу на то, что тебе кажется несправедливым. Такое возмущение может быть о действиях Самого Бога, о других людях и о своих скорбях.

Богохульство неверующих людей по ненависти к Богу или неверию в Него

Хула на Бога может исходить от ненависти к Богу или от холодного расположения к Нему, когда человек открыто или молча богохульствует (это свойственно неверующим людям).

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, §316): «Хулится святое и страшное имя Божие по-разному: 1) Когда человек не верит Слову Его святому и открытым в нем тайнам и обещаниям. Ибо хотя неверующий и не называет Его ложным, но самым делом это показывает, как говорит апостол: «не верующий Богу представляет Его лживым» (1Ин 5:10). Ибо кто не верует слову Божию, тот Самому Богу не верует, и так страшно хулит Его. Сюда относятся не признающие воскресения мертвых и прочих тайн, которые открывает Слово

Божие. 2) Хулятся имя Божие, когда человек явно изрыгает на Него хулу, называет Его или неправедным, или немилостивым, или не признает присносущного Его бытия, или Промысла о создании Своем, или прочие тому подобные хульные слова на Него произносит. И если даже кто хульным словом и не касается имени Его, но в сердце держит мысли, Божественным Его свойствам противные, то также имя Божие хулит. Ибо Бог глубину сердца человеческого видит, и одинаково, как сердечным, так и устным хулением величество Его бесчестится».

Нравственное Богословие (грехи против 3-й заповеди, грех – богохульство): «И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его, и живущих на небе» (Откр.13,6). Богохульство, о котором ведем мы речь, это не богохульные помыслы, которым против воли подвергаются иные верующие души и которые не вменяются в вину, как исключительно наглые шептания в душу со стороны дьявола. Нет, - это намеренные и умышленные клеветы и поругания на Бога или на святых Божиих, произносимые то публично, т.е. более или менее в многолюдном собрании, то пред некоторыми только лицами (степень последнего богохуления имеют «письменные» хулы, как читаемые только немногими лицами)».

Такие люди считаются богоненавистниками. Их раздражают разговоры на духовные темы и о Боге. Это происходит от того, что их души не знают Бога и не находят удовольствия в познании Бога.

Феофан Затворник (Толков. на посл. к римлянам, 1,30): «Отвыкшие от памятования о Боге и о вещах божественных и пристрастившиеся к вещам видимым не находят удовольствия, когда кто наводит на мысль их на эти предметы. Иной может и открыто выразить сколько это ему неприятно. Но это еще не вражда на Бога, хоть достаточное семя вражды».

Вот пример таких раздражений:

Пaisий Святогорец (Духовное пробуждение, т.2, ч.1): «Хула на Святаго Духа - это вообще презрение к божественному (разумеется, когда человек находится в здравом уме). Тогда он виновен. Например, когда один сказал мне: «Да пошел ты вместе со своими богами...» - я его толкнул и тряхнул как следует, потому что это было богохульством. Или, например, проходят двое мимо церкви. Один крестится и говорит другому: «Дружочек, перекрестись и ты...», а тот восстает: «Да отстань ты, нашелся тоже указчик, где мне креститься!» Такое презрение – хула».

Богохульство, или, можно сказать, клевету на Бога, неверующие люди могут также произносить и со спокойными эмоциями или с насмешкой. Даже если человек говорит без проявления гневной страсти, это все равно не является для него оправданием, т.к. он имеет чувство к Богу – ненависть или отрицание Его существования. Итак, богохульство и богоненавистничество является тяжким грехом.

Нравственное Богословие (грехи против 3-й заповеди, грех – богохульство): «Умышленный и сознательный богохульник, вместе в тем, оскорбляет и ближних. Своими богохулениями он производит всеобщее негодование, касаясь веры, которая есть святыня человека, высшее из всех благ. Слабым душам он и существенно вредит, потому что эти души после его богохулений и подумают иногда: «В самом деле, не так ли...?» ...Что сказать о вменяемости богохульства? Это грех чудовищный. Он выражает какую-то ненависть к Богу и святым, показывает отсутствие всякой веры. Первым показателем его был дьявол. Когда дьявол говорил в раю Еве: «подлинно ли сказал Бог» (Быт.3,1), то тут слышим клевету на Самого Бога. Какая же страшная дерзость: человеку, который есть «червь» пред Богом, произносить хулы на Всевышнее Существо! Какое безбожие поднимать язык на Божественную чистоту действий Иисуса Христа, Который есть вечный благодетель человеков – искупительная жертва за грехи мира! Какое нечестие – поносить Божию Матерь, Царицу Небесную, всегда молящуюся за грешников, какая наглость – клеветать на святых Божиих или приводить в пример из земной жизни их и действительные падения, но только для унижения их, а никак с целью урока или предостережения себя!... (Богохульник) опасный член государства: какого злодеяния нельзя ожидать от того, кто не боится поносить Самого Бога и святых? – За богохульство в ветхом завете назначалось смертная казнь: например, Навуфей по ложному завинению в этом грехе был побит камнями (3Цар.21,13); в новом завете этот грех относится к признакам последних времен».

Святые отцы объясняют почему некоторые люди ненавидят и отрицают Бога.

Николай Сербский (Мысли о добре и зле, «Ненависть к праведнику»): «Человек ненавидит того, против кого грешен. Сначала боится, потом ненавидит. Когда человек согрешит против своего друга, он испытывает перед ним страх, который превращается в ненависть. А ненависть ослепляет. Человек боится того, кто знает его грехи. За страхом приходит ненависть. Когда человек понимает, что грех его кому-то известен, его душу наполняет страх, страх быстро перерастает в ненависть. А ненависть ослепляет. То же происходит в душе человека, который знает свой грех перед Богом и знает, что Богу известен его грех. И тогда человека охватывает страх перед Богом, страх перетекает в ненависть, от которой душа человека слепнет. Ослепленный ненавистью к человеку, человек замышляет убийство. Поскольку же убийство Бога невозможно, то ослепленный ненавистью к Нему человек вместо убийства прибегает к тому, что он считает равносильным ему, - к отрицанию Бога, которое поистине равносильно самоубийству».

А теперь приведем поучение Иоанна Златоуста, как необходимо поступать, когда мы слышим, как безбожники хулят Бога.

Иоанн Златоуст (т.2, ч.1, беседа 1 о статуях): «...хочу просить всех вас об одной услуге, ...- чтобы вы унимали в городе тех, кто богохульствует. Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулит Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказываясь, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом; и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди. И если судья перед судилищем потребует ответа, смело скажи, что он похулил Царя ангелов, ибо если следует наказывать хулящих земного царя, то гораздо больше оскорбляющих Того (Царя). Преступление - одного рода, публичное оскорбление, обвинителем может быть всякий, кто хочет. Пусть узнают и иудеи и эллины, что христиане - хранители, защитники, правители и учителя города; и пусть то же самое узнают распутники и развратники, что - именно - им следует бояться рабов Божьих, дабы, если и захотят когда сказать что-либо подобное, оглядывались всюду кругом и трепетали даже теней, опасаясь, как бы христианин не подслушал, не напал и сильно не побил. Ты слышал, что сделал Иоанн? Он увидел тирана, ниспровергающего брачные законы, и смело посреди площади заговорил: "не должно тебе иметь жену брата твоего" (Марк. 6:18). А я привел тебя не к тирану, не к судье, и не за противозаконные браки, не за оскорбляемых со-рабов, а удостаиваю тебя исправлять равного за бесчинное оскорбление Владыки. Не правда ли, ты счел бы меня сумасшедшим, если бы я сказал тебе: наказывай и исправляй царей и судей, поступающих противозаконно? И, однако, Иоанн сделал это; следовательно, это не свыше наших сил. Теперь же исправляй, по крайней мере, хоть со-раба, хоть равного себе, и если даже надо будет умереть, не переставай вразумлять брата. Это будет для тебя мученичеством. И Иоанн ведь был мучеником. Ему не приказывали ни принести жертвы, ни поклониться идолу, но он сложил голову за святые законы, когда они подвергались поруганию. Так и ты до смерти борись за истину, и Господь будет поборать за тебя. И не говори мне таких бессердечных слов: что мне заботиться? У меня нет с ним ничего общего. У нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего. Они имеют одну и ту же с нами природу, населяют одну и ту же землю, питаются одной и той же пищей, имеют одного и того же Владыку, получили одни и те же законы, призываются к тому же самому добру, как и мы. Не будем, поэтому, говорить, что у нас с ними нет ничего общего, потому что это голос сатанинский, дьявольское бесчеловечие. Не станем же говорить этого, а покажем подобающую братьям заботливость. А я обещаю со всей уверенностью и ручаюсь всем вам, что если все вы, присутствующие здесь, захотите разделить между собой заботу о спасении обитающих в городе, то последний скоро исправится весь. И хотя здесь малейшая часть города, но малейшая по количеству, а по благочестию главная. Разделим между собой заботу о спасении наших братьев. Достаточно одного человека, воспламененного ревностью, чтобы исправить весь народ. А когда на лицо не один, и не два, и не три, а такое множество могущих принять на себя заботу о нерадивых, то не по чему иному, как по нашей лишь беспечности, а отнюдь не слабости, многие погибают и падают духом. Не безрассудно ли, в самом деле, что если мы увидим драку на

площади, то бежим и мирим дерущихся; да, что говорю я - драку? Если увидим, что упал осел, то все спешим протянуть руку и поставить его на ноги; а о гибнущих братьях не заботимся? Богохульник - тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший. Подойди же и подними его и словом и делом, и кротостью и силой; пусть разнообразно будет лекарство. И если мы устроим так свои дела, будем искать спасения и ближних, то вскоре станем желанными и любимыми и для самих тех, кто получает исправление. И - что всего важнее - мы насладимся предстоящими благами, которые все мы да достигнем благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Как видим, в этом поучении Иоанн Златоуст призывает останавливать хуление имени Божиего различными путями: словом и даже делом (ударом по щеке). Но сразу остановим тех читателей, у которых возникло чувство рвения и готовность сражаться за веру Христову, т.к. зачастую мы путаем страсть гнева и ненависти с истинным рвением. Но об этом скажем в следующей главе, разбирая вопрос о справедливых возмущениях духа.

Богохульство христиан от заблуждений

К богохульству христиан относится любой возмущенный вопрос, направленный к Богу, а также вопрос, в котором есть сомнение о существовании Бога. Обычно, богохульство христиан бывает в скрытой форме: когда оно исходит от заблуждения о действиях Божиих и приписывает их дьяволу; когда человек говорит о Боге от своего неведения и непознания Бога (этот вопрос раскрыт в теме: «Заблуждения о действиях Божиих и действиях врага»); когда человек, желая оправдать себя, искажает истину; когда выносятся суждения о «неправильных действиях» Бога в отношении себя, других людей и мироздания (последнее свойственно как христианам, так и неверующим).

К сожалению, многие даже и не знают, что такими возмущенными и сомневающимися вопросами они богохульствуют.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди): «Всякий ужаснется назвать себя богохульником. В нашем представлении богохульники — это ожесточенно неверующие люди. Мы, верующие, ходим в храм, приступаем к Таинствам Церкви... И все же мы богохульники: — ибо в несчастях и болезнях мы ропщем на Бога, осуждая тем самым Промысел Божий и волю Божию; — есть среди нас, малодушных христиан, и такие, которые, не имея терпения перенести без ропота ту или иную скорбь или утеснение, открыто заявляют: "Бога нет!", а если не говорят, то мыслят так. Кайтесь с горьким сокрушением сердечным, кайтесь пред Господом в этих богохульных словах; а может, кто из вас еще дерзал винить Бога даже в том, что он попускает людям грешить? "Разве я виновата, что у меня такой характер, это от рождения..." или; "Если бы Бог был, разве допустил бы Он войны, грабежи, убийства, смерть детей и людей в юном возрасте" и т. д. И эти слова и мысли принадлежат христианам?! Господи, прости нас, явных богохульников! Есть среди нас еще и такие малoverы, которые искушают Бога, говоря Господу дерзкие слова: "Если Ты, Господи, есть, то исполни то или иное мое желание, а если не исполнится мое желание, то Тебя нет!" И все это из уст не только приходящих к вере, а людей называющих себя глубоко верующими!». Господи, прости нас, грешных! Мы уже уподобляемся тем хулителям, которые на Голгофе издевались над распятым на кресте Богом! Вспомните слова злодея, повешенного рядом: "...если Ты Христос, спаси Себя и нас" (Лк. 23, 39). Если у кого из кающихся сегодня были подобные дерзкие обращения к Господу, кайтесь с горьким сокрушением, кайтесь: Господи, прости нас, богохульников!».

Также Бог хулится среди христиан, если они горды и презирают других людей. И такое христианское богохуление будет свойственно последним временам.

Феофан Затворник (Толкование на 2 посл. Тимоф.3,2): ««Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы...». Хульницы, — нечестиворечивы, богохульны. «От возношения — презорливая и своенравная надменность, от надменности — хуление

(нечестиворечие, неправые к Богу чувства, восстание против Бога)» (святой Златоуст). Или «от того и другой богохуление» (Экумений). Ибо естественно, что, «когда зло из самолюбия разрастается прогрессивно, то доходит и до восстания против Бога» (бл. Феофилакт). — Святой Златоуст пространно изъясняет эту сторону дела. «Надмевающийся над людьми легко будет надмеваться и пред Богом. Так рождаются грехи; они часто восходят снизу вверх. Кто почтителен к людям, тот тем более благоговеет пред Богом; кто послушен подобным себе рабам, тот будет тем более покорен Владыке; а кто презирает подобных себе рабов, тот постепенно дойдет и до презрения Самого Бога. Не будем же презирать друг друга. Это худая наука, которая научает нас презирать Бога, и даже тем самым, что мы презираем друг друга, мы уже оказываем презрение к Богу, Который повелел нам иметь великое попечение друг о друге. Если хотите, я поясню вам это иначе,—примером. Каин презрел брата и тотчас же оказал презрение и к Богу. Каким образом? Посмотри, как непочтительно (бранчиво, грубо) отвечает он Богу: «еда страж брату моему есмь аз?» (Быт. 4, 9). Также Исав, презиравший брата, оказал презрение и к Богу (ни во что вменив Богом данные первородству преимущества). Презирали братья Иосифа, оказали презрение и к Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрение и к Богу. Также сыновья Илия презирали народ, — оказали презрение и к Богу.—Хочешь ли видеть примеры противного? Авраам был снисходителен к племяннику, был послушен и Богу, как видно из послушания его касательно сына Исаака и из всех прочих его добродетелей. Также и Авель, будучи кроток в отношении к брату, был благочестив и в отношении к Богу. Не будем же презирать друг друга, дабы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, дабы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу. А когда самолюбие, сребролюбие и презорство соединяются вместе, то чего еще недостает до совершенной гибели? Все развратилось, и натекает премножество нечистот греховных».

О хуле на Бога, выраженной в суждениях о «неправильных действиях» Бога в отношении других людей и мироздания, и в бесстыдных самооправданиях

Этот вид хулы заключается в осуждении Бога, который действует не так, как считает человек.

Нравственное богословие (О грехах против 3-й заповеди, грех - ропот на Бога): «(Некоторые люди) произносят ропот на (скорби) других: «зачем же это Бог отнимает (чрез смерть) мать у стольких малолетних детей? (Другие) смущаются промыслительными действиями Бога в истории целого человечества в какое-либо данное время: «зачем попускались войны, ...зачем бывают нужды людей?»».

Оно может сопровождаться спокойным рассуждением, а может быть эмоционально окрашенным: или возмущением, или высокоумным превосходством, или сарказмом. Такую хулу люди не воспринимают как хулу, а говорят, что высказывают свое мнение. Приведем примеры о такой хуле из учения современного подвижника.

Паисий Святогорец (Духовное пробуждение, т.1,ч.3): «Сейчас судят мирян, судят всех политических и церковных деятелей, но этого мало - судят даже Святых и доходят уже до того, что судят Бога. «Бог, - говорят такие люди, - не должен был совершать то-то и то-то. Ему следовало бы поступить так-то и так-то, а Он поступил неправильно» Слышишь, что несут? «Брат ты мой, ты что ли будешь Ему указывать?» - «А что? Я выражаю свое мнение», - отвечает он, не понимая, сколько в этом бесстыдства. Мирской дух разрушил много доброго. Зло развивается и доходит до скверного, уродливого состояния, доходит до богохульства. Люди судят Бога, и их даже не беспокоит помысл, что это хула на Него. ...Как-то раз ко мне в каливу пришел один человек и заявил: «В таком-то вопросе Бог не должен был поступать так, как Он поступил» - «А ты можешь, - спросил я его, - удержать на воздухе хотя бы один маленький камушек? Звезды, которые ты видишь на небе, это ведь не блестящие игрушечные шарики. Это небесные тела колоссальных объемов, которые несутся с головокружительной скоростью и при

этом не сталкиваются друг с другом и не отклоняются от своего курса». – «А по-моему мнению, - снова говорит он мне, - это следовало устроить по-другому». Ты только послушай! Да неужели мы будем судить Бога? Появилось много логики, и исчезло доверие Богу. А если сказать таким людям, что они неправы, то они ответят: «Извини, но я высказал свое мнение. Разве я не имею на это права?» Чего только не приходится Богу слышать от нас! К счастью, Он не относится к нам всерьез. В Ветхом Завете говорится о том, что Бог повелел израильтянам изгнать из страны всех хананеев без остатка (См. Втор. 7:2). Раз Бог дал такие повеления, значит, Он что-то предвидел. Но израильтяне сказали: «Это не очень-то человеколюбиво. Давайте оставим хананеев, не будем их истреблять». Однако прошло время и, заразившись от хананеев, они были увлечены в безнравственность, идолослужение и приносили в жертву идолам собственных детей, как говорится об этом в псалме (См. Пс. 105:37: «И приносили сыновей своих и дочерей своих бесам»). Бог знает, что делает. А некоторые с бесстыдством спрашивают: «Зачем Бог создал адскую муку?» Человек начинает судить и с этого момента теряет доброе духовное состояние. У него нет (даже) малой Благодати Божией, чтобы понять что-то чуть глубже, то есть понять, по какой причине Бог создал то или другое. Суд, гордыня, эгоизм - вот что такое все эти «зачем» и «почему»».

Есть еще такой вид хулы, который называется бесстыдством. Заключается он в следующем:

Паисий Святогорец (Духовное пробуждение, т.2, ч.1): «...бесстыдство - это тоже богохульство. Бесстыдник для того, чтобы оправдать свое падение, извращает или попирает какую-нибудь, например, евангельскую истину. Он не чтит истины, не чтит действительности, он сознательно комкает ее, он втоптывает святыню в грязь. И постепенно это становится уже его состоянием. Затем от него удаляется Благодать Божия, и человек принимает бесовские воздействия. И до чего же это дойдет, если он не покается! Боже упаси! Если кто-то в гневе похулит даже и Святаго Духа, то это богохульство не является непростительным, потому что человек не верил в то ругательство, которое произнес. Он сказал его потому, что в то мгновение, в гневе, он потерял контроль над собой. И кается он тоже сразу. Но бесстыдник оправдывает ложь для того, чтобы оправдать свое падение. Тот, кто оправдывает свое падение, оправдывает диавола. (Вопрос:) «А как, Геронда, он оправдывает свое падение?» - Он может вспомнить что-то, сказанное десять лет назад по другому поводу и привести это в пример для оправдания себя. В то мгновение даже и диавол - величайший адвокат - не смог бы придумать подобное. (Вопрос:) «А что чувствует такой человек?» - Что чувствует? Нет ему никогда покоя. Тут даже если человек прав и старается оправдать себя самого, он не имеет покоя. Тем паче, если он не прав и оправдывает себя бесстыднейшим образом. Поэтому будем, насколько можно, опасаться бесстыдства и презрения и не только к божественному, но и к нашему ближнему, потому что наш ближний - образ Божий».

Если же кто-либо грешил таким образом, то пусть последует следующему призыву к покаянию одно из современных подвижников:

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди): «В отношении к Богу, который посылает или попускает нам те или иные испытания, мы грешим: безнадежностью; ропотом; даже хулой на Бога, посылающего, по нашему мнению, "несправедливые" и "непосильные" кресты. Может, кто из вас сам говорил или присоединялся к словам других, или соглашался с ними в душе, что если бы Бог был благ, то не было бы войн, не страдали бы дети, не было бы болезней, не было бы внезапных смертей в расцвете молодости и сил и т. п. Может, кто из вас в этих мыслях доходил до отрицания даже бытия Божия, Промысла Божия?! Кайтесь Господу! Как безрассудно своим ограниченным умом судить о Твоем Домостроительстве и делать безумные выводы из того, что недоступно нашему пониманию!».

О хуле на Духа Святого через хуление Его причастников

Если мы выносим неправые суждения о людях, которые одарены Богом духовными дарами, то тем самым мы хулим Духа Святого.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, §316): «Страшно имя Божие хулится, когда дело Его Божественное приписывается противнику Его дьяволу, каковыми хулителями были книжники и фарисеи во время жития Христова на земле, или иной какой твари, как то сделали израильтяне, которые великое дело избавления своего из Египта приписали бездушному тельцу: «Это боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли египетской» (Исх.32:4).

Василий Великий (ч.5, Нравственные правила, пр.35): «Тот хулит Духа Святого, кто действия и плоды Святого Духа приписывает противнику. Этому подвергаются многие, нередко усердного опрометчиво называя тщеславным того, кто проявляет добрую ревность, ложно обвиняя в гневе, и многое подобное, приписывая им такие мотивы по лукавым подозрениям».

Симеон Новый Богослов (Слово 64): «Поелику Господь наш Иисус Христос говорит во Святом Евангелии: «всяк грех и хула отпустится человеком; а яже на Духа хула, не отпустится человеком... ни в сей век, ни в будущий» (Мф.12:31-32), то надлежит нам исследовать и познать, что это за хула, которая бывает на Духа Святого? На Духа Святого хула есть, когда кто действия Духа Святого приписывает диаволу, как говорит Василий Великий (Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах. 273). Когда кто видит, что какой-нибудь брат христианин совершает чудеса или имеет какое-либо дарование Святого Духа, как-то: сокрушение сердечное, или слезы, или смирение, или разумение божеских вещей, или другое что такое, что подает Дух Святой любящим Бога, и говорит, что это - прелесть диавола, тот хулит Святого Духа. Также и тот, кто говорит, что сподобляющиеся воздействия Божественного Духа, как сыны Божии, и исполняющие повеления Бога и Отца их состоят в прелести от диавола, - и этот хулит Духа Святого, действующего в них, как и евреи хулили Сына Божия, когда, видя, как демоны были изгоняемы Христом, хульно говорили с великою дерзостью, что Он о всельзевуле, князе бесовском изгоняет бесов. Но иные, слыша сие, не слышат и, видя сие, не видят, и о всем том, относительно чего Божественное Писание свидетельствует и удостоверяет, что оно бывает от Духа Святого и от божественного воздействия, как из себя вышедшие и все Божественное Писание отвергшие, и все ведение, подаемое сим Писанием, из ума извергшие, не трепещут говорить, окаянные, что такие действия бывают от опьянения и демонов. Будто неверные и совершенные невежды, не ученые божественным тайнам, они, когда услышат о божественном осиянии или освещении души и ума, или о созерцании и бесстрастии, или о смирении и слезах от действия и благодати Святого Духа, тотчас, как бы не имея сил стерпеть великого блистания и силы словес сих, омрачаются паче очами души своей, чем просвещаются, и с великою дерзостью решают, что это от прелести бесовской, и не трепещут, окаянные, ни суда Божия, ни вреда, причиняемого тем, кои слышат их. Мало того, они не колеблются утверждать, дерзкие, что в настоящие времена ничего такого не бывает от Бога ни в ком из верующих, а это есть крайнее нечестие, паче, нежели ересь».

Если по отношению к Богу оговаривающие праведников являются хулителями, то по отношению к этим людям – клеветниками.

Ефрем Сирин (Творения, ч.2): «Великое наказание готовит себе тот, кто клеветает на праведного...».

Далее следует сказать, что когда человек дает оценку праведнику, то его охватывает раздражение, возмущение и т.п., то свой гнев хулящий воспринимает как дух ревности, защищающий православие и христианские истины, а не свои страсти гордыни, зависти и гнева. Но более подробно об этом будет сказано в разделе: «О раздражении при рассмотрении вопросов, связанных с верой».

Раздел 2.3: О различных нравственных чувствах, выражающих нелюбовь к людям

Следующие беседы будут о чувствах и грехах, связанных с нелюбовью к близким людям. Это не только укажет нам на некоторые грехи, которые мы, может быть, не замечали и не каялись в них, но и даст нам время для того, чтобы мы учились видеть в себе страсть гнева и противостоять ей. А в следующей главе мы опять продолжим говорить непосредственно о гнев, злопамятстве, мести, осуждении и пр., и надеюсь, что восприятие этих бесед будет еще более живым и опытным, т.к. мы уже пройдем какой-то путь самопознания и знания о страсти гнева.

В этом разделе мы поговорим о грехах, происходящих от всех видов гнева, которые возникают при отношениях с нашими близкими. Раздражения, гнев, злопамятство, месть, ненависть и равнодушие характерны тем, что они присутствуют в нашей повседневной жизни очень часто и становятся нормой поведения.

Сразу же отметим, что гневаться на человека по любой причине – грех.

Древний Патерик: «Брат спросил авву Пимена: что значит: «гневаться на брата своего всеу» (срав.Матф.5,22)? – «Всеу» гневаешься, отвечает старец, если гневаешься за всякое «лихоимство», которое ты терпишь от брата твоего, - даже если бы он выколол у тебя правый глаз. Если же кто старается удалить себя от Бога, - на такого гневайся».

Но прежде чем говорить о грехах, кратко скажем о симпатических чувствах к людям.

О чувствах к себе и другим людям

Ранее мы уже отметили, что к душевным чувствам относятся нравственные чувства, а это, во-первых, чувства человека к себе, т.е. эгоистические и, во-вторых, чувства к другому человеку, т.е. симпатические. Сейчас мы кратко рассмотрим вопрос о том, как они соотносятся между собою.

О любви и нелюбви к другому человеку

Всем известно, что основным чувством к другому человеку является любовь. Она имеет множество чувств, которые относятся к нравственным симпатическим чувствам.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «(К симпатическим чувствам относится)... уважение, соревнование, сорадование, соболезнование, сожаление, признательность, дружба и проч.».

(О любви мы будем говорить подробнее в следующей главе, т.к. основной целью этой главы является вопрос о том, как нелюбовь, относящаяся к страсти гнева, приводит человека к грехам).

У любви есть противоположное расположение – нелюбовь, которая имеет множество чувств: от чувства равнодушия до чувства ненависти.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «(К симпатическим чувствам относится) равнодушие, ...зависть, злорадство, месть, ненависть, вражда, презрение, осуждение и проч.».

Откуда же появилась в человеке нелюбовь, если любовь, симпатия и сочувствие к людям изначально были даны Богом? По грехопадению добрые чувства извратились и стали пристрастием, человекоугодием, холодностью, антипатией, ненавистью, злобой и т.п.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «...в отношении к людям то, что с первого взгляда всякий почти нам кажется чужим, что от него к нам и от нас к нему несет холодом и потом после на все время остается в нас равнодушие к нему, не означает ли потери симпатии? Редкие исключения из сего не противоречат общему выводу, а напротив, еще больше показывают извращение сочувствия. Бывает мгновенное сочувствие и сроднение с некоторыми лицами без предварительных сношений; но, кроме того, что тут часто кроются великие ошибки даже на гибель человеку, оно всегда почти есть плод отражения подобного в подобном. Равнодушие не всеобщее, ибо к некоторым питается пристрастие; но и оно дышит неправдою и ведет всегда к неправде. Сверх того, что значат антипатия и ненависть, по которым

одни без всякого повода, другие вследствие взаимных сношений не могут показаться друг другу на глаза; что иное значит это зверство, по коему находят удовольствие в погублении других, как не решительное извращение сочувствия к людям?».

Когда нелюбовь становится устоявшимся чувством, то оно будет постоянно проявляться при каких-либо ситуациях или отношениях через эмоциональные переживания. Причем человек может не думать именно так конкретно: «я не люблю кого-то», особенно он не может так сказать по отношению к своим родителям или детям, но эта нелюбовь и враждебность живут в его сердце и проявляются, когда затрагивается его самолюбие. Вот тогда при гневе, осуждении, обиде, мести и т.п. энергия любви к себе и нелюбви к другому раскрывается в полной мере. Пока же человек спокоен и никто, и ничто не затрагивает его самолюбивых интересов, он склонен считать, что он любит людей и желает всем добра.

Далее. Из Писания нам хорошо известны свойства истинной христианской любви, изложенные Апостолом Павлом в 1-ом послании к Коринфянам, главе 13-й. И т.к. нелюбовь является антиподом любви, то эти же свойства любви являются и свойствами нелюбви, только с противоположным значением. И тогда можно сказать, что нелюбовь «не долготерпит, не милосердствует, завидует, превозносится, гордится, бесчинствует, ищет своего, раздражается, мыслит зло, радуется неправде, а не сорадуется истине».

Святые отцы всегда четко указывают чувства, которые относятся к любви и нелюбви.

Ефрем Симрин (О добродетелях и страстях): «Грехи раздражительной силы суть следующие: жестокосердие, ненависть, несострадательность, злопамятство, убийство и постоянное помышление о подобном сему. К уврачеванию же и исцелению от сих грехов служат: человеколюбие, любовь, кротость, братолюбие, сострадание, терпеливость и доброта».

И еще одно. Истинную любовь всегда сопровождают состояния радости и счастья, при чем эти состояния нельзя вызвать искусственно, они сами рождаются и живут. И из этого можно сделать простой вывод о нелюбви – нелюбовь сопровождается состояниями нерадости от равнодушия до ненависти. Поэтому, любой человек может посмотреть на себя и определить в любви ли и радости он живет, или у него более преобладает чувства нелюбви к людям и состояния недовольства, равнодушия и нерадости. Понятно, что злые чувства не должны иметь места у христианина, и поэтому весь его внутренний труд над собой должен вести к приобретению добрых расположений к другим людям.

О связи любви к себе и любви к ближнему

Итак, как мы уже не раз говорили, раздражительная сила, это – сила любви, которая исказилась под действие греха, и стала не любовью, направленной к Богу и людям, а любовью к себе.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1,§253): «Когда человек ту любовь, которую ближнему должен оказывать, к себе обращает, тогда это его дело называется самолюбием».

В разделах «О причинах гнева», «О борьбе с огорчением и недовольством» и «О любви к себе и о самолюбии» также говорилось, что наше самолюбивое «я» всегда будет защищать свои страстные интересы (а это чревоугодие, блуд, сребролюбие, тщеславие и гордость). При этом другой человек всегда будет представляться врагом, посягнувшим на наши потребности, и наше самолюбие вступает в противоборство с ним. Далее прочтем поучение о том, как самолюбие поступает с другим человеком.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1,§ 253): «Признаки самолюбия, которое противоположно любви к ближнему, таковы: 1) Сам хочет, чтобы остальные его любили, а другим того сам не делает, и не хочет делать. 2) Сам хочет всякое добро иметь и всякого зла и злополучия избежать, а о прочих не заботится. 3) Хотя кто и делает кому добро, однако не даром, а ради своей корысти. Таковы те, которые на обед зовут ближних, чтобы или самим ими позванными быть, или ими любимыми и почитаемыми быть; а также те, которые подают

бедным помощь, чтобы от них какое-нибудь услужение иметь. Сюда относятся и те, которые ради того дают милостыню, чтобы принимающие Богу о них молились. Любовь истинная даром и из любви к добру делает добро, даром над всяким бедным умиляется. 4) Самолюбец обиды нанесенной не терпит, но мстит или хочет отомстить. Таковой есть самолюбец потому, что сам хочет прощение согрешений от Бога получить и хочет, чтобы ближний ему обиду простил (ибо никто не хочет, чтобы им обиженный на него злобился и ему мстил); но сам того не хочет ближнему делать, и так любит себя более, нежели Бога и ближнего. 5) Сюда относятся богачи, которые или дома богатые строят и о прочих увеселениях заботятся, или богатые столы собирают, или богатыми одеждами украшаются и в прочем любят роскошь, а ближних бедных презирают, или подают им, но мало, так, что нужда их этим не удовлетворится... 6) Тягчайшее самолюбие есть, когда кто ищет своей корысти с обидой ближнего. Таковы те, которые крадут, похищают, отнимают чужое добро... 7) Опять же тяжкое самолюбие — когда ради какой-нибудь корысти не хотим научить ближнего тому, что сами знаем... 8) Еще тяжкое самолюбие — когда кто не хочет и старается не допустить того, чтобы ближний его имел такое благополучие, пользу, похвалу, славу и честь, каковые он имеет. И это есть зависть злая... 9) Также тяжкое самолюбие — когда ближнего перед людьми порочит для того, чтобы люди думали, что он таких пороков в себе не имеет. И это есть великое и несносное человеческого сердца лукавство и хитрость — хотеть от беды ближнего себе благополучие обрести, от поношения его прославиться. Так делают все те, которые ближнего тайно или явно осуждают, а о себе или молчат, или бесстыдно разглазывают и злость языка своего так прикрывают: «Я-де не к осуждению его говорю». Если не к осуждению зло о ближнем проносишь, то почему о себе ничего «не к осуждению» не говоришь? Разве никакого греха не имеешь? Такое-то зло, лукавство и слепота в сердце человеческом кроется! Сам зол, а других судит. 10) Признак весьма тяжкого самолюбия — за любовь ненависть и за благодеяние злодеяние воздавать благодетелю. Таковы те, которые, забыв благодеяние благодетелей своих, поносят их, клеветают на них и ищут, как над ними злобу свою совершить. Эти люди хуже самих животных, которые своих кормителей знают и никакого зла им не делают».

Исходя из этого понятно, как человек постоянно пребывает в чувствах к себе и в чувствах к другому и как у грешного человека эгоистичные чувства доминируют над симпатическими чувствами. А это означает, что сила любви, данная человеку, используется им в большей степени на себя, а не на других людей.

Платон, митр. Московский (Поучительные слова, слово на день Святой Троицы): «Не чувствуем любви к ближнему: потому что чрезмерным самолюбием заражены мы, и никого не любим, кроме самих себя».

Любовь же к другим будет или холодной, или пристрастной, или гореть злыми чувствами.

Игнатий Брянчанинов (Аскетические опыты, ч.2, Совещание души с умом): «Самолюбие выражается по отношению к ближним или посредством ненависти, или посредством человекоугодия».

Поэтому чем больше любви к себе, тем не правильное и меньше и любви к другим людям. Зная о таком расположении грешного человека, Господь дает нам заповедь о том, что мы должны научиться правильно любить себя и ближнего человека: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22:39). И все святые отцы также учат этому.

Игнатий Брянчанинов (кн.3, Аскетические проповеди, поуч.2): «Чтобы возлюбить ближнего, как самого себя, предварительно нужно правильно полюбить себя».

Но мы, грешные, не исполняем эту заповедь и продолжаем неправильно любить себя и других людей, даже уже находясь в лоне Церкви. Мы как бы и понимаем, что у нас много любви к себе и мало любви к другим, но не чувствуем этого с сокрушением и печалью о своей душе. Мы не помним этого во время обычных ситуаций, происходящих при нашем постоянном общении с людьми, а это значит, что наше знание не является живым. Поэтому приведем несколько толкований на эту заповедь и пусть они пробудят наше сердце и память.

Евфимий Зигабен (Толкование на посл. на Ев. от Матф., гл. 7, ст.12) «во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Все, что прежде узаконил

относительно любви, теперь в немногих словах собрал существенное и вкратце возвестил легкое и самое справедливое дело, говоря: «во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Итак, делайте им то, чего желаете и от них, чтобы они делали вам, а это совершенно одно и то же, что любить ближнего, как самого себя. Поэтому и прибавил: «Это есть закон и пророки». Так утверждает древний Закон и пророки. Закон говорит: «возлюби ближнего своего как сам себя» (Лев. 19,18), а пророки часто увещевали иудеев к братолюбию. Но и Христос впоследствии законнику, вопрошавшему, какая заповедь в Законе большая, ответив, что это есть заповедь о любви к Богу и о любви к ближнему, присоединил: «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22, 36-40), т.е. преимущественно держатся этих двух заповедей, наиболее трактуют об этих двух, а главною своею целью имеют научить людей, с одной стороны, любить Бога, живя благочестиво, а с другой стороны, любить друг друга, не обижая ближнего».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.1, § 251): «Образ любви к ближнему показывает Святое Писание: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22:39). Как любишь себя, так и ближнего своего люби. Как не хочешь, чтобы кто тебя обидел, отнял что у тебя, оклеветал, оболгал, прельстил, обманул, опорочил, похитил что, осудил тебя, укорил и прочее зло сделал, так не желай и не делай того и ближнему. Как не хочешь, чтобы кто тебя в нужде оставил, так не оставляй и ближнего своего. Как хочешь, чтобы кто тебе в бедности помог, так желай и помогай сам бедствующему. Как хочешь, чтобы кто тебя, голодного напичкал, жаждущего напоил, нагого одел, странствующего в дом ввел и упокоил, сидящего в темнице и болящего посетил, печального утешил, сомневающегося вразумил, незнающего научил, заключенного освободил, пленного выкупил, немощному послужил и прочие дела любви сотворил, так желай и твори сам ближнему. «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», — говорит Христос (Мф.7:12)».

Также всем хорошо известно, что заповедь о любви к ближнему неразрывно связана с любовью к Богу.

Феофан Затворник (Толкование на посл. Галатам, 5, 14): «Блаженный Августин спрашивает при сем: «чего ради Апостол говорит о любви только к ближним, когда весь закон и Пророки висят не на одной этой любви, но наипаче на любви к Богу?» И решает сей вопрос так: «любовь к Богу и любовь к ближним неразлучимы. Кто любит Бога от всего сердца, тот любит непременно и ближнего, потому что на это есть ясная заповедь Того, Кого он любит от всего сердца. Любовь собственно одна: она любит Бога и ради Бога ближнего своего. Поелику в этом все существо спасительного настроения, то надлежало указать вернейший признак к безошибочному определению, имеет ли кто любовь такую или нет. В чем любовь к ближним, всякий очень ясно знает; потому осязательно может определить, имеет ли он ее или нет. Любовь же к Богу может иной ошибочно предполагать в себе, не имея ее. Вот почему и выставляется у Апостола одна любовь к ближним: ибо кто ее имеет, тот имеет и любовь к Богу. С отрицательной же стороны это еще вернее: кто не имеет любви к ближним, тот уже решительно не может хвалиться любовью к Богу» (приводится не слово в слово). И Сам Спаситель верным признаком учеников Своих поставил взаимную их между собою любовь. Любимейший ученик Его и учитель любви говорит: «аще кто речет: яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любить? И сию заповедь имамы от Него, да любяй Бога, любит и брата своего» (ср: 1Ин. 4, 20- 21)».

К сожалению, некоторых из нас заповедь о любви к ближнему как к себе приводит в недоумение и отчаяние, т.к. мы понимаем, что не можем ее выполнить. Для таких христиан отцы говорят следующее:

Авва Дорофей (Душеполезные поучения, п.14): «Писание говорит: «возлюбиши искренняго своего, яко сам себе» (Левит. 19, 18. Мат. 5, 43). Не обращай внимания на то, как далеко ты отстоишь от сей добродетели, чтобы не начать ужасаться и говорить: «как могу я возлюбить ближнего, как самого себя? Могу ли заботиться о его скорбях, как о своих собственных и особенное сокрытых в сердце его, которых не вижу и не знаю, подобно своим?» Не увлекайся такими размышлениями и не думай, чтобы добродетель превышала твои силы и

была неудобноисполнима, но положи только начало с верою в Бога, покажи Ему твое произволение и старание, и увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. Представь себе две лестницы: одна возводит вверх на небо, другая низводит в ад, а ты стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай же и не говори: как могу я взлететь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, т.е. на верху лестницы. Это невозможно, да и Бог не требует сего от тебя; но берегись, по крайней мере, чтобы не сойти вниз. Не делай зла ближнему, не огорчай его, не клевети, не злословь, не уничижай, не укоряй, и таким образом начнешь после, мало помалу, и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему, или давая ему то, в чем он нуждается: и так, поднимаясь с одной ступени на другую, достигнешь с помощью Божией и верха лестницы. Ибо, мало помалу, помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной, и его успеха, как своего собственного. Сие и значит возлюбить ближнего своего, как самого себя».

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года, Неделя 19 по Пятидесятнице (2Кор.11,31-12,9; Лк. 6, 31-36)): «Коренная, источная заповедь — любви. Малое слово, а выражает всеобъемлющее дело. Легко сказать — любви, но не легко достигнуть в должную меру любви. Не совсем ясно и то, как этого достигнуть; потому-то Спаситель обставляет эту заповедь другими пояснительными правилами: «любви, как самого себя; и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Тут указывается мера любви, можно сказать, безмерная; ибо есть ли мера любви к самому себе и есть ли добро, которого не пожелал бы себе кто от других? Между тем, однако, это предписание не неисполнимо. Все дело стоит за тем, чтобы войти в совершенное сочувствие с другими так, чтобы их чувства вполне переносить на себя, чувствовать так, как они чувствуют. Когда это будет, нечего и указывать, что в каком случае надо сделать для других: само сердце укажет. Ты только позаботься поддерживать сочувствие, а то тотчас подойдет эгоизм и возвратит тебя к себе и заключит в себя. Тогда и пальцем не пошевелишь для другого и смотреть на него не станешь, хоть умри он. Когда сказал Господь: любви ближнего, как самого себя, то хотел, чтобы вместо нас, стал в нас, т.е. в сердце нашем, ближний. Если же там по-старому будет стоять наше «я», то не жди добра».

Итак, если эта заповедь постоянно будет в нашей памяти и все свои мирские дела и взаимоотношения с другими людьми мы будем строить по ней, то тогда наше сердце постепенно наполнится истинной любовью к Богу, людям и к себе. Но если мы постоянно живем самоугодливо, обижаясь на других, не любя других и т.д., или правильно поступаем от случая к случаю, то тогда мы никогда не получим от Господа великого дара любви. Наше самолюбие само чтит себя и желает, чтобы его почитали и другие. Оно часто говорит или чувствует: «Меня обидели, ко мне несправедливо отнеслись, мне не помогли, мне мешают, меня не поняли и т.п.». Оно не желает уступить или услужить другому. Оно выставляет вперед отношение других людей к себе, а не его отношение к ним. А это означает, что оно очень хочет, чтобы его любили, но само не любит других. Вообще у грешника чувства к другому человеку в определенной мере строятся на том, как другой человек относится к нему. Если хорошо, то и он к нему расположен, если же он видит (или ему кажется), что он кому-то не нравится, то и грешник не испытывает к нему симпатии. Это своеобразная месть души за то, что ее не чествуют, или не оказывают знаков внимания, или не считаются с ней.

Поэтому для того, чтобы научиться истинно любить других, необходимо, во-первых, не ждать того, что бы тебя любили.

Игнатий Брянчанинов (т.5, гл.41): «Не ищите и не ожидайте любви от людей; всеми силами ищите и требуйте от себя любви и сострадания к людям».

А во-вторых, мы должны, прежде всего, научиться воспринимать себя правильно, а это означает: не считать себя добрее, милосерднее, правильнее и т.п., чем другие люди. Ранее мы уже приводили расширенные мысли, связанные с нашей гордостью, а теперь передадим их в отношении других людей: «мне не нравится просьба ближнего потому, что он сам ничего не может и постоянно отягощает меня своими проблемами; мне не нравится мнение и советы другого человека потому, что он всегда думает, что он умнее меня; мне не нравится, как ко мне относятся потому, что все люди злые, а я добрый; мне не нравятся поступки другого человека,

потому что я правильно делаю, а он нет». Напомним, что человек может не думать так прямо, но он имеет внутри это тайное знание и им руководствуется. Поэтому:

Иоанн Златоуст (Т.11, ч.1, бес.5): «Почитай другого не просто лучшим себя, но и высшим – что означает великое превосходство – и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть (другого) почитаемым; даже, если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя; бранить ли тебя он станет – снесешь; зло ли какое причинить – стерпишь молча. Когда ты однажды в душ своей совершенно убедился, что он лучше тебя, то не будешь гневаться, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Тем, которые гораздо выше, никто не завидует, потому что каждый думает, что высшим все принадлежит».

Выше было рассмотрено, что христианин должен ненавидеть зло в себе, т.е. свои грехи. И если это происходит, то тем самым умаляется эгоистичная любовь к себе, а значит восстанавливается сила любви к Богу и другому человеку. Поэтому отцы и говорят:

Иоанн Златоуст (т.11, ч.2, бес.7): «Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя, а кто братолюбив, тот и любит себя гораздо более».

Достопамятные сказания: «Скажи мне, что есть ненависть ко злу? Старец (Пимен) отвечал: «Вот ненависть ко злу: если кто возненавидел свои грехи, а ближнего почитает праведным».

Нил Синайский (К Евлогию монаху, слово 1, гл.10): «Приготовь себя быть кротким и браннолюбивым: кротким с людьми, а браннолюбивым с врагом нашим; ибо в том и состоит естественное употребление гнева, чтобы враждебно противоборствовать змию (древнему). В том и состоит кротость кроткого, чтобы по любви быть великодушным к брату и вести брань с (гневным против него) помыслом. Кроткий да будет и браннолюбив, не распространяя кротости на злохитрые помыслы и не распространяя брани на ближних по естеству».

Если же этого не происходит, то человек любит грех и считает другого более грешным, чем он, а отсюда исходит грех осуждения и все грехи страсти гнева.

Далее мы кратко приведем характеристики злых чувств и подробно перечислим грехи, которые мы совершаем против близких нам людей, а это – родители, дети, супруги, друзья и т.д.

О чувстве ненависти

Как это не удивительно звучит, но чувство ненависти дано человеку Богом.

Авва Исаия (Слово 2, 177): «Имеется естественная ненависть, и без ненависти к греху и демонам не открывается слава души».

Августин (Евфимий Зигабен, Толковая псалтырь, пс. 138,22, сноска): «Совершенная ненависть бывает тогда, когда кто ненавидит зло и любит природу (естество) и кто, ненавидя зло, не питает ненависти к природе, т.е. человеческой, производящей зло, и наоборот, любя природу, или человека, не любит вместе с ним и зла его, но любит одну только природу и ненавидит одно только зло».

Но с грехопадением это чувство исказилось.

Авва Исаия (Слово 2, 177): «Эта ненависть превратилась в нас в противоестественную ненависть к ближнему. Увлекаемые ею, мы заражаемся отвращением к ближнему; она изгоняет из человека все добродетели»

Приведем определения слова «ненавидеть» из словаря Даля: «Ненавидеть кого, что; не терпеть, не любить, невыносить, чувствовать отвращение, омерзение; желать зла, быть кому врагом, питать вражду, злобу, самую сильную нелюбовь».

Ненависть может быть кратковременным чувством при вспышке гнева, а может быть долговременным. Ненавидеть можно родных людей, и страшно подумать, что мы, христиане, бываем способны ненавидеть своих родных, которых мы любим и которые любят нас.

Иоанн Златоуст (т.8, ч.1, бес.37): «Если нам повелено любить врагов, а мы ненавидим и любящих нас, то какому подвергнемся наказанию?»

К сожалению, есть люди, которые ненавидят вообще всех людей, и их называют «мизантропами».

Независимо от придуманных человеком причин своей ненависти, она соотносится к грехам человекоубийства.

Нравственное Богословие Е. Попова (Грехи против 6-ой заповеди, грех: злая и нескрываемая ненависть): «Всяк ненавидящий брата своего человекоубийца есть» (1Ин.3,15), сказано прямо. От чего бы ни происходила эта ненависть, — от затаенной ли зависти к ближнему, от сознания ли многих обид со стороны его, от усвоения ли себе ненавистливого характера в среде людей ненавистливых, от ложного ли убеждения, будто и стоит ненавидеть известного человека: во всяком случае ненависть убийственна в отношении к другому».

И за нее Церковь назначает епитимии.

Нравственной Богословие Е. Попова (Грехи против 6-ой заповеди, грех: злая и нескрываемая ненависть): «В правилах церковных, когда она бывает явна, непримирима и злостна, полагается за нее такая епитимия: в случае смерти того, к кому выражалась ненависть или с кем была непримиримая вражда, ненавистник в продолжение 40 дней должен прощаться на могиле умершего (Номокан.ст.127)».

Так как все мы знаем, что ненависть - это плохо, то мы не будем говорить об этом. А рассмотрим основные ее признаки и проявления. Вначале приведем замечательный пример того, что делает человек, когда им овладела ненависть.

Авва Исаия (Отечник Игнатия Брянчанинова): (От сост. - Предыстория этой повести такова: один молодой человек был сильно болен, и один из старцев исцелив его, сказал, что юноша должен стать монахом. По прошествии некоторого времени и некоторых событий, этот же старец принял этого юношу в монахи. Рассказ повествуется от его имени) «Поведал авва Елисей, ученик аввы Исаии: «остриг (старец) власы главы моей, облек меня в монашеский образ и вручил авве Исаии. Авва Исаия имел и другого ученика по имени Петр. Прожил я у аввы девять месяцев. Отец мой, услышав о случившемся со мною, послал ко мне четырех слуг, с семью верблюдами, обремененными всякого рода съестными припасами и овощами, послал и письмо. Взяв письмо и прочитав его, я заплакал. Отец Исаия, увидев письмо в руках моих, отнял его из рук моих и изорвал. Когда же я вознегодовал за это, старец начал меня укорять в присутствии слуг отца моего. С этого часа объял меня бес ненависти, я не мог видеть старца, ни слышать голоса его; я смотрел на него, как на скомороха; слова его казались мне стрелами, мечем обоюдоострым. Стоя с ним на молитвах и бдениях, я проклинал его. От великой ненависти и омерзения, которые получил я к нему, несколько раз вставал ночью, чтоб убить его, но останавливался, опасаясь жившего с нами другого ученика Петра. Старец не переставал наставлять меня, иногда увещевая, иногда же и угрожая. Когда я шел причаститься св. Таин, то он мне возбранял и отгонял с укоризнами; также отлучал от трапезы, говоря: «не дам тебе пищи, пока не скажешь: согрешил я, прости меня». Но я делал все напротив: крал и ел тайно. Когда старец стоял на молитве, я сидел; когда он упражнялся в бдениях, я спал, когда он плакал, я смеялся: столько я был послушлив бесу! Бес начал мне показывать неподобные мечтания на старца в сновидениях: я, несчастный, верил этим мечтаниям, а потом начал часто наяву видеть то, что прежде представлялось мне во сне. Таким образом вкралась в меня доверенность к скверным и нечистым помыслам на старца, истекавшим из сердца моего и смущавшим меня, и я стал соглашаться с ними. Бесы смущали меня внутренне помыслами, а извне возбуждали меня, являвшимися мне привидениями, на ярость, гнев и огорчение. Бес гордости, или лучше сказать, погибели, соделался моим учителем; чему он научал меня тайно и сокровенно, то начал я произносить пред всеми. Сидя, говорил я себе в горести: «кто этот льстец и лицемер низкого происхождения! я, будучи такого города и такого рода, сын благородных родителей, кипящих богатством, имеющих столько разного скота, соделался учеником, или в сущности рабом! предстою ему, как слуга; подаю воду на руки, готовлю трапезу, ношу воду, собираю дрова, работаю ему как раб! он бы должен мне работать и повиноваться, а не я ему! сколько неприятностей, огорчений, скорби и печали, укоризн и бед я потерпел от него! сколько он принуждал меня алкать, жаждать, бдеть и лежать на голой земле! сколько он меня унижал!

сколько сделал мне зла!». Когда бес внушал мне это, я более и более предавался гневу, почитая себя обиженным, пострадавшим много. Помысл говорил мне: «уйди от проклятого и пребывай наедине в кельи, подобно всем отцам: он не монах и не христианин». От таких помышлений я начал снова видеть сны о старце, будто он играет с женщиною и скачет пред кумирами; вверившись снам, я утвердился в мысли, что старец - враг Божий и друг бесам. Вдали от Скита, расстоянием как бы в девяти стадиях, было Еллинское капище, среди которого стоял мраморный кумир. Старец имел обычай каждую субботу выходить из Скита и, сидя в капище, предаваться плачу; были там и гробы язычников. И показывалось мне во сне не однажды, но несколько раз, что старец приносит жертву и поклоняется идолам, а я почитал сны эти истинными. Однажды, в час, в который старец обыкновенно уходил в капище, предупредив его, я вышел из кельи и спрятался внутри капища в кустарнике; вижу, идет старец, - впереди его женщина. Женщина вошла: вижу, она молится и поклоняется идолу; когда она окончила молитву, - вижу, старец пришел, поклоняется идолу, целует жену и впадает с нею в любодеяние. Потом старец возвратился в Скит, а жена - в луг. Это видел я семь раз ясно, и твердо уверившись в этом, начал садиться вне кельи и говорить братьям, приходившим к старцу пользы ради: «братья! этот отец - блудник и идолослужитель; вы прельщаетесь, приходя к нему!» Таким образом, я говорил инокам, приходившим к старцу, в течение четырех месяцев. Но сколько я ни старался возбранить им приход к старцу, они, руководимые благодатию Божиею, продолжали ходить к нему. Видя это, я несчастный сокрушался и, воздевая руки на небо, восклицал: «Господи! даруй мне терпение!» Я, несчастный и страстный, думал, что терплю за правду, и, как делающий добродетель, говорил, вздыхая: «слава Тебе, Боже! от какой чести в какое пришел я бесчестие, и чем сделался!» и плакал. Старец, видя меня в таком положении, говорил: «чадо доброе! очисти твое сердце, смири твои помышления, возлюби смирение Христово, гнушайся гордости, и внимай себе». Когда он говорил это, - я гневался, огорчался и смущался; слова его казались мне разжженными стрелами, снедающими меня. Когда сидел я с ним за трапезою, то пища казалась мне смрадом и я гнушался до того, что не однажды и не дважды, но и много раз отвергал ее. Помысл внутренне не преставал смущать меня, говоря: «уйди из кельи старца, а если можно, и из Скита: смотря на этого старца, не можешь спастись». Я говорил сам в себе: «за что терплю такие страдания? в мире я не впал ни в блуд, ни в прелюбодеяние, ни в воровство, ни в убийство». Помысл, или правильнее, бес говорил мне: «ты страдаешь по справедливости: ты оскорбил отца, мать, сродников и друзей, оставил святых отцов, пришел иночествовать к этому обманщику, порочной нравственности, немилосердному и дерзкому». Бес внушал мне это и находил меня готовым к принятию скверных и злых помыслов; будучи погребен в тьме, я думал, что хожу во свете; будучи сатаною, почитал себя монахом, и вместо того, чтоб охуждать и осуждать себя, осуждал раба Божия. Когда я находился в такой буре от смущения помыслов, отец мой известил меня письмом, что мать моя умирает; приди, писал он, увидеться с нею прежде, нежели она умрет. Прочитав письмо, я сказал отцу Петру: «я ухожу; мне необходимо повидаться с моею матерью». Брат пошел и сказал об этом старцу. Старец, пришедши ко мне, начал говорить: «чадо доброе! пребывай здесь с терпением, ради Бога, оставя пристрастие к отцу и матери: мы имеем в Боге Отца и Матерь; промысл Его устроит и нам и родителям твоим полезное. Если же ты преслушаешь меня и пойдешь: то родителям не принесешь никакой пользы, а себя повредишь. Впоследствии будешь очень раскаиваться в твоём поступке, но поздно. Впрочем, отступление твоё накажет тебя». Услышав это от старца, и, по действию бесовскому, воспламенившись гневом, я отвечал ему: «обманщик, идолослужитель, блудник и прелюбодей! хочешь ли сделать меня подобным тебе идолослужителем и блудником?» Старец отвечал на это: «благодать Божия в устах твоих, чадо!» Я продолжал кричать: «обманщик! идолослужитель!», так что многие из отцов стеклись на голос мой, и все старцы меня укоряли и проклинали. Я, наущаемый бесом, схватил мою одежду, разодрал ее во гнев сверху до низу и, бросив в лицо старцу, вышел нагой из кельи. Вошедши в келью одного из старцев, украл у него праздничную одежду и отправился в Александрию. Я нашел мать свою уже умершею, а отца больным. По истечении трех дней скончался и отец мой. В то время, как я заботился об оставшемся богатом наследстве и

раскаивался в том, что принял монашество, настал вечер. Я лег на постель и, помышляя о Ските и об отце Исаии, со стенанием говорил: «слава Тебе, Христе, Боже мой! Ты избавил меня от обманщика, лживого старца». Едва я произнес эти слова, как услышал голос, подобный грому. Голос проговорил: «пагуба и всегубительство дому Прокопиеву!» Тотчас поднялся ветер, и дом загорелся с четырех углов. Я вскочил в смущении и едва успел со всеми бывшими в доме выбежать из него: огонь со всех сторон обхватил его. Стеклись жители Александрии, но не могли подать никакой помощи: пламя пожирало и самые камни. Я стоял посрамленный и стыдился, помышляя о случившемся; от великой печали и уныния пошел в церковь святого Мины и повергся на помост церковный. Опять бес, приняв подобие мученика, сказал мне: «знай, что виною всего случившегося с тобою - отец Исаия». Пришедши в себя, я сказал: «точно! этот обманщик - чародей, и послал бесов поглотить дом мой». Утром, встав, пошел я к патриарху и сказал: «Владыко! отмсти за меня идолослужителю, отцу Исаии: он своим волхвованием сжег мой дом и все, что было в доме». Патриарх сказал мне: «Немы да будут уста лстивия, глголющая на праведного беззаконие» (Пс.30, 19). Когда патриарх произнес эти слова, я увидел мурина, который стал бить меня огненным жезлом и облек меня в железную броню; я упал к ногам патриарха, неистовясь. Тогда патриарх простер ко мне руку, и узы языка моего разрешились. Но семь месяцев провел я, мучимый лютым велиаром, и представляя собою для всех зрелище, достойное сожаления. Нужно было связывать меня железными цепями; я бил себя и всех меня окружавших, ел извержения человеческие. Христоролюбивые люди, сожалея обо мне, одевали меня, потому что я скитался нагой, терзал плоть мою и одежду, муча себя и толкая встречающихся. От недостатка в пище, от грязи и нечистоты, в которых я лежал и валялся, тело мое покрылось струпями, подобно чешуе. Христоролюбцы города Александрии, увидев некоторых отцов Скитских, привели их ко мне; но отцы, видя меня, не узнавали. Тогда христоролюбцы сказали: «это сын Прокопиев, принявший монашество у аввы Исаии». Отцы сказали: «окажите любовь, доставьте его в Скит». Христоролюбцы приискали проводника с верблюдом, дали ему золотую монету и, связав мне руки и ноги, отправили в Скит. Скитские отцы собрались в великую церковь, совершили всенощное бдение, молились о мне и, помазав все тело мое елеем, отгнали от меня беса; однако раны и струпы продолжали мучить меня. Тогда я, недостойный и грешный, рассказал им подробно все, случившееся со мною, всем поведал бедствие мое и умолял, чтоб явили мне милость: умолили старца принять меня на покаяние и не допустить ко мне нового искушения от беса. Старцы пошли и привели отца Петра, другого ученика аввы Исаии, бывшего со мною. Он, увидев меня лежащего, и тело мое, согнившее от ран и струпов (отцы, желая преклонить старца к милости и сожалению, сняли с меня одежду, в которой я был, и нагого положили на рогоже), повергся на меня, и не было конца слезам его. Я лежал в трепете, не смея и взглянуть на него. Поплакав довольно, отец Петр встал, взяв некоторых из отцов, пошел и привел отца Исаию. Когда я увидел старца, идущего ко мне, то воззвал: «раб Божий, помилуй меня, прельщенного бесом! не оставь меня в совершенную радость и веселье душегубительному врагу! довольно я наказан, мучен был по справедливости!» Старец, плакав довольно, сказал мне: «чадо! познал ли, что падение бывает наказанием для гордых?» Я сказал: «познал, отец мой! познал из того, что случилось со мною, и научился из того, чему подвергся! я уверовал, что Господь правосудно воздаст каждому по делам его». Старец, знаменовав меня крестным знамением, сказал: «Бог, содетель всякой твари, да простит мимошедшее и да исправит будущее». Положили меня на одр и отнесли в келью. Чрез несколько дней я исцелил благодатию Христовою и молитвами старца. Исполнились на мне слова пророка: «бродями и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе» (Пс.31, 9). И опять: «многи раны грешному» (Пс.31, 10). Отцы Скита, видя, что все случившееся со мною достойно быть написанным, призвали Пиония, искусного краснописца, и приказали мне с точностью и подробностью рассказать ему все. Краснописец, написав повесть, поместил в первой книге, в которой помещены статьи о мечтаниях и искушениях бесовских. После этого я уже пребывал с отцом моим Исаиею, во всем повинуюсь ему».

Пусть и нам послужит этот рассказ для познания себя и страсти гнева! Благодаря ему, кратко определим основные свойства ненависти и как ей противостоять.

Из этого рассказа хорошо видно что, началом ненависти явился гнев на авву за то, что он не дал монаху ввергнуться в печаль по своей прошлой мирской жизни и по родным и обличил его пред слугами. Вообще, если кто-либо обличает человека, который поражен гордыней и страстью гнева, то он начинает опять гневаться и наполняется еще большей ненавистью и злобой. Ненависть заставляет делать всё на зло тому, кого ненавидишь и все его благоразумные советы принимать как порочные.

Ефрем Сирин (т.4, Апокрифические послания, гл.3): «...Ненависть не только не терпит рассуждения и научения, а, напротив, спешит на грех и погибель. Такого рода люди суть дети сатаны...»

Некоторым из нас может показаться, что такие действия аввы являются слишком строгими и даже жестокими. Во-первых, такое мнение формирует наша душевность, которая, имея пристрастие к родным и к миру, считает это добродетелью и не совсем понимает, что плохого в том, что человек заскучал по родным. Во-вторых, не стоит забывать, что юноша уже стал монахом, значит отрекся от мирских связей и посвятил себя Богу. В-третьих, если человек возмущен поступком старца, то это означает, что он ничего не знает о действии страстей, и особенно страсти печали, которая будет снедать душу тоской и желанием увидеться с родными. Такое состояние не позволит монаху мужественно подвизаться, он будет рассеиваться при молитве мыслями о родных и после появится желание покинуть монастырь. Зная все это, старец старался уберечь молодого монаха от таких искушений и страстей. Но т.к. во-первых, монах был неопытен и не мог видеть в действиях старца блага, а во-вторых, его самолюбие с пристрастиями не терпят когда им не дают усладиться, то он возгорелся гневом.

Как мы видели, ненависть забывает о том, что человек, которого ты ненавидишь, имеет множество добродетелей, которые ты раньше явно видел и признавал их, а сейчас они представляются тебе пороками. И поэтому:

Максим Исповедник (Главы о любви, сотн.4, 26,27): «Кого вчера почитал за духовного брата и за добродетельного, не считай сегодня порочным и злым, по ненависти к нему, породившейся в тебе от наважденья лукавого; но долготерпящею любовью, помышляя о вчерашнем добром, отбрось от души сегодняшнюю ненависть. Кого вчера хвалил, как доброго, и превозносил, как добродетельного, не поноси ныне, как порочного и злого, по причине превращения твоей любви в ненависть, хулу на брата выставляя в извинение этой злой в тебе ненависти к нему; но оставайся при тех же ему похвалах, хотя бы все еще владело тобою огорчение, и удобно возвратишься к спасительной любви».

Далее. При ненависти человек может проклинать другого человека, и даже делать это во время молитвы. В такие моменты молящийся забывает, что ему надо молиться о себе и о том кого ты ненавидишь, а не наоборот. И поэтому:

Максим Исповедник (Главы о любви, сотн. 4-ая, 22): «Случилось тебе искушение со стороны брата, и огорчение довело тебя до ненависти, не будь побежден ненавистью, но победи ненависть любовью. Победить же ее можешь так: искренно молясь о нем Богу, приемля приносимое от брата извинение, или сам себя врачуя извинением его, поставив самого себя виновником искушения и положив терпеть, пока пройдет облако».

Ненависти свойственно лукавство, которое не желает признать, что душа ненавидит. И поэтому:

Максим Исповедник (Главы о любви, сотн.4, 29): «Не говори: я не ненавижу брата, когда отвращаешься от воспоминания о нем, но внемли что говорит Моисей: не возненавидиши брата твоего во уме твоём: обличением обличиши ближнего твоего, и не примешь ради его греха (Лев.19, 17)».

Ненависть редко удерживается внутри, ей необходимо излиться путем оскорблений, клеветы и осуждений на того, кого человек ненавидит. И поэтому:

Максим Исповедник (Главы о любви, сотн.4, 28): «Ради кроющейся еще в тебе на брата твоего досады, не изменяй обычной твоей ему похвалы в беседах с другими братьями, вмешивая в слова свои не приметно порицание; но говори о нем в беседе с чистосердечною похвалою и искренно молись о нем, как о себе самом,— и вскоре избавишься от губительной ненависти».

Ненависть не дает человеку покоя и не желает примирения. И поэтому:

Максим Исповедник (Главы о любви, сохр. 4, 35): «Душа разумная, питающая к человеку ненависть, не может быть мирна в отношении к Богу, давшему нам такую заповедь «еще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 15). Пусть брат не хочет мира, но ты сохрани себя от неприязни, искренно молясь за него, и не злословя его ни пред кем».

Находясь в таких страшных состояниях, человек уверен, что он прав и гнев его праведен. Он действительно думает, что эти испытания посылаются ему Богом потому, что он уже страдает за Христа. И забывает такой человек, что высшей добродетелью является любовь. И поэтому:

Авва Иосиф (Собеседования Иоанна Кассиана, гл. 7): «Итак, как ничего не должно предпочитать любви, так, напротив, ничего не должно поставлять хуже ярости или гневливости. Ибо хотя бы все казалось полезным и необходимым, однако ж должно пренебрегать, чтобы избежать возмущения гнева; также все, что считается противным, надобно принимать и переносить, чтобы ненарушимо сохранялось спокойствие любви и мира, потому что нет ничего гибельнее гнева и скорби и полезнее любви».

Что еще можно увидеть о ненависти из вышеприведенного рассказа? При ненависти человеком управляют различные бесы и он полностью им подчиняется.

Помыслам ненависти свойственны оскорбления и унижения другого человека, превозношение себя и перечисление своих «заслуг» и самооправдания.

Кто привык постоянно гневаться и осуждать других, прикрываясь справедливостью своего греха, тот с каждым разом сеет и взращивает в своем сердце ненависть к людям и укрепляет свою страсть гнева. Со временем такому человеку очень тяжело увидеть в себе эти плоды, т.к. он становится плененным злыми чувствами и мыслями, которые в свою очередь не дают видеть истины и не позволяют разобраться где зло, а где добро.

В воображении при ненависти и гнев представляются различные грехи ненавидимого человека, и ненавидящий верит им, как реально существующим. Таким видениям помогают бесы.

Ненависть порождает желание убить человека.

Далее. Это был пример открытой ненависти, но она может быть и скрытой.

Евфимий Зигабен (Пс.54): ««Умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». Сие слово относится вообще ко всем иудеям, которые до распятия Господа произносили к Нему слова мягкие, как масло, называя Его Равви или Учителем и говоря: знаем, что Ты истинен и истинно пути Божии учишь (Матф.22,16) и другие мягкие слова; но сии мягкие и нежные слова внутри были острые стрелы, пускаемые в Него иудеями, желавшими Его крови. Можно относить сии слова и к Саулу и к сообщникам Саула, который притворно говорил: «Твой ли это голос, сын мой, Давид» (1Цар.26,17)? и другие подобные слова, которые, по видимому и внешности были мягки, а по содержанию внутри и по мысли—ядовитые стрелы».

А теперь приведем пример, который показывает, что избавиться от ненависти можно путем сокрушения о ней и открытием этого чувства перед тем, кого ненавидишь.

Троицкий Патерик: «Некто Феодор поступил в число братии преподобного Кирилла Белоезерского. Спустя некоторое время враг внушил ему такую ненависть к святому, что он не только не мог видеть его, но даже слышать его голоса. Смущаемый помыслами, пришел он к старцу Игнатию-молчальнику исповедать тяжкое состояние своего духа и что, по ненависти к преподобному Кириллу, он хочет оставить обитель. Игнатий несколько его утешил и укрепил молитвою, убедив остаться на испытание еще один год. Но год миновал, а ненависть не угасла. Тогда Феодор решился открыть свои тайные помыслы самому преподобному, но, войдя в его келью, устыдился его седины и ничего не мог выговорить. Он уже хотел выйти, как прозорливый старец сам начал говорить о ненависти, какую питал к нему Феодор. Терзаемый совестью, инок припал к ногам святого и молил простить ему согрешения, но святой с кротостью отвечал: “Не скорби, брат мой, все обо мне соблазнились; ты один познал истину и все мое недостойнство, ибо кто я грешный и непотребный”. Он отпустил его с миром, обещая,

что впредь уже не нападет на него такое искушение и с тех пор Феодор пребывал в совершенной любви у великого аввы Кирилла».

Если же человек не сокрушается, а упорствует в своей ненависти, то последствия бывают достаточно плачевными.

Афонский Патерик: «Старец Филофей, кроме святого Нектария Афонского, имел еще ученика, которого сатана до того озлобил против святого Нектария, что несчастный стал явно говорить старцам Филофею и Дионисию, чтобы прогнали Нектария, иначе он убьет или его, или самого себя. Старцы трепетали от ужаса, слыша о таких демонских замыслах. Напрасно вразумляли они несчастного, убеждали и молили его успокоить свое сердце, подавить чувство злобы и зависти, напрасно грозили ему Судом Божиим и геенной, он ничего не хотел слышать, но требовал исполнения своего желания. Тогда старцы предложили святому Нектарии удалиться от них на малое время, пока завистливый брат придет в чувство. По прошествии некоторого времени скончался в глубокой старости боголюбивый Филофей. Дионисий, не вынося безнравственного поведения своего ученика, пригласил к себе Нектария в сожитие как брата по духу, а несчастному предоставил искать другое место и другого старца. Дионисий с Нектарием мирно проводили свою жизнь, питаясь от рукоделия и по силам помогая бедным. А несчастный брат их, не придя в чувство смирения и раскаяния, переходил с места на место, потом удалился в мир и там, предавшись неводержанности, скончался жалким образом посреди городской площади, даже без обычного христианского напутствия». Вот что значит братоненавидение и зависть! Гибельные следствия их в полной мере испытывает человек еще в настоящей жизни и часто отходит в вечность без всякой надежды на спасение. Надо беречь себя от столь богоненавистных пороков!».

Исходя из всего вышесказанного:

Нравственное Богословие Е. Попова (Грехи против 6-ой заповеди, грех: злая и нескрываемая ненависть): «Ты, христианин, всячески воспротивься в себе чувству ненависти к ближнему, да еще напрасной, и обнаружение пред ним этого чувства, которое очень тонко передается ему. Воспротивься, потому что ненависть в самом основании противна духу истинно христианскому (Ин.13,25)».

Жестокость к родным и неродным людям

О жестокости

Жестокость имеет много признаков. Например:

Авва Исаия (Духовно – нравственные слова): «Дерзость, любопрение, самомнение, презрение брата, поправление совести и то, если кто, огорчив и смутив брата, говорит: какое мне дело до него? Все эти признаки обнаруживают жестокосердие».

Она происходит от различных пороков, например, от гордости и корыстолюбия.

Иоанн Лествичник (Лествица, сл.23): «Гордость есть ...причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья...».

Феофан Затворник (Наставление о преспеянии в христианской жизни): «...корыстолюбие располагает к зависти, ненависти, жестокосердию и другим порокам».

Жестокость часто называют строгостью или стремлением к справедливости. Но это не так.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «...долговременная деятельность в одном роде, с перетолкованием смысла закона, доводит до того, что он совсем искажается и в совести, а на место его ставится превратное правило. Оттого считают ...жестокость — ревностью по правде...».

Феофан Затворник (Сборник слов, посвященных Богоугодной жизни вообще): «Чего не придумали скупость и своекорыстие, чтоб оправдать свою холодность и жестокость к нуждающимся?!».

Нил Синайский (Творения, ч.3): «Не будь жесток, чтоб не испытать на себе Божия гнева, хотя и представляется тебе, что ты пламенеешь ревностью благочестия».

Поэтому некоторым людям, склонным к жестокости, и особенно тем, которые нашли ей оправдания, необходимо обратить внимание на это чувство и помнить, что:

Исаак Сирий (Слова подвижнические, сл.41): «Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится».

Ефрем Сирий (На слова «Вонми себе...», гл.6): «Не будем жестокосердыми, как фараон, чтобы не подпасть его участи».

Иоанн Златоуст (.2, ч.2, Беседа о шутливости): «не будь жестоким и недоступным и бесчеловечным, и в обхождении с приходящими братьями не будь угрюмым и при ответе и беседе нелюдимым».

Иоанн Златоуст (т.12,ч.2, сл.20): «Как можешь ты желать, чтобы Бог был кроток и милостив к тебе, когда сам ты остаешься жесток и безжалостен к сорабу?».

Чувствами, противоположными жестокости, является милость и сострадание.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «...в обращении должно быть чуждым гордости, властолюбия, жестокости, но кротким, тихим, приветливым...».

Григорий Нисский (О блаженствах, сл.5): «Господь узаконяет людям быть милостивыми к низшим; ибо невозможно иначе побудить к уврачеванию беды ближнего, как только, если милость смягчит душу к принятию такого побуждения; так как милость познается из противоположного жестокости. Как жестокий и свирепый недоступен приближающимся, так сострадательный и милостивый приходит как бы в одно расположение с нуждающимся...; и милость ...есть произвольная печаль, производимая чужими бедствиями. Если же не точно выразили мы значение сего слова; то, может быть, яснее истолкуется другим понятием: милость есть исполненное любви расположение к претерпевающим со скорбью что либо для них обременительное. Ибо, как жестокость и зверство имеют началом ненависть, так и милость некоторым образом происходит от любви, и ее только имеет своим началом».

Притеснение, угнетение и оставление без опеки родных, неродных по крови и незаконных детей

Как известно, некоторые родители могут испытывать к одному из детей чрезмерную любовь, а к другому – холодность. Второе особенно распространено при наличии в семье неродных детей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Притеснение своих пасынков и падчериц): ««Иже сие едино... отрочат приимет во имя Мое, Мене приемлет» (Мрк.9,37). Так от Самого Бога, можно сказать, отчим и мачеха приняли с брачным венцом пасынков и падчериц. Сколько искренний был обет их Богу в любви супружеской, столько же искренняя должна быть решимость их заботиться о приведенных детях. Они обязаны заменить для этих детей родного отца или мать, проявлять к этим детям отцовские чувства, хоть бы в то же время имели собственных детей. Виновны, таким образом, тот отчим или та мачеха, которые оставляют «приведенных» детей без всякого внимания, как бы чужих, которые сквозь пальцы смотрят на проступки своих пасынков и падчериц, не удерживают в руках благодарованной им власти над этими детьми. Но тем более грешат они, если злоупотребляют своею властью: если, например, обделяют во всем пред собственными детьми пасынка или падчерицы, если отзываются худо или насмешливо о родном отце или родной матери своего пасынка—падчерицы, вместо того, чтоб с доброю памятью относиться к умершим при детях их, а также поминать бы умерших в церкви в известные дни, вместе с детьми их; если, наконец, ненавидят и угнетают сирот даже до того, что вследствие этих угнетений имя «злой мачехи» вошло в поговорку и к ним-то вполне приложимо. Без сомнения, дадут ответ пред Богом такие отчим и мачеха за свое равнодушие или прямую ненависть к своим приведенным детям. Пусть сами пасынки или падчерицы не располагают их к себе, пусть смотрят на них враждебно; но

утешением и наградою за свою отеческую заботливость они должны бы иметь слова Спасителя, которые мы привели: «иже едино... отрочат приимет во имя Мое, Мене приимлет»».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Угнетение усыновленных и приемышей): «Пример противный: «возмужавшу отрочати введе (Моисея мать его) ко дочери Фараонове, и бысть ей в сына» (Исх.2,10). Жестокосерды те бездетные люди, которые, добровольно приняв к себе посторонних детей и усыновив их себе законным порядком или без усыновления взяв их на воспитание—оказываются для них хуже и чужих: попрекают их незавидным происхождением, держат их наравне с прислугой, бьют их, как бы вымещая на них свои милости, не дают им доброго воспитания и возможного по средствам образования. Вместе с тем, эти люди не готовят обществу в своем воспитаннике хорошего члена. А им-то бы и шло принять для воспитания круглого сироту; принять его могли бы они раньше, еще малолетним дитятей, чтоб больше привязать его к себе. Опасение, что может быть будут собственные дети и что может быть придется раскаиваться за принятие чужого дитяти,—не должно бы останавливать бездетных от такого доброго намерения, т. е. чтоб быть родителями чужому: случалось, за приемышами тем скорее рождались свои дети.—Сюда же относится грех крещеных цыган, когда цыгане крадут чужих детей и потом распоряжаются этими детьми для своего обмана».

Многие из нас сталкивались с таким явлением, как враждебные отношения с родителями супругов или с супругами детей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Притеснение своей невестки или зятя): ««Кая неправда моя, яко погнал еси вслед (преследуешь) мене», говорил некто своему тестю (Быт.31,36). Сильный связями или влиянием в обществе тесть теснит своего зятя, обыкновенно, из-за жалоб на него жены: между тем причина жалоб в свою очередь скрывается более в нетерпеливости и непокорности жены своему мужу, чем в действительных ей обидах. Чаше встречается притеснение зятю с того времени, как лицо, связывавшее его с тестями, т.е. жена умирает. Но всего чаще притесняется не зять тестем, а невестка—своею свекровью и даже всею семьею мужа: «разделится свекры на невесту свою» (Лк.12,53). Здесь, прежде всего, преступно побуждение к преследованию: свекровь боится, чтоб невестка не взяла верха в доме или же опасается охлаждения к себе родного сына, которое уже в некоторой степени и замечает; таким образом, по самолюбию своему она гонит невестку, особенно на первых порах,—старается вооружить против невестки и своего сына, ее мужа, забывая о коренном законе: «оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей» (Быт.2,24). Затем, в гонении на невестку заключаются такие вины:— невестка (через своего мужа) уже сама имеет право домооснования, следовательно, принижать ее несправедливо; надлежало бы, напротив, утешить ее сочувствием всей семьи, как отделившуюся от родного дома, чтоб она скорее привязалась к чужой семье;—не видя к себе в новой семье ласкового обращения, встречая—особенно от свекрови —каждодневную брань, упреки в лени и неопрятности, она старается всеми силами склонить своего мужа к разделу от дома отцовского, и ненужный раздел сбывается; наконец, натерпевшись много в семье мужа, она и сама впоследствии времени вносит тот же дух угнетения и семейной вражды в новое поколение».

Следующий грех родителей - оставление без всякой опеки незаконных детей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Оставление без всякой опеки незаконных детей): «Хотя рождение незаконно и хотя незаконные дети остаются самым тяжелым напоминанием для совести родителей, а пред людьми и без слов всегдашним постыдным упреком: однако ж как естественные родители, ни отец ни мать этих детей не должны, во-первых, совершенно отказываться от них; во-вторых, быть для них только вполноту родителями, т.е. тайно лишь доставлять им средства к содержанию, и ни о чем больше не заботиться, между тем как есть возможность поместить их в какое либо заведение для воспитания или отдать для обучения ремеслу. Дитя не виновато в том, что родилось от таких лиц, которые зачали его по страсти, незаконно: оно так же беспомощно, как и всякое дитя. Особенно в этом случае несправедливы и бесчеловечны отцы, которые предоставляют одной матери пить всю горькую чашу нецеломудренной ее жизни. Мать носит тяжелую беременность,

затем в болезни рождает дитя, а потом—водится с дитятей, терпит чрез это крайнюю бедность, утруждая помощью посторонних лиц: а самозванный пред законом Божиим отец не знает никакой заботы, отказывается от своего плода; пользуясь отсутствием улик в своем грехе, он вступает в брак с кем либо пред самым разрешением от бремени несчастной участницы его греха, или еще хуже—продолжает с другими лицами жизнь, сопровождаемую так же незаконными рожденьями. Какое злое посмеяние над несчастным положением другого лица! Какое бесчеловечие и к дитяти невинному и к матери его, которая, положим, и сама виновна, но не более, если еще не всегда менее, чем убежавший или скрывающийся отец! (В житиях святых знаем примеры, что монахини, скрывшие свой женский пол в мужеском монастыре, воспитывали и чужих незаконных детей, которых рождение относил к ним бесстыдная клевета людей). Нет; нужно и незаконных детей поставить на добрую дорогу жизни».

Оставлять без поддержки и наследства могут и родных взрослых и отделившихся детей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Лишение взрослых и отделившихся детей всякой поддержки и наследства): «Родители должны помогать также и взрослым детям, во-первых, материально, когда это требуется, и когда имеют на то возможность. Вечным, так сказать, плательщиком за отцовские благодеяния должен быть сын, но и добрый отец не прекращает сыну своих благодеяний, не отказывает в пособии тем из детей, которые нуждаются в его поддержки. Нуждаются, говорим, или потому, что только лишь начинают жить особым хозяйством или уже обременены малыми детьми или, наконец, произвольно отделившись от отцовского дома и истратив скоро наследственную часть, дошли до нищеты и голода. Вызов к пособию последнего рода, правда, неблагоприятен. Но если неразумный сын, сознав свои вины, желает снова воротиться под кров родительский и только ожидает ласкового родительского слова: долг родителей не отталкивать его, но принять так же, как был принят блудный сын милосердным отцом (Лк.15,20). —Тем более в нравственном отношении родителя должны поддерживать взрослых и отделившихся детей, т. е. не бросать их на произвол страстей, если они пали, но с болезнью отцовского сердца отыскивать их на распутьях порока: —предостерегать их неопытных от ошибок в жизни или по службу — чаще посещать их дом-квартиру, стараться лучше устроить их участь. Новый брак и новые дети от второго или третьего брака неизвинительные причины к лишению взрослых детей всякой поддержки, а в общем разделе и наследства. Так как сказано: «не должна суть родителем снискати имения, но родители чадом» (2Кор.12,14), то после всего этого грешат те родители, которые по холодности своей обделяют долею наследства взрослых и отделившихся детей».

Злонамеренное предательство какому либо неблагополучию собственных детей с употреблением во зло родительской власти над ними

Такой грех несвойственен христианам, но все же скажем и о нем.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Злонамеренное предательство какому либо неблагополучию собственных детей с употреблением во зло родительской власти над ними): ««Предает же... отец чадо» (детей) (Мф.10,21). Так, например, бывает, что родители: а) продают детей в неволю, прикрепляя их к работе или в услужение к человеку жестокому; б) отдают своих детей на распутство, помещая их в непотребный дом, к богатому холостому человеку в наложничество; в) принуждают к противному для них браку (1Кор.7.28,8,9), чтоб посредством этого брака избавиться от платежа своих долгов, сблизиться с богатым и знатным родством, а то и сбыть только—лишь с своих хлебов дочь. Или же аа) не удерживают молодой дочери от замужества с престарелым, чего она сама желает по своей нерассудительности; бб) не выдают в замужество дочерей (Василий Вел.18) по своей скупости, избегая необходимых расходов, и тем располагают последних к ропоту на свою судьбу; вв) по нетерпеливости избивают своих детей, т. е. желают им смерти, например, больным или убогим и наконец гг) делают калекой свое дитя, чтоб с искусственным уродом испрашивать себе милостыню».

Жестокость при исполнении различных служебных обязанностей

Телесные наказания могут быть законными и незаконными. К законным относятся: наказания среди близких, как, например, родителями детей, при исполнении законных обязанностей, например, в тюрьме заключенных охранниками. К незаконным относятся побои по причине ненависти и желания наказать противника. Вторые, конечно же являются большим грехом. Но и законные телесные наказания также могут быть грехом, происходящим от сильного возбуждения раздражительной силы, Это проявляется жестокостью при наказании.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Не вполне заслуженное осуждение кого к лишению всех прав состояния или на самую смертную казнь): «Неповинна и праведна не убивай», прямо обличаются в убийстве те которые «судят суды неправедны, и неповинны убо осуждая, прощая же невинных» (Дан.13,53). Неправедный судебный приговор сначала убивает дух подсудимого, а затем расстраивает его здоровье: расстройству здоровья предварительно содействует и тюрьма, где мало света, где смрадный воздух, недостаток движений, часто самая скудная пища, бездейственная жизнь. Если невинный впоследствии времени, по особенному Божию устроению, и оправдается, если получит свободу и возвратится из тюрьмы или ссылки в свое место: все же его здоровье будет потеряно. И вот за это-то расстройство здоровья его и сокращение жизни и будут в ответе пред Богом судьи, которые небрежно отнеслись к его делу, а также и те лица, который совсем напрасно подвели его под дело! Словом, здесь уже нравственное убийство соединяется и с телесным.—Затем, может состояться и быть выполнен даже смертный приговор не вполне соразмерно с виною преступника. От чего же? От разных причин.—От смелой клеветы на преступника,—смелой по тому самому, что преступник, казненный смертью, уже лишается возможности хоть впоследствии времени изобличить ее. От сильного негодования в первое время на него; потому что он своим преступлением обеспокоил или целое общество, как например, зажигатель, или только тех, которые начальствовали над ним, как например, возмутитель или убийца в самой тюрьме.— А особенно от поспешности суда и по жестокости сердца судей. В законе еще остается смертная казнь для исключительных преступлений. Но здесь важны вызов суда по этому закону и потом—самый суд. Закон далек от преступника, а вызывающе на него суд, который может окончиться для него смертью, и сами судящие видят или могут видеть всю глубину его злодеяния, все что может смягчить его вину, например, раздражающее влияние на него других, или же увеличивать его наказуемость. И вот здесь-то, в этих-то двух пунктах (в вызове суда и производстве его) и может заключаться ошибка человеческого правосудия, которая запечатлевается кровью, да так запечатлевается, что уже на веки остается непоправимою. Главные виновники преступления, против которых направляем был смертный суд, и открываются впоследствии времени, например, из разговоров их же самих. Но уже все оказывается поздним! Таким образом, смерть преступника должна остаться на совести и тех, которые ошибочно вызвали на него смертную казнь, и которые неправильно определили ее. Вместе с тем эти же самые лица отвечают и за вредные последствия, которые произвела на общество выполненная смертная казнь. А вредные последствия в таком случае особенно могут быть: тогда например, многие потрясаются необыкновенною жалостью к казненному преступнику (падают в обмороки, не могут некоторое время после казни принимать пищи и спать); но найдутся и такие, которые ищут тут только удовлетворить своему бесчеловечному любопытству.—Читатель! Если ты, по своему частному положению в обществе, не имеешь никакой прикосновенности к тому, чтоб судить или вызывать такого рода суд, который тяжело отзывается на здоровье и даже на самой жизни подсудимых,— тебе остается одно, чего однако держатся и все добрые судьи, именно: жалеть и прощать в душе самых тяжких преступников. Относясь к ним с «любовью, вся терпящую» (1Кор.13,7), ты станешь на одной стороне с

Церковью, которая прощает в таинстве покаяния, и напутствует к смерти молитвами, даже и приговоренных к смертной казни».

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: телесное наказание кого-либо по жестокости до смерти): «Если положим, наказание выполняется и без нарушения законного порядка, то к унижительности его не следовало присоединять бесчеловечие. Кого жестоко наказывают, нельзя не опасаться за жизнь этого человека, хоть бы не в тот самый час прекратилась его жизнь, хоть бы еще несколько часов или дней поболел он. Смысл убийства и имеет здесь только такое телесное наказание, за которым в данном случае последовала смерть, как действие или последствие за своей причиной. Наказание же может быть употреблено не бичами только (или розгами), но и лишением человека теплоты (арест— карцер в холодном месте), пищи (морить голодом) в воздуха для дыхания. При этом смерть человека, так наказанного, одинаково вменяется в вину,—непосредственно ли кто или же чрез других наказал его. Но вина наказавшего увеличивается; если тот, которого он подверг наказанию, умолял его о пощаде, если вслух отчаянно стонал. В этом случае представляется тем большее внутреннее участие воли его в проступке и тем большее предвидение им смертного случая, хотя все же его убийство «не предумышленное», а только «близкое к умышленному».— Ты, христианин—всего более опасайся запальчивости или раздражения в то время, когда будешь находиться в нужде наказать кого либо по праву!».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, зап.5-я): «Если Господь кого из вас поставил начальником, то не грешны ли мы потворством или, наоборот, жестоким обращением с подчиненными? За своими начальническими обязанностями забыли, что в нашем подчинении живые люди, с живыми душами и что никто не снял с нас обязанности быть человеком по отношению к подчиненным. И это особенно требуется от нас, христиан! Не обидели ли подчиненных неровным отношением к ним, не заводили ли любимчиков, которым прощали все, вымещая на прочих свое раздражение? Не изводили ли подчиненных мелочными придирками, несправедливостью? Господи, прости нас, грешных!».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех - Жестокосердие при отправлении воинских обязанностей): ««Воины игемоновы ... прияша трость и бияху по главе» (Мф.27,27.30) Иисуса Христа. А затем, когда Господь наш нес крест на голгофу и от изнеможения падал под тяжестью креста,— они (как известно по преданию) толчками принуждали Его нести тяжесть. Одно воспоминание такого примера дает понять вину греха воинов, о которых ведем речь. Так и ныне одни из военных начальников легко присуждают преступника (большею частью, однако, не как действительные судьи, а в частном только разговоре),—присуждают к смертной казни: между тем закон допускает смертную казнь только для самых крайних случаев и христианин не может без ужаса представить ее себе. — Другие без нужды бьют и ранят осужденного преступника, например, когда он во время путеследования в ссылку бежит от них, а потом будет схвачен. Если беглец уже безоружен: (следует ли делать ему тяжкие побои? Между тем, стража мстить ему за то, что он своим побегом подвергал ее ответственности за недосмотр. Третьи обращаются с заключенными в темнице не иначе, как поднимая свою руку при малейшем противоречии их или замедлении исполнить что, а также не доверяют и болезни узника.—Еще иные теснят безоружных и пленных во время войны или в плену. Наконец, не имеют пощады и друг к другу в случае какой либо вины, т.е. высшие начальники к средним, средние к низшим, а низшие к тем, которые еще ниже их по чину. Служба военная требует одной строгости, а не жестокости, порядка и подчиненности (дисциплины), а не строптивости на каждом шагу. Православный воин показывает себя между врагами львом, а между своими—агнцем. Он стремится к осуществлению такой мысли: «раскуют мечи своя на орала и копия на серпы» (Ис.11,4)».

Жестокость к убогим и уродам

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Жестокость к убогим и уродам): « «Пред слепым да не положиши претыкания» (т.е. камня под ноги его, чтоб он споткнулся и упал) (Лев.19,14). Это до вреда слепым. В отношении же к другим, например, хромым, глухим, глухонемым, горбатым, зобным, калекам и параличным жестокость составляют: покидать их без всякой помощи, если иные из них нуждаются, как младенцы, в уходе и надзоре; преследовать их или прогонять от церквей и монастырей, чтоб они видом своего уродства не возмущали чувств, не расстраивали бы нервов, между тем как здесь-то за отсутствием для них особого приюта самое приличное место им испрашивать милостыню; издеваться над ними, сильно бить их за проступки. Зачем же так поступать с несчастными? Они ведь беззащитны и нуждаются в особенном покровительстве, что доказывает самое слово: «убогий (у Бога)». Имея их под своим покровительством, Господь Бог внушает и нам жалеть их, а не теснить и убивать. Христос— Спаситель постоянно был окружаем убогими, которые ходили за Ним для исцеления и получали от Него исцеление: не трогательный ли это пример для нас оказывать человеколюбие к этим несчастным? Затем, все же они не звери, а люди, сколько ни безобразен и отвратителен вид некоторых из них. Когда их преследуют или только брезгуют ими: тогда те из них, которые сознают себя, еще больше ропщут на Бога, на свою судьбу, как напротив человеколюбивое а ласковое обращение с ними успокаивает их и будто сглаживает пред ними в эти минуты убожество их. Пусть одни из них сделались уродами сами от себя, от своей неосторожности или вследствие нетрезвой жизни: однако это не резон нам обращаться с ними в духе карательном за невозвратимые вины их. ... Христианин! по примеру милосердия Божия и Христа—Спасителя будь и ты милостив к убогим и уродам. При виде их вспомни о своем духовном убожестве, и этим расположи себя к смирению и покаянию (Ин.9,3).

Презрение или грубые чувства к родным и научение злым чувствам других людей или не воспитание добрых чувств

Грубые чувства к родителям

Всем известна заповедь: люби и почитай родителей своих, но не все исполняют ее.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Если бы мы исполняли эту заповедь Закона Божия, тогда с наших уст никогда не срывалось бы ни единого обидного слова в адрес родителей, не говоря уже о грубости. ... А мы как выполняем эту заповедь Божию? Стыдно поднять глаза на иконы – разве почитаем мы своих родителей?»

Очень часто мы раздражаемся и гневаемся на родителей. Причины могут быть различными: нам не нравится, что нас поучают; нам не нравится, что родители постоянно вмешиваются в наши дела; нам не нравятся их жалобы на здоровье, нам не нравятся их страсти и пороки, которые с возрастом настолько укоренились в них, что мало надежды на их исправление; нам не нравится их забывчивость или сварливость и т.д. и т.п. Все эти «не нравятся» собираются в нас и выражаются нетерпимостью, которая, являясь необузданной раздражительной энергией, готова вырваться в любую минуту. Мы привыкли реагировать раздражением, недовольством и вспышками гнева на своих родителей в течение многих лет, и это стало нашим греховным навыком, с которым трудно справиться.

Грубые чувства к брату и сестре

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Грубые чувства к родным брату и сестре): ««Подвижеся утроба» (воскипела любовь Иосифа) «о брате своем, и искаше

(места) плакати» (Быт.43,30),—вот, напротив, пример самой нежной братской любви! Действительно, после союза супружеского и естественной привязанности к родителям, самый нужный союз должен быть между братьями и сестрами: это друзья природные, от первых дней жизни, друзья по крови. Их связывают одинаковая любовь к отцу и матери, одинаковые воспоминания о родителях (если родители уже умерли) и часто одинаковые добрые привычки и наклонности, а тем более — сходственная наружность. Братская любовь так естественна, что и к посторонним лицам, в знак особенного расположения или ласки, обыкновенно говорится: «братец мой». Но что братья и сестры каждый день и час находятся вместе, это не дает им повода быть холодными, безучастными и молчаливыми или невежливыми друг к другу. А также напрасно иные говорят, будто в другой семье или с посторонними лицами они жили бы дружелюбнее и были бы более ласковы. Нет,—не привыкнув к дружелюбию в семье, эти грубые братья или сестры не на долго останутся дружелюбными и в кругу посторонних. Особенная нежность чувств должна быть у братьев в обращении с сестрами. Сестры иногда и смягчают строгость отцовского гнева на братьев и вообще в семье. Но будучи способными успокоить печального брата, они сами, по особенной слабости своей природы, требуют особенного братского участия в какой либо печали своей, нуждаются в особенной охране со стороны братьев, например, при выходе из дома и т. под. Тихон Задонский был и святой и носил высокий архиерейский сан : но это не мешало ему называть сестру—вдову «сестрицей и родной», а когда сестра умерла— плакать над ее гробом. О, если б все родные братья и сестры так же сердечно относились друг к другу, не чуждались взаимных ласк, желали бы частого свидания, часто скучали бы друг о друге в разлуке и вели бы в таком случае, сколько позволяют обстоятельства, братскую переписку!».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Нелюбовь к «приведенным», а также и к сродным братьям): «Исмаил, сам приведенный, между тем оскорблял и частью даже гнал своего брата, Исаака (Быт.21,9), за что был изгнан, по распоряжении Самого Бога, из отцовского дома. По естественной любви к самим родителям, дети должны любить и тех, кто для их родителей делается также законным сыном или законною дочерью от прежнего или нового брака. Иосиф, правда, самую горячую любовь выразил к единокровному Вениамину, но и к братьям от другой матери он с любовью сказал: «аз ...брат ваш» (Быт.45,4), связуя братскую любовь к ним чрез отца своего. Затем, сродные (т. е. двоюродные, иногда, же троюродные по прямой линии) братья и сестры наши также не далеки от собственной нашей плоти и крови: это доказывается сходством их с нами по лицу, по способностям и характеру, которые иногда и очень бросаются в глаза. Таким образом, естественно должна быть наша любовь к сродным. Если и бывает часто на деле так: «свои хуже чужих», то христианин не должен быть таким: лучше ему находить «своих между своими же».—Господь Иисус Христос освятил в своей земной жизни то и другое родство: Иаков малый (Марк.15,40), сын Иосифа, называется Его «богобратом», а Иоанн Креститель, сын ужики (родственницы) Его Пречистой Матери, состоят в кровном родстве с Ним, и потому несколько сходствует с Ним по наружному виду».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: презрительная незаботливость о порочном брате): ««Брат твой прииде», сказано о блудном сыне. «Разневася же, и не, хотяше внити» (Лк.15,27-28) другой брат, честный и исправный. Гордостью и презрением к падшему брату или к падшей сестре показывается самомнительная святость. Если и желательно поддержать честь своего рода, которую унижает порочный родственник; то достигать этого следует не горделивым презрением к негодному брату, от чего брат еще более упадет духом, а нравственным участием в его положении. Такое участие может быть выражено: в убедительных советах брату или родственнику (лично или письмами) исправиться; в просьбе за него других лиц, чтоб предоставили ему должность или серьезное занятие, что скорее может отвлечь его от невоздержной жизни; в лечение его от запоя; в частой бытности у него в доме или квартире; в поминании его на проскомидии «об исправлении жизни и спасении»; в предложении ему душеполезных книг для чтения. Такое-то участие вполне достойно брата-

христианина; потому что тогда добрый брат заботится не о чести только павшего брата и собственной, но об участи его вечной: «изгнана бе, и обретется».

Презрительное обращение между супругами

Далее мы кратко рассмотрим, как выражается наша нелюбовь к супругам. (Вообще грехи, совершаемые при семейных отношениях, делятся на грехи мужа и жены, но в этих беседах они не выделены отдельно) Итак, нелюбовь выражается в презрительном обращении. Этот грех особенно свойственен мужьям.

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповедей, грех – презрительное обращение с женой): «Сказано: «мужья, обращайтесь благоразумно со своими женами..., оказывая им честь» (1Петр 3,7). А на одном из соборов презрение к жене запрещается под угрозой клятвы: «аще кто порицает оную (жену), да будет под клятвою» (Гангр.соб,1). Жена—помощница и друг своему мужу, а не безответная раба. Она не носительница только от него детей и не для одного хозяйства или обихода в доме, - нет! В таком унижении и презрении жена была только у древних язычников. Впрочем, и у самих евреев хоть не была она угнетенною, но в силу закона о разводе, который был вызван жестокосердием евреев, также находилась в тяжелой зависимости от своего мужа. В том же презрении и ныне остается жена у диких народов. (Лучше ее участь на сей раз у таких некрещеных народов, которые ушли от прежней своей дикости, но вместе с тем еще остаются в патриархальном состоянии нравов, как дети природы, которые т.е. и несколько развиты и неразвращены пока посторонними примерами). Особенно презренное состояние и ныне жен магометанских. Здесь жена не имеет и прав религиозных, не может входить в мечеть для молитвы. Но в христианстве, но в обществе людей, понимающих и почитающих святую православную веру, жена вполне пользуется общечеловеческими и религиозными правами. Христос-Спаситель снял с нее иго принижения. Прежде всего «Благословенная в женах» составляет украшение не только для дев, но и для жен. Во всех местах, где встречаем мы в евангелии женщин, видим, что они удостоиваются снисхождения и покровительства со стороны Господа Иисуса Христа (так, например, было обращено Им внимание на хананеянку (Мф.15,28), на тех жен, которые приносили к Нему своих младенцев для благословения) (Мф.19,13-14). И по существу самого дела, жена, без сомнения, равна мужу в общечеловеческих и нравственных достоинствах. Она столько же способна к высоким понятиям и духовным подвигам, как и муж. Так еще из ветхозаветной истории знаем, что еврейские жены умели и петь и сочинять торжественные песни: Мариамна, сестра Аарона, управляла хором; этот хор воспевал: «победную песнь» после перехода евреев чрез Чермное море (Исх.15,20-21). В Новом Завете видим женскую природу наравне с лицами мужского пола способною ко всему религиозно-нравственному. А это, конечно, самые главные способности человека. Они главнее наук, художеств, торговли и т.п. Например, самарянка в беседе с Спасителем богословствует (Иоанн.10,24); Марфа—сестра Лазаря с уверенностью говорит об общем воскресении (Ион.4,7); женский голос, а не иной чей, из толпы народа в чувстве восторга и довольства проповедью Спасителя произносит: «Блаженно чрево носивши Тебя и сосцы, Тебя питавшие» (Лк.11,27). Мало того: в духовных подвигах новозаветного времени прежде успели показать себя жены, а не мужчины: пример тому — Мария Магдалина и другие жены во время крестного пути и у самого креста Спасителя. Затем, и во все последующие времена из жен были ревнующие к делам спасения, а это— опять повторим —самые главные дела человека; например, они содействовали христианским миссиям (жена апостола Петра сопровождала его в Рим (Евс.церк.ист.кн.2.14снес.); известны между ними не только подвижницы (Мария Египетская), но и писательницы сочинений аскетических (Синклития) (Четь-мин.под 5января) и для богослужения (Кассия—«волною морскою...») (Кассия жила в IX веке: в означенном каноне принадлежат ей ирмосы до 6 песни; но остаются от нее и другие службы)). И так с чем же сообразно, если муж пренебрегает своей женой, будто ни к чему более неспособною, как только

носить детей или заниматься хозяйством по дому? Непростителен и со стороны чужих лиц презрительный взгляд на женский пол: как же мужу-то презирать свою жену? Гордый муж будто остерегается сказать ей лишнее ласковое или откровенное олово, считает для себя унижением попросить ее совета, сознаться пред ней в каких либо своих ошибках или слабостях, показать себя ослабевшим по духу и нуждающимся в ее утешении! Но все это напрасно. И мы тоже не к тому клоним свою речь, чтоб жене учительствовать в церкви (1Кор.14,34-35) или выйти на общественную деятельность по всем пунктам деятельности мужчин или сочувствовать ее суетности, как чему-то умному. Нет; мы только указываем в жене способности, равные с мужчиной, к этому главному в жизни человеческой: «к вере и добрым делам». Но если иная жена и, действительно как бы не понимает ничего, если трудно уговорить ее в чем либо: то здесь причиной умственная ее неразвитость, — О, муж-христианин! Не говори каждый раз к жене твоей горделиво и повелительно, не доводи ее до того, чтоб она стояла пред тобой на ногах, выслушивая твою речь, или чтоб с трепетом входила к тебе, будучи ни в чем невиноватою, подобно Есфири, которая как-то представилась пред лице Дария (Есф.5,1). Не превозносись пред ней своим умом или образованием или большею красотою. Эти и другие преимущества твои, может быть возвышающие тебя и пред многими другими, должны только приносить жене твоей честь и пробуждать в ней сорадование, а не быть напротив причиной личного унижения ее пред тобой и поводом к ее печали. Для нее дороже то, чтоб ты был добрым, любезным мужем, чем ученым только или знатным по должности. У нее есть чувство, в силу которого она сознает свое недовольство твоим горделивым обхождением, пусть в обхождении и не будет еще явно-оскорбительных слов. У ней есть и свои достоинства, хоть невысокие пред людьми, но может быть приятные Богу. Ты пренебрегаешь ею, не устаиваешь ее настоящего или личного имени («жена, хозяйка, старая, ты и ты...»): но она разделяет с тобой жизнь, она первая будет у твоей постели, если Бог посетит тебя болезнью. Еще хуже, если ты, и не имея особенных преимуществ, горделив пред нею только потому, что ты муж, что лицо старшее над ней. О, великодушный муж! Лучше смирись пред твоею женою и уважай ее не только как человека и ближнего твоего, но и как друга твоей жизни! Поверь, что нежная и признательная от природы душа ее в высшей степени расположена любить тебя, если ты будешь постоянно оказывать к ней знаки внимания, будешь стараться заслуживать ее уважения».

Осознанное и неосознанное научение детей гневаться и мстить

Научение детей гневаться мстить происходит у родителей зачастую невольно, но иногда и вольно. Во-первых, это проявляется в следующем.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – подстрекательство детей во время воспитания их к гневу – мести...): «Вместо того, чтобы воспитывать малых детей в духе любви, родители подстрекают их к злобе, - сами ли непосредственно или дозволением этого нянькам и прислуге. Так, например, нарочито сердят детей, отнимая у них любимое их кушанье, любимую игрушку или другой предмет забавы. Для чего же сердят, раздражают? – Чтоб полюбоваться детским гневом, когда, например, кричит дитя, бьет других своими маленькими руками, кусает. Так, заставляют младенцев бить порог за который они запнулись, ударять куклу, которая пала и сделала им ушиб. Для чего же? – Чтоб скорее остановить их слезы по случаю этого падения или ушиба их. Так, когда дитя болеет и плачет, его боли относят или к кошке или к лицу, которое на виду, и угрожают за то последним побоями или действительно бьют их слегка. С каким опять намерением? Чтоб заставить дитя чувством такой мести забыть боль, которая его мучит. Так, когда дитя встретит какую-либо обиду (иногда намеренную со стороны товарища своего) и жалуется на эту обиду с плачем, - вместо урока прощения ему позволяют отплатить обидчику подобною обидою или сами тотчас же мстят за него».

Во-вторых, научение гневу происходит посредством собственного примера родителей. Это происходит тогда, когда родители, видя, что маленький ребенок что-то неправильно делает, например, рвет книгу, начинают кричать и бить ребенка, наказывая. При этом сами родители

испытывают злобные чувства, особенно если они уже не раз рассказывали, что так нельзя делать. И такие эмоциональные проявления с научением, что так нельзя делать, мы называем «воспитанием». Но такое «воспитание» является грехом.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – невзыскание, или напротив, частые и жестокие взыскания с детей): «не следует и грех наказывать детей часто или неправильно, или только лишь в минуты своего гнева, который возбужден со стороны и вымещается на безгласной семье (в последнем случае и помину нет о доброй какой цели в наказании)».

Когда мы говорили о темпераментах, то было сказано, что каждый человек должен бороться со своими эмоциональными состояниями, учитывая и свой темперамент. Так же и дети бывают более спокойные: меланхолики и флегматики, а значит им более свойственна печаль, обидчивость, скрытые злоба и ненависть. Если же дети имеют холерический и сангвинический темперамент, то они более подвижны и легко возбудимы, а значит, и более склонны к гневу. Поэтому, если ребенок с явно выраженными склонностями ко гневу, то его необходимо учить успокаиваться, а не заражать его еще и своим гневом. При этом его успокоение не должно быть потаканием его прихотям. Поэтому:

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – невзыскание, или напротив, частые и жестокие взыскания с детей): «Погрешность также наказывать детей без всякого соображения с характером их, так как для иных нужны бывают и телесные удары, а для других достаточно одного выговора и пристыжения».

Если же ребенок более склонен к печали, замкнутости и т.п., то его следует более привлекать к играм, к домашним делам, к общению, т.е. к активности и бодрости.

Конечно, для того, чтобы понять, как правильно воспитывать детей, сообразно с их склонностями к определенным страстям, нам, во-первых, необходимо самим о них знать, и, во-вторых, самим научиться справляться и с чревоугодием, и с гневом, и с самолюбием и т.д. И тогда наши добродетели будут примером для наших детей, и любовь и благоразумие будут их воспитателями. В пока мы сами страстны и грешим на глазах наших детей, то мы вольно или невольно будем учить их и гневу, и сребролюбию, и мстительности и мн.др.

Далее приведем пример из поучений Василий Великого о воспитании детей в монастырях, т.к., возможно и нам, мирским родителям, это послужит на пользу.

Василий Великий (Вопросы, пространно изложенные, в.15): «Над ними (детьми) должен быть поставлен старший возрастом, превосходящий других опытностью, доказавший свое великодушие, чтобы мог с отеческим сердоболием и благоразумным словом исправлять погрешности юных, после каждого падения употреблять приличные врачевства, так что одно и то же служило бы наказанием за погрешность и обращалось в упражнение в беспристрастии душе. Например, рассердился кто на сверстника? Такого должно заставить успокоить его и, по мере продерзости, оказать ему услугу, потому что навык смирения как бы отсекает душевную раздражительность, а превозношение всего чаще производит в нас гнев. Коснулся ли не вовремя снедей? Пусть большую часть дня остается без пищи. Обличен ли кто, что вкушал пищу не в меру или неблагочинно? Пусть во время принятия пищи отлученный от яств принужден будет смотреть на других вкушающих чинно, чтобы и наказан был воздержанием и научился чинности. Произнес ли кто праздное слово, оскорбление ближнему, ложь или иное что запрещенное? Пусть уцеломудрится воздержанием чрева и молчанием. Но надобно, чтобы и обучение грамоте было соответственно цели, а для сего должно заставлять их употреблять слова, взятые из Писания, и вместо басен рассказывать им повествования о делах чудных, вразумлять их изречениями из притчей и назначать награды за удержание в памяти слов и вещей, чтобы дети с приятностью и легкостью, без огорчения для себя и непреткновенно достигали цели. При правильном руководстве у них скоро появляется внимательность ума и навык не рассеиваться, если наставники постоянно будут допрашивать, на чем остановилась их мысль и какой предмет их размышления. Ибо простота возраста, неухищренность и неспособность ко лжи легко высказывают душевные сокровенности. А сверх того ребенок, чтобы не часто застигали его на какой-нибудь непозволительной мысли, будет избегать мыслей нелепых и

постоянно станет удерживаться от нелепостей, боясь стыда обличений. Поэтому пока душа еще способна к образованию, нежна и, подобно воску, уступчива, удобно напечатлевает в себе налагаемые образы, надобно немедленно и с самого начала возбуждать ее ко всяким упражнениям в добре, чтобы, когда раскроется разум и придет в действие рассудок, начать течение с положенных первоначально оснований и преподанных образцов благочестия, между тем как разум будет внушать полезное, а навык облегчит преуспевание».

(Вопрос о воспитании будет рассмотрен позже)

Невыскание, нестрогость с детьми или, наоборот, строгое и жестокое наказание

Всем нам известно, что родители часто бывают нестроги к детям. Сразу отметим, что понятия «строгость» и «гнев» имеют существенные различия. А другие родители бывают чрезмерно строги.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, гл.5, § 473): «Некоторые родители так нежно и слабо детей своих воспитывают и содержат, что не хотят их за преступления наказывать, и так бесстрашно и своевольно им попускают жить, а другие безмерную строгость употребляют, и более гнев и ярость свою над ними совершают, нежели наказывают их. И те и другие погрешают. Ибо везде излишество порочно, строгость и милость безрассудная во всяком чине осуждается. Одна в расслабление, своевольство, развращение и явную погибель приводит юных, от природы ко злу всякому склонных, а другая огорчение, раздражение и уныние в них соделывает. Везде умеренность и средний путь похваляется. Потому родителям благочестивым среднего пути держаться должно».

Рассмотрим подробнее две эти крайности в воспитании.

Итак, нестрогость может быть по сильному пристрастию к ребенку.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «По нежеланию обуздать свою непомерную, неразумную родительскую любовь, мы часто настолько избаловываем детей, что растим настоящих эгоистов – потребителей, не желающих ни работать, чтобы добывать средства к пропитанию, ни учиться, чтобы получить специальность, безрассудно отдаем им все, что имеем, а потом сетуем, что под старость нашу они выгоняют нас из дому. Вы же сами вырастили эгоистов!"

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – невыскание, или напротив, частые и жестокие взыскания с детей): «если родители (чаще всего мать) не употребляют строгости к детям, например, против своенравия и грубости их, против небытности их в воскресенье у службы Божией, против замеченного за ними воровства, курения табаку или в виду других проявляющихся в них порочных наклонностей, если не наказывают их за все это по излишней ли любви к ним или потому, что не хотят огорчить их, равно как обеспокоить самих себя тратой времени на исследование их вины, вообще неприятными напоминаниями или опасением узнать при раскрытии дела еще большие проступки за ними, наконец, если только угрожают каждый раз виновным детям тем и иным наказанием, но из ста угроз не выполняют и одной: тогда это вовсе не любовь к детям, а скорее бессознательная ненависть к ним; потому что тогда худые привычки к детям более и более усиливаются, потому что юность вообще пылка. ... (Этот) порок относится более к матерям «чадолюбцам» (Тит.2,4), простирающим свою естественную и богозаповедную любовь к детям до слабости».

Как видим нестрогость может быть и по нежеланию тратить свое время на занятие ребенком, или родители могут только говорить о наказании, но и не исполнять его. Также не правильное воспитание может быть от обращения с детьми по-братски и по человекоугодию.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Чрезмерное отдаление от себя детей или же, напротив, такое обращение с ними, которое не внушает им страха говорить и делать худое даже при родителях): «Близкое же, или до того упрощенное обращение с детьми, что дети ни в чем не стесняются присутствия своих родителей,—и еще злейшая крайность. Гораздо лучше, если встреча с родителями тотчас остепеняет детскую резвость, если

(представим себе детей вольных или грубых) одно появление между детьми отца—матери, еще меньше—одно опасение, что родители об них «услышат, догадаются, узнают», удерживает их от вольности. Это значит, что дети еще боятся, стыдятся в своем сердце всего худого. И будь такое присутствие с ними родителей непрерывным, они избегли бы многих нехороших привычек. Но когда родители обращаются с детьми по братски или как равные им (между тем совершенного равенства на сей раз не может и не должно быть, так даже и в полном возрасте детей, при самостоятельной жизни их), когда родители шутят с детьми и шутками или дозволением с собой шутить стараются заискаться у них в любви к себе, когда они вместе с детьми играют в карты, поют песни, танцуют,—в таком случае ничто уже не может удерживать детей от худого. Тогда дети даже и не сознают худого худым, делаются во всем легкомысленным: «играй» (забавляйся с сыном и забавляй его собой), «и опечалит тя» (Сир.30,9-10). Да; эта «последняя лесть горша первыя» (Мф.27,64)».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Старание заслужить любовь у своих воспитанников потворством им): ««Никогда же в словеси ласкания быхом к вам» (1Сол.2,5). Власть воспитателей и образователей юношества можно считать вполне родительскою властью в том случае, если воспитанники не живут на глазах родителей, а находятся под одним надзором и руководством воспитателей (Гал.4,1). Следовательно, долг воспитателя так же удерживать своих воспитанников от проявлений в них, так называемого, «ветхого человека» или от действий первородного греха, как это признают своим священным долгом и родители. Воспитание и не будет воспитанием, если детям дать волю проявлять безразлично все то, что в них есть по природе, т. е. если не замечать им, почти на каждом шагу, их погрешностей в суждениях, а особенно не направлять к добру действий их, показывая им всякий раз, что делать хорошо и приятно Богу, а что бесчестно и чем оскорбляется Бог. Посему виновны те воспитатели, которые вместо напоминаний своим воспитанникам об ошибках только ласкают—ублажают их, имея при этом единственно цель собственную, личную, чтоб снискать любовь к себе воспитанников и быть названным от них «прекрасным, не строгим, добрым». Например, если воспитанник показывает хорошие способности и учится хорошо, то учитель хвалит его без меры, располагая его таким образом к гордости. Если же другой из воспитанников успевает худо, по слабости ли способностей или по рассеянности, и если это сын или дочь родителей более известных, учитель все-таки ставит знания слабого ученика выше (дает ему больший балл), опасаясь его отзыва не в похвалу себе. Если ученик или ученица обнаруживают добрые качества, учитель или начальник воспитательного заведения, вместо того, чтоб только втайне порадоваться за этих детей и незаметно поддерживать в них хорошие стороны, вместо этого шумно превозносит их и выражают к ним удивление, подстрекая их тем к самомечтательности и беспечному довольству собой. Потворствующий учитель держит себя в отношении к ученикам как равный им, любит с ними шутить, делает им всевозможные уступки и снисхождения, например, относительно небытности их в классе и в церкви, развивая в них этим самым неуважение к старшим, а также и в них самих слишком уступчивую совесть, с которою между тем нельзя быть надежным членом ни семьи, ни общества. Но такой воспитатель не всегда достигает и собственной цели, т. е. чтоб быть любимым от своих воспитанников; потому что дети догадливы, они принимают с сочувствием такое только обращение с ними, которое бывает естественным. Например, если учитель хочет быть ласковым, добрым, то и должен быть таким искренно; если же он желает быть строгим, если гневается и наказывает, то и тут должен быть прямодушным, а не показывать только вид строгого учителя. Что же в особенности до последствий потворства по отношению к воспитанникам: то, без сомнения, это великий вред нравственному направлению всей школы. Это уже не воспитание, а порча воспитания».

Дмитрий Ростовский (Летопись..., гл. События в 3-ем столетии 3-го тысячелетия): «...детей в их отрочестве следует поучать в добрых нравах угрозою и ласкою, но не столько ласкою, сколько угрозою, так как угрозою юность наказывать полезно, как советует Сирах: "Не даждь сыну твоему власти в юности его, но сокруши ребра того, дондеже млад есть, еда како ожестев не покорится" (Сир. 30, 11-12). Святой Златоуст уподобил юность коню необузданному

и зверю неукротимому. Чем конь удерживается, как не вожжами, уздой и утомлением? Чем зверь (медведь) укрощается, если не железом и биением? Подобно сему и юность нуждается в страхе и наказании, как в узде и вожжах, в запрете и угрозе, как в железных оковах и веригах, а также и в муках от ран. Хорошо говорит вышеупомянутый Сирах: "Любяй сына своего участит ему раны" (Сир. 30,1). ... Страшную вещь рассказывает святой Григорий Двоеслов в беседе с диаконом Петром (в 4-й книге, XVIII главе), говоря следующее: "Многим детям преграждается вход в Царствие Небесное, если их плохо воспитывают. В сем городе (Риме) некий муж, известный всем, три года тому назад имел малого отрока годов, как думаю, пяти; отец его по плоти, сильно любя сына, воспитывал его без наказания. Отрок же тот, постоянно видевший только ласку, привык говорить скверные и хульные слова. И когда какое-либо помышление входило в душу его, оно тотчас выливалось в злословии, к которому он привык; и хулил он не только людей, но, когда случалось, дерзал (страшно сказать!) и на величие Божие, хуля святые вещи, а отец не возбранял ему говорить тех хульных и скверных слов. Во время бывшего три года тому назад здесь мора сей отрок смертельно заболел, и когда отец его держал на своем лоне (как свидетельствуют бывшие там при кончине сего отрока), пришли нечистые бесы взять окаянную душу отрока. Отрок же, увидев их, затрепетал, закрыл глаза и начал взывать: отними меня, отец, от них, отними! Так вопия ужасным голосом, он уткнул лицо в грудь отца своего, желая скрыть себя. Отец же, видя его трепещущим, спросил, что он видит. Отвечал отрок, говоря: черные люди пришли и хотят меня взять. Сказав это, он начал говорить богохульные слова и тотчас умер". Да устрасит эта повесть святого Григория родителей, худо воспитывающих детей своих без наказания и попускающих им привыкать к словам и делам небогоугодным! Поистине, такие родители и сами вместе со своими не наставленными в добре детьми праведным судом Божиим преданы будут в руки черных ефиопов, или бесов, для вечной муки».

Также чрезмерная попечительность родителей о телесном здравии детей может привести к развитию у них плотоугодия и сластолюбия, в частности развить страсть чревоугодия.

Феофан Затворник (Путь ко спасению): «В нравственном отношении оно (питание) есть седалище страсти к греховному услаждению плоти или поприще его развития и питания. Поэтому должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, — надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управляться с этою потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище — два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию. Поэтому даже врачи и педагоги советуют: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для дитяти, отрока и юноши; 2) подчинить употребление ее известным правилам (опять приспособительно к возрасту), в коих бы определялось время, количество и способ питания и 3) потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе, как с болезнью может отказываться от пищи. Вместе с сим оно привыкает к своенравию оттого, что успевает выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие удобства, естественно необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду — не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания, — изменяя, как само собою разумеется, правила в применениях, а не в существе, — до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, возьмет сам себя в руки».

Что касается греха наказания детей во гневе с особой жестокостью, то он вполне очевиден, и относится к вопросу о ярости путем рукоприкладства. Также грехом является упорное непростение ребенка, когда он просит прощения.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – невзыскание, или напротив, частые и жестокие взыскания с детей): «Худо наказывать и без отческого помилования, между тем как виновный сын или виновная дочь искренно просят прощения. От всех таких наказаний дети делаются скрытными пред родителями, в тайне начинают ненавидеть своих родителей, и как замечает апостол, «унывают» (Кол.3,21).... (Этот порок более относится) к отцам, которые и слышат предостережение себе: «не раздражайте чад ваших» (Кол.3,21)».

Грехи, связанные с равнодушием и холодностью

О равнодушии

А теперь скажем о незлобном чувстве - равнодушии, но оно является холодным чувством нелюбви.

Варсануфий Великий (Руководство к духовной жизни, вопр.18): «Касательно теплоты и холодности (скажу): известно, что Господь назвал Себя огнем (Втор.4:24. Евр.12:29), согревающим и разжигающим сердца и утробы (Пс.25:2). Если это так, то диавол напротив холоден, и от него происходит всякая холодность...».

Равнодушный человек остается внутренне спокойным при страданиях, скорбях и просьбах других людей. Он не ощущает движения сочувствия и сердечной боли за другого человека, и не возникает пламенного желания облегчить страдания другого человека и помочь ему. И такое состояние не соответствует любящему христианскому сердцу.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Равнодушие есть уже недоброе состояние, и в христианине ему не должно быть. Оно первый шаг замирания любви и уклонения сердца от истины в отношении к другим».

Феофан Затворник (Сборник «Созерцание и размышления») «Где страсть, там нет места любви. Любовь милосердствует: как же она будет в сердце, когда там качествует окамененное равнодушие к страданиям других?»

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди. 7-ая заповедь блаженства): «Равнодушие – это холодность сердца и ума, это проявление крайнего эгоизма, это грех против заповеди о любви к ближнему».

Более того, о равнодушном человеке можно сказать, что он ненавидит другого человека.

Ефрем Сирий (О братском вразумлении друг друга): «Кто при любви своей равнодушен к недостаткам любимого, тот ненавидит (его) сам того не сознавая».

Чувство равнодушия идет рядом с осуждением, превосходством, нерадением и т.п.

Варсануфий Великий (Руководство к духовной жизни, вопр.495): «...не суди и не унижай никого, потому что от сего изнемогает сердце и ослепляется ум, отсюда же является нерадение и рождается сердечное нечувствие».

Равнодушие может переходить в более тяжелые формы и тогда его можно назвать «безжалостностью». От нее, как известно, в мире происходит много зла. Например:

Нил Мироточивый (Посмертные вещания, ч.1 гл.2): «...слово «пожалей» означает «помолись»; ибо основание молитвы за ближних есть сострадание к ним.... Говорим: возлюби брата твоего и Бог возлюбит тебя; ибо любовь рождает сострадание; если не любишь брата твоего, не можешь печаловаться о нем. Так произошло и с Каином. Не возлюбив брата своего, он не мог и сострадать ему; вследствие ненависти к брату возникла безжалостность, и взамен любви (Авеля, Каин) воздал безжалостностью, и взамен печали его о нем (т. е. вместо молитвы взаимной, которую впервые заповедал Бог Авелю), совершилось убийство».

Добродетелями, противоположными равнодушию, являются горение духа, великодушие, сострадание, братолюбие, милосердие и т.п. Приведем простые примеры неравнодушия и к тварям Божиим, и к людям.

Изречения подвижников Греции (под ред. Д. Тациса, 35): «Старец Иаков был болезненным, особенно в последние годы жизни. Его мучили многие недуги. Но он сам говорил, что сердце его — сад. Он достиг такого духовного бесстрастия, что скорбел о боли других людей и был равнодушен к своей. Однажды слышали, как он разговаривал с птичкой и выражал свою любовь следующим образом: «Как мне жаль тебя, что ты мерзнешь. На мне носки, у меня есть одеяла и отопление. Ах, если бы я мог собрать всех вас в одну комнату, кормить вас и обогревать. Но, видите, вы меня боитесь»».

Луг Духовный (гл.155): «Вот что еще рассказал нам авва Иордан об авве Николае: «Старец рассказывал. В царствование благоверного императора Маврикия, когда сарацинский предводитель Намес производил грабежи, я проходил поблизости Аннона и Эдона. Увидел трех сарацин и при них юношу замечательной красоты, лет двадцати. Это был пленник. Завидев меня, юноша стал со слезами умолять меня, чтобы я освободил его. Я принялся упрашивать сарацин, чтобы они отпустили его. «Не пустим!» — ответил мне по-гречески один из них. «Возьмите лучше меня, а его отпустите, — сказал я. — Ведь он не может вынести горя» «Не пустим!» — сказал мне тот самый. «И выкупа не возьмете за него? Отдайте мне его. Я возьму его с собою и принесу вам, что пожелаете» «Не можем отдать тебе его, — возразил мне сарацин, — потому что мы обещали нашему жрецу: если найдем что-нибудь хорошее из плена, принесем ему для жертвоприношения. А ты лучше уходи, а не то снесем и тебе голову». Тогда, повергшись пред Богом, я произнес: «Спаситель наш Господи Боже, спаси раба Твоего!» И тотчас три сарацина, объятые бешенством, обнажили мечи и изрубили друг друга. Я взял юношу к себе в пещеру, и он не пожелал уйти от меня, но отрекся от мира. Прожив иноком семь лет, скончался».

Об отчужденности

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди. 7-ая заповедь блаженства): «Если обратиться к нашему времени, то оно особенно характеризуется отчужденностью людей, потерей сердечной связи, взаимного доверия и искреннего, доброжелательного влечения одного к другому. Даже среди членов одной и той же семьи заметны желания отъединиться, отгородиться перегородками, чтобы иметь свой, особый угол. Это происходит потому, что не создана гармония у каждого члена семьи внутри себя, чтобы на основе этого внутреннего мира искать и создавать мир и с близкими, и со всеми другими людьми. Только когда во Иисусе Христе восстанавливается мир внутренний в человеческом сердце, тогда восстанавливается связь этого сердца со своими ближними. Эта связь выражается в единстве слова, духа и мысли. "Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы были соединены в одном духе и в одних мыслях" (1 Кор. 1, 10)».

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Всякий христианин обязан ко взаимнообращению. Охотно входи в сношения с другими, равно и сам себя держи так, чтобы всякий без робости, с открытым сердцем мог приступить к тебе. Противно сему поступает чуждающийся всех. Отчужденность есть уродливость сердца. Но она не то, что благословенное затворничество, или отшельничество. Отшельник, отделившись от других телом, пребывает с ними духом, а этот отчужденник от всех отделен духом, хотя живет среди них. Отчужденный холодеет, беднеет, замирает духом. Напротив, общающийся со всеми раскрывается, богатеет, полнеет, образуется, так что только одно беспрестанное обращение с Богом и ангелами выше сего. Оно же есть и училище самопознания. Сам по себе отдельно человек легко становится самомнительным, а когда посмотрит на других — научается смирению...».

Холодность к родителям

Все мы знаем, что между родителями и детьми существует любовь, которая является данной нам по естеству.

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Так много приемлют дети от родителей! От них временная жизнь; от них же основание, начало, способы и жизни вечной. Отсюда и дети не естественно только, но и совестно должны быть обращены к родителям с особенными чувствами и расположениями, сознавать себя к ним обязанными и возгревать их в себе. Главное чувство, которому большею частию не учатся, есть любовь с почтением и покорностью. Должно только делать сии чувства разумными и вместе прочными до того, чтобы не испарились в целую жизнь».

Но и здесь происходит страшное искажение естественных даров, это — нелюбовь и холодность к родителям.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: холодность к родителям): ««Матерних (родильных) болезней не забуди» (Сир.7,29). Одни только животные по прошествии некоторого времени забывают и совсем не узнают тех, которые родили их. Человеческая сыновняя любовь так естественна, что это есть первое чувство, которое возникает в человеке от младенчества его, первая добродетель, для которой развивается его сердце: любви к родителям не заменить вполне или не должна бы заменить никакая другая любовь, кроме супружеской (если кто вступит в законное супружество). Итак грех не чувствовать и не выражать привязанности к родителям; например: непохвально во время разлуки с ними в некоторой мере не тосковать о них и совсем не писать к ним, а встретившись с ними после разлуки чуждаться горячих ласк их; нет, очевидно, сыновней привязанности в том, когда сын для службы или должности избирает себе отдаленную от родителей местность, а затем, поступив от них вдаль, не старается при первой же возможности переместиться к ним, тогда как без всякой потери мог бы проходить ту же службу или быть на том же частном занятии и при них. Явная холодность—редко ходить в дом родительский, отделившись от него; явное отсутствие сыновней преданности—не защищать родителей пред другими, когда неправильно о них думают и отзываются, между тем как детям (взрослым) более известны их свойства и намерения в действиях,— не употреблять законной защиты или ходатайства за них и тогда, как их прямо обижают; противно сыновней любви не оберегать родителей от малейшей досады и неприятности, говоря или делая то, что, как известно по характеру их, не понравится им, да и не должно понравиться всякому благомыслящему; несогласно с сыновнею любовью— не быть только предупредительным к родителям; но, всего хуже, говорить, будто «и совсем не за что питать к отцу—матери чувство привязанности, будто долг их был воспитать тех, которых они родили». В последнем случае выражается уже самое низкое чувство со стороны сына или дочери. Одна жизнь есть такое благо, за которое дети никогда не могут отплатить родителям равным благодеянием (Сир.7,30). Прежде чем дитя родится, сколько забот и осторожности должна иметь мать, чтоб сохранить его утробную жизнь! сколько мук должна вытерпеть мать при рождении младенца. А затем, не родителям ли своим человек обязан сохранением своей жизни в детстве, знанием первой молитвы к Богу и т. д.?».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: грубое обхождение с родителями, укоры им и злословие их): ««Всем сердцем твоим прославляй (почитай) отца твоего» (Сир.7,29). А некоторые не хотят даже назвать отца—мать как следует или избегают того, чтоб часто называть их отцовским именем, в котором между тем ни на волос нет ничего излишне-присвоенного ими (так вместо слов: «батюшка... матушка...» в разговоре с родителями они обращаются безименно: «вы, ты...» или только говорит: «послушайте»). Как грубо это! Затем, грех не отдавать родителям того особого почтения, какое выражают к ним и посторонние лица по особенному их званию и которое вдвойне требовалось бы от детей: именно—не принимают у отца, имеющего сан священнический, рукоблагословения при свидании и

прощании с ним....Грех только лишь с угрюмым взглядом обращаться к ним, только лишь не выражать к их положению особенного участия, вообще—не показывать пред ними ласк: сыновья ласка заметим, особенно желательны родителям под старость лет их; тогда это великая отрада для родителей».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «В наш век "не модно" уважать родителей. Молодежь даже стыдится в кругу своих сверстников назвать отца с матерью родителями, а употребляет оскорбительное, даже мерзкое, для слуха слово "предки". Если кто из вас, молодых, ныне кающихся, не желая отстать от товарищей, называл так непочтительно родителей, просите у Господа прощения. Господи, прости нас, грешных!».

Сюда же относится и непочтительные отношения к тестям и свекрам, отчиму и мачехе.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Непочтительные отношения к тестям и свекрам, отчиму и мачехе): «Жена Рагуила говорила родной своей дочери, выдавая ее в супружество: «чти свекровь твоих, тии ныне родители твои суть» (Тов.10,12). И так, если здесь законное отечество, то и должны быть истинно-сыновние отношения, а не такие, что и отцовским именем иные зятья не хотят назвать своих тестев, невестки же—свекровей, пасынки и падчерицы— отчимов и мачех. Но имя «отца—матери» самое дорогое для слуха и сердца человеческого. Таким образом, из за одного этого имени, в котором отказывают имеющим на него законное право, возникает в целом семействе раздор. Почтительные отношения к тестям, свекровям, отчимам и мачехе, кроме наименования, должны быть и на самом деле. В Ветхом Завете написана целая книга в похвалу Руфь, которая выразила, между прочим, прекрасную почтительность и преданность своей свекрови: будучи сама вдовою, Руфь приняла из любви к своей свекрови и веру в истинного Бога Израилева».

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Кто не чтит их (родителей), не покоряется им, отделился от них сердцем, тот извратил свою природу, отпал и от Бога. Потому всячески храни в сердце честными лики родителей твоих, ни хульною мыслию, ни словом не наводи на их лицо тени и не смущай сердца своего. Пусть есть поводы к тому — не внимай им. Лучше все потерпеть, нежели отделиться сердцем от родителей, ибо им Бог дал силу Свою».

Оставление беспомощных родителей в несчастье, в болезни и при старости лет, а также возложение на них большинство домашних обязанностей

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, 5-ая заповедь блаженства): «Не почитаем ли мы за великую тяжесть кормить их, одевать и вообще покоить их старость? Обеспечены ли они у нас всем необходимым? Не вытолкнул ли кто когда мать или отца из дома? Ведь и такое бывает среди нас, христиан, хотя и страшно в этом признаться! Может, и не грубо это было, а хитро и ловко, сплавляли мы мать или отца к другим детям или в инвалидный дом? Может, отказываясь взять из больницы тяжело больных родителей, тяготясь уходом за теми, кто годами растил нас, ночами не спал у нашей колыбели, жертвовал всем, чтобы вырастить нас?»

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Оставление беспомощными родителей в несчастье их, в болезни и при старости лет): ««Коль хулен оставляя отца» (Сир.3,16). Грех покинуть отца в несчастье каком либо, например, когда бы он, препровождаемый за свои преступления в ссылку, желал проститься с сыном или дочерью, а дети по стыдливости или в чувстве презрения не хотели бы прийти к нему: «не славися в бесчестии отца твоего», сказано (Сир.1,10). Грех также покинуть родителей в болезненном их состоянии, — не лечить их, когда есть возможность полечить, не ухаживать за ними во время болезни: не покидали же они сами детей, когда дети были слабыми младенцами, — ласкали и утешали они детей, когда дети скучали; да и болезни их, может быть, пришли от детей же, т. е. после трудного деторождения или трудных забот и работ, чтоб пропитать и воспитать свою семью. Отказывать же родителям при старости лет их в пище, одежде и помещении у себя (пускать по

миру) или же (всего чаще) пропитывая их роптать, что они долго живут и отягощают своим содержанием, повелительно или с высока обходиться с ними, как своими нахлебниками, да и пропитывать-то их и помещать где либо с прислугой и в самом последнем уголке, дома,—все это какое низкое своекорыстие и неестественное жестокосердие! Нет; нужно бы помнить что беспомощные и престарелые родители естественно возвращаются к младенчеству, и дети должны быть для них тем же, чем они были для детей в младенчестве последних. Нужно бы дорожить в своем доме сокровищем, которое на сей раз составляют для детей престарелые или убогие родители; рады были бы сын и дочь потом, т. е. как умрут их родители, успокоить их, но уже некого будет покоить. Нужно бы христианину не забывать того примера, как Господь Иисус Христос, когда уже висел на кресте и сам весь был в болезнях, выразил заботу об осиротевшей своей Матери (Ин.19,25-27). Кратко: постыднейшее это дело покидать беспомощных родителей: «чадо, заступи в старости отца своего..» (Сир.3,12)».

Так же мы должны заботиться и о наших бабушках, дедушках и крестных.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Пренебрежение своим дедом и бабушкой): ««Кая вдовица, внучата имать, да учатся (ее внучата)... взаим воздаяти родителем» (1Тим.5,4). Деду, прадеду и бабушке, в связи с их сединой и старостью, следует воздавать особенное уважение и быть готовым, пропитывая родителей и их в случае крайней беспомощности пропитывать и покоить».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Непочтение к крестным): ««Якоже крестися та (Лидия)..., моляще (апостола Павла)...: вшедше в дом мой, пребудите» (живите в нем) (Деян.16,15). Так, когда крестные отцы крайне нуждаются в приюте, то следует и приютить их у себя. Во всяком случае требуется воздавать им, вместе с крестившим священником, сыновнее или подобное сыновнему почтение, и слушать их советов».

Далее. Иногда наша так называемая забота о родителях может иметь корыстные цели.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, 5-ая заповедь блаженства): «Может переманивали к себе в семью, в дом не из искренней любви и желания послужить родителям, а для получения большей жилплощади или отдельной квартиры, или чтобы мама стала бесплатной нянькой и домработницей в вашей семье. А подрастали внуки, мама старела, слабела и становилась в тягость, начинала раздражать!»

Бывает и так, что дети и не соединялись по корысти с родителями, но во многих семьях можно встретить такую ситуацию, что практически все хлопоты по дому и за детьми исполняют наши родители, особенно матеря.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Кто сам взрослый и уже имеет свою семью, стремится ли он покоить старость своих родителей, или считает, как это сейчас распространено, что родители нас должны покоить до самой своей смерти?! Мы требуем, не просим, а требуем, чтобы они вели домашнее хозяйство, воспитывали наших детей, ухаживали за нами. И оправдываем свои притязания: "Мы же работаем, а они дома сидят!" А если по каким-то причинам родители отказываются быть нашими рабами или делают, но не угождают нам, мы выливаем на них свое возмущение и гнев. А если старушка-мать или старик-отец заболеют, мы совсем впадаем в отчаяние и с тоской терпим это не из жалости к родителям, а из жалости к себе. Мы настолько обезумели, что даже не отдаем себе отчета, на каком основании мы все это требуем от родителей. Если они сейчас дома, то ведь это заслуженный отдых, за их плечами прожитая жизнь: и ваше воспитание, и болезни, и труды, и тяжелые утраты. Если же они сейчас по любви своей родительской как-то помогают вам, то за это надо целовать им ноги. А мы дерзаем еще оскорблять их дерзкими словами и мелочными придирками. Нас раздражают их старческие немощи, а если родители в чем-то упрекнули нас, мы такое наговорим в ответ, что мать даже заплачет от горя и обиды. Господи, прости нас, грешных!».

Неблагодарность родителям, учителям и благодетелям

Многие из нас читали в Евангелии о признаках последних времен, и в частности, какими будут люди. Приведем толкование на это место Писания, т.к. «неблагодарность» есть одной из черт характера развращенных грехом людей.

Феофан Затворник (Толкование на 2 посл. Тимоф.3,2): ««Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителем противящийся, неблагодарни, неправедны, нелюбовни». ...«Родителем противящийся», — непослушливы. «Высокосердие и надменность научают восставать и против природы (против давших жизнь)» (Экумений). «Хульники и родителям непослушны: что последовательно; ибо, кто Бога хулит, тот как станет почитать родителей?» (блаженный Феофилакт). «Неблагодарни». Уже в богохулении и непочтении к родителям видна неблагодарность. Ибо «к благодетелю Богу не знающий благодарности как поймее благодарность к людям?» (Экумений). Также к родителям неблагодарный как будет благодарен к другим людям? (см.: блаженный Феофилакт). Неблагодарность — дочь гордости, полагающей, что делаемое для нее так и должно быть. Но не меньше она бывает плодом и сребролюбия, как изъясняет святой Златоуст: «и может ли быть благодарным сребролюбец? К кому может он возыметь благодарность? Ни к кому. Он считает всех своими врагами, желая у всех отнять все. Хотя бы ты отдал ему все свое имущество, он не изъяснит тебе никакой благодарности, но будет досадовать, что ты не имел большего богатства и не сделал его обладателем большего. Хотя бы ты сделал его владыкою вселенной, он не изъяснит тебе благодарности, но будет думать, что он ничего не получил. Его желание ненасыσιμο: потому что оно походит на желание, болезни присущее; а такие желания ненасытимы. Как страждущий горячкою никогда не может насытиться, но постоянно чувствует жажду и никогда не насыщает неутолимого желания пить; так и одержимый страстию к богатству никогда не может насытить своего желания. А не насыщаясь никогда, он не будет и благодарен тебе, сколько бы ты ни давал ему. Он был бы благодарен тому, кто дал бы ему столько, сколько он желает.— Но этого никто не может сделать, потому что желание его безмерно. Посему он и не может быть никому благодарен. Нет человека столь неблагодарного, как сребролюбец, и столько бесчувственного, как корыстолюбец» ...Нелюбовни, —чужды даже и родственной любви к своим, «даже и своим недруги» (Экумений)».

В чем еще проявляется неблагодарность?

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Неблагодарность и прямая плата за добро злом своим воспитателям, учителям и благодетелям): «Будут человецы... неблагодарны» (2Тим.3,2); «воздаша ми лукавая возблагая» (Пс.34,12). После родителей ближайшее место в смысле лиц благодееющих занимают для человека воспитатели и наставники его если они есть или были. От родителей каждый, по воле Божией, является на свет: а воспитатели и учителя образуют человека, чтоб он мог жить на свете для пользы общества и собственной. Поэтому воспитанники к своим воспитателям и опекунам, ученики к своим учителям, должны выражать подобные же чувства любви и признательности, какими обязаны к родителям. Затем следуют благодетели нам. Пусть участие в чьей либо жизни благодетеля бывает кратковременное, чем продолжительный труд воспитателей или образователей молодого юношества: но за то в участии благодетеля выражается большая доброта сердца или дороже оно по крайнему положению человека, а также может быть и радостнее по своей неожиданности. Всего важнее: благодеение благодетеля дает нам почувствовать милующую нас десницу самого Бога; потому что особенные благодетели в жизни, как например, спасшие чью либо жизнь среди явной опасности, предохранившие кого от неверия или разврата, подавшие иному утешение в горькой печали, не оставившие бедняка своими пособиями в крайних нуждах его,—такие благодетели бывают не иначе, как орудиями Божьего промысла о человеке (Иак.1,17). Тогда человек невольно говорить: «Бог послал мне благодетеля...»; тогда благодарность к благодетелю необходимо связывается с благодарностью к Самому Богу. И так оставаться вообще неблагодарным - низкое чувство и несомненный грех пред Богом. — Грешно например, не сознавать самых благодеений,— говорить, будто «воспитатели или учителя обязаны были по должности своей, первые—воспитывать, а вторые—учить, благодетель же сделал благодеение из личных видов или только подстрекаемый именем благодетеля, человека милостивого». (Нуж-

но смотреть на услугу и одолжения, а не на побуждения к этому, которые осуждать, хоть бы они были и нечисты,— все же не воспитаннику или благодетельствованному, а разве кому-нибудь другому). Грешно не довольствоваться благодеяниями,— говорить, будто они малы, между тем как к ним не был обязан благодетель. Грешно не изъяслять знаков благодарности; например, при встрече с учителем как бы и не узнавать его, не поклониться ему и даже не дать ему дороги или же, и питая в душе чувство благодарности, не хотеть—выразить ее: чего здесь стыдиться или чем стесняться? разве присутствия других? но если это будет первая встреча с человеком, который оказал великое благодеяние, ужели так молча и поздороваться с ним, ужели забыть как бы о его благодеянии? нет; не благодарить при свидетелях не лучше того, что и совсем не благодарить; стыдно ли, тягостно ли благодарить благодетеля и лично пред ним одним? скорее ли искренние и щедрые выражения благодарности явятся заочно и в письме, чем в глаза подвинется язык сказать: «благодарю, искренно благодарю»? но напрасно! сознание благодеяния и выражение благодарности пред благодетелем никогда не унижит человека. Грешно не отклонить случая, которым можно огорчить своего благодетеля, а также не быть готовым защитить его. Грешно употреблять благодеяния не на добро, которого желали лица благодеющие, а на одно зло. Грешно не стараться—воздать благодеяниями или возможными услугами от себя своим благодетелям или же их детям и близкими к ним (Быт.45,16-20), а когда на это нет сил, то лишь не молиться о них Господу Богу, да воздаст им своими милостями; с другой стороны, и нет ничего доброго в том, чтоб спешить— расплатиться за услуги и благодеяния, чтоб скорее сбросить с себя бремя признательности, и затем иметь повод обходиться с своим благодетелем, как только будет угодно: между тем великого благодетеля в жизни (равно как и дорогого наставника) нужно бы помнить и после смерти их.—Но еще непростительнее прямо платить злом своим воспитателям, наставникам и благодетелям например, пользоваться случаем предать их за что либо ответственности и взысканию, нанести им публичное оскорбление и т.под. Иуда предал своего учителя и благодетеля: не страшное ли тут подобие поступка? Неблагодарный вредит не одному своему благодетелю, но и другим, которые часто должны прибегать к посторонней помощи,—вредит последним тем, что иной благодетель по слабости своего духа, опасаясь той же неблагодарности и со стороны прочих, отказывается благодетельствовать».

Неблагодарными могут быть не только мирские люди, но и монахи.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Мы грешим, и особенно монашествующие, живущие в монастырях, против пятой заповеди Закона Божия, неблагодарностью к благодетелям. Любой монастырь живет сейчас на добровольные подаяния благодетелей-богомольцев, то есть эти "надоедающие" нам богомольцы – наши кормильцы и поильцы. Как мы должны относиться к ним, как молиться за них! Тем более что мы-то живем в благодатном месте, хоть и свои у нас искушения, но разве сравнимо наше и их положение? Что их тянет посетить монастырь? Да желание отдохнуть от суеты, от грубости, от жестокости мира, желание сосредоточиться на молитве, услышать уставное богослужение. Если по нашей вине кто-либо из наших кормильцев, наших благодетелей не получит желанного утешения, то горе нам, посядающим дома вдовиц и сирот. Господи, прости нас, неблагодарных!»

Немоление о родителях

Признаком малой любви является то, что дети не молятся за своих родителей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: немоление со своей стороны о родителях): «Когда дети (пусть и несовершеннолетние, но уже понимающие), не молятся о здравии и долголетней жизни родителей: это значит, что они не дорожат собственным своим благополучием; потому что в здоровье родителей они должны видеть обеспечение своей участи. А молитвы о родителях детей вполне возрастных или самостоятельно живущих, как во всякое время, так особенно в день именин отца или матери за литургией, за молебном, должны быть выполняемы еще более с искренним побуждением; потому что эти дети вполне же могут

сознавать, что родители—первые в мире для них благодетели, а жизнь и здоровье—первое счастье для каждого человека;—еще потому что чем далее здравствуют родители, тем приятнее детям слышать от них живые предания как о своем детстве, которое в свою очередь приятно вспоминается за свою невинность, так и о жизни их самих и, наконец, о дедах или дальнейших предках, Возрастные дети должны молиться не о здоровье только или долголетию своих родителей, но и о том, чтоб родителям их достигнуть вечного спасения».

Холодное, раздражительное и неопечительное к болеющим или умирающим близким

Многим из нас известно раздраженное или холодное отношение к болеющим близким. Этими близкими могут быть: родители, дети, братья, мужья и т.п., и мы скажем об этом независимо от степени родства.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: огорчение больному или недосмотр за ним в беспамятстве его, а также и в сумасшествии иных): ««Яко та сира нападаете, наскочите же на друга вашего» (пронзает друга), с горестью духа говорила больной Иов своим друзьям, которые вместо утешения огорчали его (Иов.6,27). Если кто раньше не предрасположит себя к терпеливости, опасаясь как человек болезни, тому уже слишком трудно не огорчаться, когда заболит: и вот такой больной огорчается от самых маловажных случаев, привязывается к каждой мелочи! Между тем вследствие огорчения, какие делают ему, усиливаются его болезнь и страдания от болезни, а иногда и ускоряется смерть. Как же необдуманно или прямо злостно поступают то сами родственники больного, то посторонние для него, например, прислуга, больничные сторожа, все, однако, обязанные заботиться о нем, первые—по долгу природы, вторые по данному обещанию, а третьи по должности,—как они не осторожны или злонамеренны, когда огорчают больного! Например, укалывают его несправедливыми или только неуместными упреками, не только дают ему заметить, но я вслух высказывают, что он в тягость им, даже оставляют его на несколько часов или минут самому себе, как бы готовы тягаться и самим больным, наконец, выражают свою досаду на него тем, что не хотят тихо передвинуть его на постель или осторожно перевязать ему раны. Это такая безжалостливость, которой обличителями могут быть и животные, ласкающиеся около своих болеющих господ или благодетелей: «и пси приходяще, облизаху гной его» (Лазаря), сказано (Лк.16,21). Нет: долг человеколюбия требует устранять от больного даже всякий шум—стук, который может обеспокоить его; даже нужно в глазах его умерять жалостливые слезы о нем же, так как это будет сильнее волновать его. Поощаду от огорчений следует оказывать также и тем людям, которые хоть не лежат в постели, хоть выполняют свои обязанности по службе или по дому, но, очевидно, находятся в болезненном состоянии, например, чахотные или нервные люди; еще разрешившиеся от бремени заслуживают покоя со стороны окружающих».

Ниже будет приведено поучение, обращенное к врачам, но и мы также бываем в таком положении, когда надо ухаживать за болеющими родными.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Умышленное замедление в излечении больного или лечение небрежное): «...(у врачей бывает) холодность чувств к стонам и страданиям больного, происходящая от привычки видеть такие страдания; нестарание облегчить особенные боли пациента безвредными средствами; наконец грубое обхождение с больным, которое отталкивает от врача, не располагает иметь к нему доверие и даже усиливает болезнь. Больному и без того больно. А тут еще сам-то врач, знающий и по науке и по практике болезненную раздражительность его,—вместо ласкового слова и утешения, смущает его своим гневом, нехотением подробнее расспросить или выслушать.—Врач— христианин! Помни, что как священнику дорога душа его духовного сына и каждого прихожанина, так тебе должно быть дорого тело и здоровье каждого твоего пациента!».

Возможно, некоторые из нас находились или находятся в таком положении, в котором им приходится ухаживать за людьми, страдающими беспамятством или сумасшествием. Прочтем поучение на эту тему.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: огорчение больному или недосмотр за ним в беспамятстве его, а также и в сумасшествии иных): «Что же до больных в беспамятстве, а также помешанных или совсем безумных, эти требуют и ежеминутного надзора за ними. Сколько было примеров, что больные такого рода от недосмотра за ними простуживались, падали и получали сильные ушибы, а умалишенные и посягали на собственную жизнь (Мф.17,15)! Заметим подробнее о несчастных последнего рода. Число умалишенных заметно увеличивается,—без сомнения, от быстрой современной жизни людей, а отсюда и от чрезвычайных резких перемен в их положении. Первичные случаи сумасшествия скорее поддаются излечению. И вот здесь неправильно поступают те родственники или близкие лица помешавшегося, которые по своему предрассудку или ради ложного стыда медлят поместить его в лечебное заведение: при домашних средствах сумасшествие почти неизлечимо (родов его бываете несколько). А с неизлечимыми остается только обращаться по человечески, между тем как их часто бьют, для смеха раздражают, как беззащитных. Не нужно оставлять без сердечной заботливости и только глубоких меланхоликов, особенно тех, которые впали в меланхолию от пресыщения всеми грешными удовольствиями своей жизни. Эти люди дают заметить внимательному человеку, а иногда прямо проговариваются, что их борет мысль о самоубийстве. И так нужно быть чаще с ними, чего и сами они желают (между прочим, не следует давать им в руки книги, или статьи, где говорится о самоубийстве). Относительно всех этих несчастных, человеколюбивый пример оставил нам Спаситель. Он благосклонно принимал тех, которые заботились о больных бесноватых (Мф.15,28), и этим показал нам, что и мы должны быть человеколюбивы к больным в беспамятстве и к сумасшедшим. — Милосердный христианин! Особенно о больных-то в беспамятстве или с сумасшествием, если будешь с ними, припомни и исполни слова св. Писания: «тебе оставлен есть нищий» (Пс.9,35)».

Непредоставление престарелым родителям возможности более готовиться к будущей жизни или только не предложение им этого

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Непредоставление престарелым родителям возможности более готовиться к будущей жизни или только не предложение им этого): «Иосиф оказывал всевозможные услуги своему престарелому отцу, когда отец его хотел выполнить долг богопочтения; например, он подводил к Иакову для молитвенного благословения своих сыновей и отводил их от колен деда (Быт.48,9-20). Так, священный долг каждого сына, каждой дочери, служить лично и предоставлять со стороны других все удобства престарелым своим родителям к тому, чтоб родители больше готовились к часу смертному и к вечной жизни; потому что дни их уже изочтены. Например, хорошо на сей раз делать чрез руки престарелых родителей милостыню; хорошо устроить дело так, чтоб родители спокойнее могли помолиться у себя в доме, например, имели бы уголок для молитвы и приготовленную лампадку пред иконами, чтоб чаще бывали в церкви и чаще говели: в последнем случае нечего жалеть труда или расхода, чтоб приводить или привозить их в церковь или же в доме иной раз, пригласив священника, исправлять для них всенощную, молебен; не следует отказывать им в особом постном столе, когда они совсем не желают есть мясную пищу; если они и учены, но слепы или плохо видят глазами,—хорошо им предоставить—слушать чтение духовной книги чрез внука или постороннее лицо.—Затем, никак не следует упрекать богобоязненных и престарелых родителей в том, что они, ради церкви и богомолья, не работают или мало помогают домашним в работе. Напротив, когда бы они по пристрастию к житейскому труду и работе или вообще по своей холодности не заботились о богомолье и других занятиях, приготавливающих к смерти,—в таком случае надобно еще напоминать им об этом самом. Когда бы они хотели на старости лет принять особую какую должность или заняться ремесленным

каким делом без всякой нужды, с единственной целью иметь свои деньги или еще более увеличить имеющееся у них состояние: всячески надобно отвлечь их от порывов такой деятельности. Тем более, когда они ведут себя слабо, закосневают в пороках, не приносят покаяния, как будто еще сто лет жить им на свете,—дети и сами и чрез посредство других должны употреблять все меры к исправлению их. Может ли верующий к богобоязненный сын равнодушно относиться к тому, как, престарелый отец его или престарелая мать, находясь в нескольких шагах от смерти, упиваются вином, тяжко обижают других своим злостным характером или остаются в расколе, словом—находятся в нескольких же шагах от мучений адских? Уместны ли тут такие отзывы: «сами знают...; не нам указывать; пусть живут, как хотят...»? О, это непростительное недоброжелательство в детях в отношении к родителям! Так только подстрекал к злему Каиафа своего престарелого отца (по жене), Анну. (Ин.18,13: именно предполагается, что Каифа из угождения Анны оставленному первосвященнику, велел привести Иисуса Христа в дом последнего)».

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Непредупреждение врачом больного о христианском напутствовании и даже отговор-препятствие на этот раз): «И тии (врачи) Господеви молятся, да управит (больным) покой и исцеление» (Сир.38,15), вот что сказано в слове Божиим о добром враче. Врачу должно быть более известно, чем кому либо другому, что душевное, религиозное успокоение больного, которое больной получить в таинствах покаяния и св. причащения, поможет и телесному выздоровлению его (Иак.5,15) или только облегчению от болезни, и что с Божиею то помощью скорее можно успеть—вылечить трудно-болящего. И так врач поступает против пользы больного и против успеха в собственной практике, если не хочет посоветовать больному, чтоб больной прибегнул к Богу. (А иные богобоязненные врачи после своих наблюдений приходили относительно младенческих болезней к такому правилу: когда младенец заболел, они велили сносить его к св. причастию; потом же в большинстве случаев и не находили нужным давать младенцам лекарств. Тут нет совсем практики врача и не за что по-видимому благодарить его. Но кто из умных родителей не будет благодарить такого врача?) Затем, врачу более известна опасность больного. Итак, он должен дать совет о напутствовании больного не в один из последних своих визитов, а своевременно. Между тем, иные из медиков—особенно современных—не хотят предупредить ни прямо больного, ни посредством родственников его, чтоб он напутствовался христианскими таинствами, и таким образом, допускают ему умереть решительно не приготовленным христиански:—сколько они возбуждают чрез это ропота против себя со стороны родственников умершего! Какую тем более обиду делают умершему!— Но еще хуже, когда иной врач, пользуясь влиянием на семейных в том доме, где лечит, прямо отговаривает—препятствует напутствовать больного. На сей раз спор особенно относится к таинству елеосвящения, или соборования. Видя в этом таинстве по примеру других суеверов напоминание больному о близкой смерти и оберегая больного от такого напоминания, чтоб не повредить действию на него лекарств,—врач никак, не соглашается на соборование своего пациента или же доводит дело до того, что больной уже остается бессознательным во время соборования. Но как человек образованный, врач не должен бы поддерживать религиозных предрассудков в больном или в родственниках его. Когда больной, действительно, крайне опасен или безнадежен,—обязанность врача продлить его дни и часы жизни с тою именно целью, чтоб больной с сознанием принял предсмертное напутствование.—Врач—христианин! тем более не принимай на себя греха отклонить больного от приготовления к вечной жизни христианскими таинствами».

Неотдание последнего долга родителям погребением их, а также— поминовением, особенно в положенные дни

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Неотдание последнего долга родителям погребением их, а также— поминовением, особенно в положенные дни): ««Чадю, аще умру, погребѣ мя... Егда умрет (и мать твоя), погребѣ ю при мнѣ» (Тов.4,3-4). И

Товия, которому это было сказано, «погребе» как родных своих родителей, так и «тестев» своих «славно» (Тов.14,13). Земле предаются то тело и те кости, от которых жизнь передана детям и продолжается в детях: как же не позаботиться детям о приличном погребении этого тела и костей? Да, грешат те сыновья и дочери, которые то заранее слагают с себя хлопоты по погребению отца—матери, а также и тестя или тещи, отчима или мачехи, отсылая их от себя для самых последних дней их к другим ближайшим родным, то погребают их скупо и с ропотом на этот расход, то не хотят даже отметить их могилы,—покрыть могилу их, если не памятником, то камнем.—Не выполнять же по родителям поминовения, особенно в положенные дни (как 9 и 40 после смерти их, а затем—ежегодно в день кончины их и в родительские субботы),—не поминать их по лени, по забывчивости или от скупости: это опущение в сравнении с похоронами хоть менее заметное и не особенно бросается в глаза посторонних лиц, но в сущности дела более важное и гораздо чаще допускается. По зову Церкви в известные дни и чужие молятся «за всякого благочестивого» между умершими, за самого безродного, но православного по вере, желая каждому такому человеку облегчения участи его за гробом и вечного покоя: не жестоко ли со стороны детей отказывать родителям в той же последней помощи, без сомнения, ожидаемой ими, как утопающий в реке ожидает веревки или посторонней руки? С этою помощью к своим родителям дети должны бы поспешить тем более, что может быть за их же грехи (например, по воспитанию) родители их низведены по смерти во ад. При этом долг сыновий требует, в случае нужды, и позаботиться о разрешении, у кого следует, вопросов: «поминать ли и когда лучше помянуть тех родителей, которые умерли сомнительною смертью, т.е. от себя, или только без христианского напутствования и в состоянии смертного греха?».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Непочтение к крестным): «Когда же они (крестные) умрут, следует вписать их имена в свой помянник и молиться за упокой их. Пусть и не было никакой заботы их о своем крестнике или крестнице, пусть не сделано и не делается ими ничего для судьбы крестников. Но одно то, что они были посредствующими лицами в даровании от Бога такого величайшего блага, как святое крещение, что принесли в церковь крест, который потом возложен на крещаемого, что давали ответ пред Церковью за младенца, каковым бывает каждый крещаемый, если не по возрасту лет (крещаются иногда и возрастные), то по духу, словом—были отцами в такие важные минуты: это одно для того человека, который дорожит своей православной верой, должно быть достаточным основанием уважать своего крестного или крестную».

Феофан Затворник (Мысли на каждый день года. Неделя Св.Отцов): «Никто не поленился помянуть своих родителей; но поминать надо и всех православных христиан, и не в этот только день, а во всякое время, на всякой молитве. Сами там будем, и понуждаемся в молитве этой, как бедный в куске хлеба и чаше воды. Помни, что молитва об усопших и сильна общностью — тем, что идет от лица всей Церкви. Церковь дышит молитвою. Но как в естественном порядке, при беременности мать дышит, а сила дыхания переходит и на дитя, так и в благодатном порядке Церковь дышит общею всех молитвою, а сила молитвы переходит и на усопших, содержащихся в лоне Церкви, которая слагается из живых и умерших, воюющих и торжествующих. Не поленись же на всякой молитве усердно поминать всех отшедших отец и братьев наших. Это будет от тебя им милостыня...».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Если наши родители скончались, то молимся ли за них усердно, раздаем ли милостыню за них, поминаем ли их в родительские поминальные дни, в дни их Ангела, дни смерти? Подаем ли поминание в церковь, посещаем ли могилки их, поддерживаем ли чистоту на них? Стоят ли кресты на могилах наших родителей? Кайтесь Господу, кто забывает это делать или ссылается на свою непрестанную занятость. Нет, это не занятость, а суетность и нежелание беспокоить себя заботами об умерших родителях. Господи, прости нас, грешных!».

Непочтение к старым людям

В этом же разделе скажем об еще одном общем грехе – непочтение у старым людям.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Непочтение к старым людям): ««Пред лицом седаго востани и почти лице старче» (Лев.19,32). Нужно почитать старость и только за седины ее, если она не имеет никаких других преимуществ: во всех старых людях дитя и юноша могут представлять себе образ своих родителей и предков. Тем более достопочтенна та старость, которая украшается мудростью, многою опытностью и искреннею набожностью (Сиро.25,6-9). Но пусть между престарелыми бывают и такие, которые не имеют этих достоинств и даже легкомысленнее многих умных юношей. Если долг службы или без службы одно чувство христианской любви к ближнему требуют того, чтоб вразумить таковых стариков, удержать их от пороков: то и тут «старца не укоряй, но умоляй яко же отца.., старицы, яко же матери» (1Тим.5,12). Престарелому несравненно труднее отстать от своего порока. Поэтому великая находка для нас хоть умоляющим, ласковым словом успеть исправить или остановить его. Таким образом, грешат те люди, которые не хотят почитать старость, например, не уступают престарелому при встрече с ним дороги или в доме место, где сесть; не хотят помолчать, когда он говорит; не оказывают ему услуги, когда он беспомощен, забывая, что и сами в старости будут нуждаться в подобных услугах. Грешат намеренные оскорбители достопочтенной старости дерзким словом или осмеянием, и особенно так публично или при многих, например, на площади, на железной дороге: это сходно с тем, как и оскорблять слабых женщин и несчастных людей; да помнят такие оскорбители, что если оскорбляемые ими и не всегда, по слабости своего характера и немощи сил, могут защитить себя от их оскорблений, то имеют в Боге сильного защитника и отмстителя. Грешат те молодые и современные люди, которые пренебрегают суждениями, советами и заявлениями старых людей потому только, что так рассуждают старики, будто бы «отжившие свой век». Между тем справедливость требует сказать, что многие из самых лучших предприятий нового времени не возникли бы, если б не было для них предварительного кропотливого труда людей, которые жили раньше. Но, во всяком случае, молодой человек, изучающий науки и наблюдающий за жизнью, не будет опытнее такого старца, который прежде его начал изучать науки и жизнь, да и не перестает по возможности следить за всем этим до последнего времени. Словом, не уважать и прямо оскорблять старых людей (наравне, как мы сказали, с женщинами и несчастными) есть признак самого злого человека».

Приведем подробные поучения современных подвижников об отношении к страшим.

Паисий Святогорец (Духовное пробуждение, гл. Почтение к старшим): «Геронда, иногда я грублю старшим. Я понимаю, что веду себя плохо и исповедую этот грех». – «Раз ты это понимаешь и исповедуешься, то потихоньку ты возгнушаешься собой, в положительном смысле этого слова, и смиришься. Тогда придет Благодать Божия, и ты избавишься от этой дурной привычки». – «А я, Геронда, иногда шучу с сестрами и по любви поддразниваю их. Однако я боюсь дойти до вольного обращения». – «Это не дело, ведь ты же младшая! В семье обычно взрослые подшучивают над детьми и играют с ними, а не наоборот. Так радуются и взрослые и дети. Но дразнить деда или бабушку малышу не приличествует. Каково будет, если карапуз ни с того ни с сего подскочит к отцу, схватит его за шиворот и начнет щекотать! Но когда взрослый ущипнет малыша, это совсем другое дело. Тогда ребенок ведет себя, в добром смысле этого слова, раскрепощенно, взрослый становится ребенком, и радуются и тот, и другой» - «Геронда, бывает так: помысл говорит мне о том, что нечто совершается неправильно, я высказываю свое мнение старшим, а они этого не принимают. Следует ли мне с ними согласиться?» - «Нет, со злом не соглашайся. Говори доброе, правильное, но правильно и по-доброму: "Может быть, лучше сделаем так? Я говорю тебе это просто, как помысл." Или же говори: "У меня есть такой-то помысл." Таким образом, ты становишься магнитом и притягиваешь к себе Благодать Божию. Некоторые говорят вольно по привычке, а не оттого что стремятся выразить свое мнение. Как бы то ни было, младшему в любом случае необходимо иметь уважение к старшему. Но и сам старший, если можно так сказать, нуждается, чтобы его уважали. И даже если у него есть

недостатки, доброе у него все равно есть, какой-то опыт и тому подобное. Ты, когда тебя спрашивают, смиренно и с уважением высказывай свой помысл, но при этом не надо иметь в себе внутренней уверенности в том, что дело обстоит именно так, как ты себе представляешь. Ведь кто-то другой может знать то, чего ты не знаешь, или то, о чем ты не подумала. Если человек услышит, как обсуждается какая-то тема, и в связи с этим ему в голову придет какая-то мысль, по его мнению более правильная, то ему следует сказать: "Мне пришло на мысль", если он разговаривает со своим сверстником. Если же он разговаривает с человеком старшего возраста, то ему следует сказать: "Мне пришел хульный помысл." Потому что вмешиваться в чужие дела - это бесстыдство, даже если высказываемое мнение правильно» - «А говоря "уважение к старшему", Вы имеете в виду старшего по годам или по духовному возрасту?» - «Главным образом по годам. Ведь посмотри: человек, который находится в духовно преуспевшем состоянии, относится к тому, кто старше его, с уважением, почтением». — «Геронда, а естественно ли человека, младшего по возрасту, но духовно преуспевшего, уважать более того, кто старше годами, но духовно преуспел меньше?» - «Нет, это неправильная постановка вопроса. В каком бы состоянии ни находился тот, кто старше годами, ты должен отнестись к нему с почтением ради его возраста. Отнесись к людям с почтением: к тому, кто старше - за его годы, к тому, кто младше - за его благоговение. Если есть уважение, то младший с почтением относится к старшему, а старший - к младшему. В уважении присутствует любовь. "Ему же дань - дань, ему же честь - честь" (Ср. Рим. 13:7), - говорит Апостол Павел». — «А если младшие делают замечание старшим, это плохо?» - «Это типикон нового поколения. Но в Священном Писании написано: "Обличи брата твоего" (Ср. Мф.18:15). "Обличи отца твоего" там не написано. Нынешняя молодежь спорит, бунтует, сама не понимая этого. Свое поведение они считают естественным. Они разговаривают с бесстыдством, а потом говорят: "Я сказал это просто так." Молодежь попала под воздействие духа мира сего развинченного, хулиганского духа, который ничего не чтит и не уважает. Младшие ведут себя по отношению к старшим без уважения и не понимают, насколько это плохо. Что можно ждать хорошего, если молодой человек якобы для того, чтобы быть яркой индивидуальностью, говорит, что уважение к старшим свой век отжило? Необходимо много внимания. Современный мирской дух внушает молодежи: "Не слушайте родителей, учителей." Поэтому нынешние дети с самого малого возраста становятся всё хуже и хуже. А больше всего портятся те дети, родители которых, не понимая того зла, которое они им делают, восхищаются своими чадами и считают их какими-нибудь там "вундеркиндами," когда те разговаривают с бесстыдством. Как-то раз ко мне в каливу пришел отец с сыном лет восьми-девяти и племянником того же возраста. Одного мальчугана я посадил справа, а другого слева от себя. А незадолго до них ко мне пришел один знакомый художник, очень хороший человек и мастер своего дела, он за одну минуту может нарисовать портрет с натуры. "Дионисий, - попросил я его, - нарисуй-ка детей, вот как мы сейчас с ними вместе сидим." - "Сейчас попробую, - ответил он, - но не знаю, удастся ли мне это, потому что они вертятся." Едва только он взял лист бумаги и начал рисовать, как один ребенок вскочил и "уважил" его: "Сейчас посмотрим, придурок, что ты там нарисуешь!" А вокруг полно народу! Но молодой человек несколько не смутился. "Таковы, отче, нынешние дети," - сказал он мне и продолжил рисование. У меня же кровь ударила в голову! А отец ребенка вел себя так, словно ничего не произошло! Твои дети так хамят тридцатилетнему человеку, который их же еще и рисует в придачу! Сколько же в этом бесстыдства и неуважения! Сколько всего еще кроме этого! Как же это страшно! И вот представь теперь, что кто-то из этих детей захочет стать монахом. Для того, чтобы такой ребенок стал настоящим монахом, необходимо много работы. Матери, не следя за своими детьми, их разрушают. Вся основа в матерях. В России если что-то и изменилось, то лишь потому, что матери тайно удержали веру, благоговение и помогли своим детям. К счастью для нас, в христианских семьях сохранилось немного закваски. Иначе бы мы погибли». — «Геронда, а смогут ли дети, которые растут таким образом, измениться или стать монахами, если впоследствии они этого захотят?» - «Если они осознают то, что вели себя нехорошо, то Христос поможет им. То есть, если в человека войдет добрая обеспокоенность, то вопрос можно считать закрытым. Но как исправятся такие дети,

если, став монахами, они по-прежнему считают себя правыми и говорят об игумене или игуменье: "Что у нас за диктатор? Где это видано, чтобы такое творилось в нашу эпоху?!" Некоторые монашествующие доходят и до того, что говорят мне подобные глупости. Мало-помалу уважение совершенно сходит на нет. Ко мне в каливу приходят молодые ребята, и большинство из них сидят нога на ногу, а старым людям некуда присесть. А другие, видя чуть подалеже свободные пеньки для сидения, ленятся пройти два шага, перенести их поближе и сесть. Я сам должен ворочать для них эти пеньки. И даже видя, как я их несу, они не подойдут и не возьмут их у меня. Хотят попить воды, но сами не хотят пройти нескольких метров, чтобы ее зачерпнуть. Я сам должен принести им и по второй кружке. Нет, правда, меня поражает: приходят группы по тридцать здоровенных парней, глядят на то, как я, ковыляя, несу большую коробку лукума, бидон с водой, кружки, чтобы их же и напоить, но ни один из них даже не шелохнется, чтобы мне помочь. А пропахший порохом генерал-майор, сидящий рядом с ними, встает и спешит мне на помощь! Молодежь думает, что в афонской каливе к ним тоже подойдет официант и обслужит их, подобно тому, как он подходит где-нибудь в ресторане или в гостинице. Раз пять-шесть я даже проделал такую штуку: шел за бидоном, с трудом ковылял, приносил им воду и выливал ее на землю у них перед носом! "Воды-то, парни, я вам принести могу, - говорил я им, - да только она вам не на пользу пойдет!". В городском транспорте видишь, как дети сидят, а пожилые люди стоят. Молодые сидят нога на ногу, а взрослые люди поднимаются, чтобы уступить место старикам. Молодые свои места не уступают. "Это место, - говорят, - мною оплачено." Сидят и ни на кого не обращают внимания. А какой дух был в прежние времена! По обеим сторонам узеньких улочек сидели женщины, и когда мимо проходил священник или пожилой человек, они вставали. И детей своих тоже приучали к этому. Сколь же часто я прихожу в негодование! Приходится видеть, как беседуют пожилые, степенные, заслуженные люди, а молодые наглецы беззастенчиво вмешиваются в разговор, прерывают его, несут всякую чушь и еще считают это достижением. Делаю знак, чтобы они прекратили, но те не обращают на это никакого внимания. Для того, чтобы остановить, приходится выставлять их на посмешище -- иначе будут продолжать свое. Ни в каком Отечнике или Патерике не написано, чтобы молодые люди подобным образом разговаривали со старшими. В Отечнике написано: "рече старец," а не "рече юнец." В старое время младшие молчали в присутствии старших и радовались, что молчали. Они даже не садились там, где сидели старшие. Юные той эпохи отличались застенчивостью, скромностью, благоговением, говоря со старшими, они заливались румянцем. А уж если бы кто-то из детей того времени нагрубил родителям, то он от стыда и на базаре не смел бы появиться! А на Святой Горе монах не участвовал в хоровом торжественном пении, если его борода еще не была седой. А сейчас видишь, как в хоры собираются и послушники, и кандидаты в послушники... Ладно, что делать, но пусть, по крайней мере, выучатся вести себя с уважением к старшим и с благоговением. Можно услышать и такое: воспитанник Афониады заявляет ректору, который облачен архиерейским саном: "Владыко ректор, мы с вами будем говорить как равный с равным." Да-да, доходят уже до этого! И худо то, что потом этот юнец не понимает, что здесь плохого, упорствует: "Ну и что я такого сказал? Не понимаю." Вместо того, чтобы попросить владыку ректора: "Прошу прощения, благословите мне высказать один помысл? Но, может быть, то, что я скажу, будет и глупостью," подросток как ни в чем не бывало заявляет: "У тебя свое мнение, а у меня свое." Тебе понятно? К несчастью, этот дух проник и в духовную жизнь, и в монашество. Слышишь, как послушники жалуются: "Я говорил об этом Старцу, но он меня не понимает. Хотя я напоминал ему об этом неоднократно!" - "Слушай-ка, - говорю я, - да как же у тебя языком поворачивается говорить это "неоднократно"? Ведь тем самым ты словно говоришь: "Старец так и не исправился." - "Ну а что, отвечает, - разве я не могу выразить своего мнения?" Когда слышишь такое, просто взрываешься. А под конец он еще тебя спрашивает: "Что, расстроился? Ну, прости меня." То есть я должен его простить не за то, что он сказал, а за то, что у меня кровь ударила в голову!».

(В данном поучении можно также увидеть гневную реакцию подвижника, и о том, что есть гнев у святых, и у нас, грешных, мы скажем в одной из следующих глав).

Выше было также сказано о том, как молодежь относится к старшим людям, но и мы очень часто бываем ими недовольны, и это выражается, например, следующим:

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Мы грешим против пятой заповеди неуважением к старшим по возрасту. Пользуясь силой и молодостью, мы позволяем себе так относиться к людям старше себя, как будто это уже не люди, а слово "пенсионер" для нас стало каким-то ругательным словом. Особенно в больших городах люди, проработавшие всю свою жизнь, перенесшие весь ужас войны, разрухи, голода, вынесшие на своих плечах неисчислимые страдания, беды, трудности, получившие от государства заслуженное право на отдых, стали вдруг "мешать" более молодым. "Ох, уж эти пенсионеры! Сидели бы дома, нечего шататься по магазинам, поликлиникам, да загружать городской транспорт", то есть нечего вам больше жить, вы нам мешаете... Неужели кто-то их нас, христиан, еще работающих, осмеливался не только говорить вслух, в лицо пожилым людям уничижающие и обидные слова, но даже и думать так! Если вы виновны в этом поразительном по жестокости и отсутствию элементарного понятия грехе, задумайтесь: промелькнет как миг молодость, проскочит зрелость и наступит старость, и уже будут тебе тогда кричать: "Не мешай жить!" – и кайтесь в безумии и ожесточении своем. Господи, прости нас, грешных!».

На этом закончим говорить о грехах нелюбви к родителям и

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, 5-ая заповедь блаженства): «Если среди вас, кающихся Господу, кто-то имеет на совести такую страшную перед Богом вину, торопитесь все изменить, пока живы родители, а если уже поздно, то плачьте и кайтесь, просите прощения у них и у Господа, молитесь за усопших родителей, подавайте милостыню за них!»

Холодные чувства к детям

Холодность может быть по причине многопопечительности родителей о земном.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): Многие матери, даже христианки, предпочитают работать, но не воспитывать детей, забывая апостольские слова, что жена спасается чадорождением, то есть воспитанием детей».

Холодность может быть по причине того, что родитель чувствует господство над детьми.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Чрезмерное отдаление от себя детей или же, напротив, такое обращение с ними, которое не внушает им страха говорить и делать худое даже при родителях): «Чрезмерное отдаление: это значит, что тут чувство господствования над детьми преобладает пред чувством любви к ним. Но, вместе с тем, оскудевают тогда со стороны детей любовь и доверие к родителям. Напрасно какой либо отец думает при этом опереться на одну естественную привязанность к себе детей. Нет; надобно позаботиться, чтоб дети и свободно любили своего отца. А для этого отец должен, так сказать, снискивать к себе их любовь; не должен обходиться с ними каждый раз столь высоко и холодно, что они бегут от него, лишь только он появляется домой, что и не смеют подойти к нему с какою либо просьбою, с каким либо занимающим их вопросом, и скорее доверяют свои тайны посторонним лицами, чем слишком серьезному отцу. В притчи о блудном сыне читаем, что отец сам вышел на встречу к своему сыну и обласкал его, сын же стремился к отцу с полною надеждою, что отец примет его, как нежный, чадолюбивый отец (Лк.15,20). Нет, в доброй христианской семье можно видеть и отцовские поцелуи с детьми; здесь отец—мать—первые поверенные для детей. (Сюда же относится грех отдаление от себя детей — младенцев. Младенцы исключительно воспитываются няньками и другими посторонними приставниками. Их приносят или приводят к родителям только на короткое время, чтоб ими полюбоваться: но лишь они заплачут, заупрямятся, родители отсылают их от себя вдаль в детскую, где как знают, так и обращаются с ними няни, при слуга)».

Может быть и так, что пристрастная любовь может проявляться к одному из детей, а к другому чувствуется холодность и неприязнь.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех —Пристрастная любовь к одному из детей): «В правилах церковных на этот раз сказано: «аще кто своя чада... едино ненавидит, другое же любит... яко чадоненавистник, не причастится божественных таин, дондеже не исправится» (Требн. свящ.). Особенно в большей семье родители не сумеют соблюсти справедливость и беспристрастие в отношении к своим детям. Одного - двух между детьми они особенно любят, об этих больше и заботятся, исполняют все желания их и даже капризы, представляют все действия их в самом лучшем виде или прощают им самые значительные погрешности. К другим же относятся совсем напротив: не ласкают их, оставляют их без всякой заботливости, не обращают внимания на существенные нужды их в одежде или в другом чем, каждый шаг их толкуют в дурном смысле, взыскивают с них за самые мелочи, считают их просто наказанием для себя, лишними и несчастными в семье,— и все так без всякой или особенной к тому причины со стороны их. Но отец—мать должны объединять, скреплять любовь в своей семье, исправлять словом вразумления и примером собственной любви к детям замечаемую между детьми холодность друг к другу, а не возбуждать в них, напротив, зависть и ревнивость. Пристрастная любовь к одному или нескольким из детей (скорее исключение может быть на этот раз для самого младшего в семье, которого и все особенно любят за его младость), между прочим, вредит самим же родителям, возбуждая в остальных детях нерасположение и подозрительность в отношении к ним. Но особенно она вредна детям. Что для одной любимой половины семьи составляет радость, которую доставляют ей отец—мать, то печаль другой—нелюбимой. Но когда первых встречает какое либо огорчение или постигает болезнь, тогда вторые выражают злорадство. Таким образом, дети, которым подается повод так завидовать или ревновать другим членам в своей семье, теряют свое добродушие и откровенность. Отсюда вред и здоровью их: дитя постоянно занятое мыслью, что оно забыто, что ему предпочитают других детей, изнывает и чахнет И так вполне справедливо подлежать епитимии—не приступать к Святому Причащению родители пристрастные к одному из детей».

Есть холодность к детям, выраженная в ропоте на большую семью.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех —Ропот на многочисение или на большую семью): ««Спасется чадородия ради, аще пребудет в вере и любви» (1Тим.2,15),— вот что обещается людям, рождающим и богобоязненно воспитывающим детей! И так погрешают те родители, которые жалуются на то самое, что между прочим, верно ведет их к спасению, которые говорят: «согрешили мы с детьми...» (согрешили т. е. в смысле забот, суетливости по дому и частых вспышек гнева на детей). Затем: справедливо ли раздражаться на детей, если они рождаются и если их много?—ведь они не виновны в своем рождении. Не жестоко ли желать им смерти из за того, что трудно воспитывать их или (тем еще хуже) потому только, что они служат помехой родителям в светских развлечениях? Если и множество нужд или прямо бедность угнетает, если жизнь и без того дорога для всех: то многосемейные отцы и матери, эти по преимуществу или по истинной заслуге «воспитатели рода человеческого», без сомнения, не забыты же у Бога с своими семьями,—у Бога милосердного, который и «птиц питает» (Мф.6,25). А если многочисение или многосемейность не позволяют только составить никакого запаса состояния, всегда обременяя главу семьи большими заботами: в таком случае несравненно лучший капитал—дети. Дорого очень и это: чем больше у кого детей, тем больше за того молитвенников пред Богом, если его дети воспитаны им в страхе Божиим, если видели искреннюю любовь к себе отца».

Холодность и безразличие к детям также могут чувствовать и бабушки с дедушками, и воспитатели, и учителя. И они также грешат против любви к детям.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех — Равнодушие к особным порокам воспитанников или собственные худые примеры им): ««Блюдите (смотрите), да не презрите единаго от малых сих» заповедал Христос-Спаситель (Мф.18,10); «юным же образ доблий оставлю», говорил Елеазар, учитель семи отроков—маккавеев (Макк.6.28). Что такое пороки, особенно в детском возрасте? Это не такие болезни, которые часто проходят сами собой. Нет, — в детях которые столько всегда живы, часто легкомысленны и при этом еще быстро сочувствующие друг другу,—в детях — воспитанниках известные пороки, вкравшиеся

как либо к ним, будут возрастать вместе с обыкновенным возрастом их. Притом, пороки мало помалу дают юноше свое направление, если даже внешние поводы к ним и прекратятся, т. е. они внутренне развращают молодого человека. И так тяжко погрешают пред Богом те воспитатели юношества, которые знают, что например, воспитанники их начинают испытывать вкус вина, делают свои театры и свои детские вечера (у девочек совместно с мальчиками для танцев), вольно рассуждают между собой о предметах веры, иные не ночуют дома, занимаются азартною игрою, например, в карты, - знают обо всем этом, и не принимают никаких мер против зла потому только, что зло этого рода ничем особенно не беспокоит их самих. За небеспокоющими же пороками пожалуй явятся и очень беспокойные, например, публичные рассуждения воспитанников о современных вопросах, общие и настойчивые о чем либо просьбы их (сходки), вмешательство в выборе и назначении учителей,—вследствие чего явятся? В силу внутренней нравственной распушенности их, по ослаблению над ними властного надзора.—Но пусть от воспитателей сокрыты особенные пороки в среде их, так как порок вообще не любит света: и это но оправдывает воспитателей и не может успокаивать их совесть. Добрые воспитатели должны как сами наблюдать за нравственностью своих воспитанников, так и пользоваться посторонними сведениями об их поведении, наконец — предупреждать тайною молитвою к Богу появление и развитие между ними губительных пороков. (Здесь в особенности имеется в виду тайное самоосквернение, или рукоблудие, и вообще потеря воспитанниками детской невинности, полученной в крещении: например, в первом случае заботливый воспитатель обходит весьма часто спальни воспитанников, не позволяет воспитанникам совместных постелей, требует, чтоб они не закрывались глухо одеялом и руки свои привыкали бы держать поверх одеяла, как только благоприятствует этому теплота комнаты; распространяет незаметно между ними, когда откроется нужда, и чтение против страшно-губительного онанизма и т. под.)».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех — Холодные чувства к внучатам и незаботливость о внучатах): ««Лобыза (Иаков внуков своих) и объят я... и рече...: Бог да благословит детища сия» Быт.48,1-16). Здесь мы видим и нежную любовь и достойную заботливость в отношении к внукам. Замечательно, — эти чувства в ветхозаветном патриархе не были выработаны—как ныне бывают—особенною наукою или чтением книг о воспитании детей (педагогика), а выразились как чистые чувства природы и как плод страха Божия. Внуки—продолжение рода—фамилии и большею частью носят имена своих дедов. Следовательно, деды естественно должны любить их и заботиться о них. С духовной же стороны решая этот вопрос, во внуках своих деды должны видеть благословение Божие на себе: «и узриши сыны сынов твоих» (Пс.127,7). Следовательно, когда деды относятся холодно к своим внукам, то не ценят Божьего благословения. Нет, дедушка и бабушка, не ослабляя власти самих родителей над малолетними внучатами (например, родители, хотя и взыскать, а они заступаются за любимых своих внучат), должны принимать живое участие в воспитании внучат, особенно в религиозно-нравственном. Это нравственный долг дедов; потому что сами родители или меньше имеют времени, чем они, заняться воспитанием своих детей или же по молодости своей и мирской суетности менее заботливы об истинном счастье собственных детей, или, наконец, по неопытности своей, более допускают ошибок в деле детского воспитания. Таким образом, дед—бабушка обязаны учить малолетних внуков своим молитвам, приводить их с собой в церковь и особенно к тем службам, которые совершаются в церкви от имени их семейства, например, по случаю чьего либо поминовения, должны занимать внучат своих рассказами из жизни святых, какие сами знают, и т.п.».

Немоление о детях или отчаянное моление

Все мы знаем, что мы должны молиться о детях и понятно, что не исполнение этого долга является грехом.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех — Немоление о детях малых и возрастных): ««Чад моих молитв» (Еккл.31,2). Иов после этого, как дети его семьями своими

собирались для пиршества, каждый раз приносил за них очистительную жертву (Иов.1,4-5). Так как от Бога «всяко даяние благо», то верующие и богобоязненные родители должны приносить неустанную молитву о том, чтоб сам Господь Бог, благословивший их детьми, и помог им воспитать детей «в трезвенности и целомудрии, в сыновнем послушании и братской, семейной любви в вере и страхе святом», а для возрастных «указал бы пути общественной службы или частных занятий, устроил бы участь их женитьбой или замужеством, смягчил бы их сердца (если они непокорны родителям), помиловал бы их (если они допустили тяжкое прегрешение), привел бы их теми или иными посещениями к обращению и исправлению жизни (если они совсем развратились). Церковь положила особенные чины молитв «при начатии учения отроков» и о малоуспешных в ученье отроках. Нередко одною лишь молитвою и можно подействовать на детей, например, когда они живут в отдалении от глаз родительских или когда совершеннолетние не исправляются от пороков, холодны к вере и, как бы больные белой горячкой, не поддаются никаким добрым родительским убеждениям: тогда молитва за этих детей при бескровной жертве, или за обеднями, остается единственною помощью и много поможет. Надеяться же только на свои человеческие силы и средства, прежде всего в деле воспитания малолетних - ошибочно, а затем полагаться на свои лишь родительские права, когда взрослые не оказывают послушания и увлекаются к вольномыслию или грубым порокам—тоже очень неверно. Хорошим также предохранением тех и других детей, т. е. и малолетних и возрастных, от нарушения девственности может быть родительская молитва к Богу, чтоб ангел-хранитель был с ними неотлучно; так некогда Товит поручал своего сына за глазами своими вполне охране ангела-хранителя. Особенным предметом родительских молитв о детях должно быть то, чтоб «как самим родителям, так и детям их избавиться от вечной муки»; потому что не может быть страшнее беды, как вечная погибель, следовательно, и нет необходимее благожелания своим кровным, как желание избежать этой страшной участи. Худо, если родители не исполняют такой молитвы».

Далее приведем замечательный пример о молитве за детей.

Николай Сербский (Переписка, Письмо третье): «Понимаю печаль твою. Как старшая сестра, ты заменила ему мать после ее смерти. Ты измучилась, стараясь дать ему возможность закончить школу. Из-за него запоздала с замужеством и, наконец, решила совсем не выходить замуж. Свою жизнь ты обеднила, а его - обогатила. Раньше он слушался тебя и любил. Однако за последние два года он совершенно изменился. Прежде всего, он стал ярым безбожником, начал насмехаться над твоей набожностью, над молитвами, над иконами, над Церковью. Затем (знаю, хоть ты этого и не говоришь) предался развратной жизни. Это неизбежное следствие безверия! Он стал вспыльчив, мрачен, неуравновешен, ленив, дерзок. Стал требовать от тебя того, что ты не можешь ему дать. Наделал долгов, где только мог. Он просто бесится, когда ты даешь ему советы. Убил бы тебя! Стал совершенно другим человеком, будто злой дух в него вселился. Несчастливая сестра! Да, в нем действительно пребывает злой дух. Своего рода помешательство, которому неминуемо подвергаются все отпавшие от Бога, ибо человек не может отвернуться от Бога и не пасть в бездну. Не может человек отречься от Бога и не обезуметь. Примеров тому и в прошлом, и в настоящем так много, будто кишачий муравейник. Однако я расскажу тебе случай с одной женщиной, которая спасла своего сына, похожего на твоего брата. Когда советы матери пропали даром, прошли, словно вода через решето, она замолчала. Мать не сказала больше сыну ни слова упрека, но начала молить Бога, чтобы Бог послал сыну некую болезнь. Ты скажешь: "Жестокая мать!" погоди, выслушай до конца. Мне та женщина сама рассказывала. Увидела она, говорит, что никто под небесами не может спасти сына, кроме единого Бога, и то через некие страдания. Поэтому и молила она Бога, чтобы Господь наказал его, послав ему какие-то мучения. Долго она так молилась - и действительно, сын ее разболелся. Лежал сын в постели три месяца, а она за ним ходила и пред ним Богу молилась. Он думал, что мать молится о выздоровлении его тела, а она молилась, чтобы душа его выздоровела. "Лучше быть мертвым телом, чем мертвым душой", - твердила про себя мать. Сын заметил и заботу матери, и любовь, и молитву. Мало-помалу смягчилось его сердце. Когда у врачей опустили руки, а сын стал совсем как бледная тень, он вдруг заплакал и сказал

шепотом: "Маменька, дорогая моя, помолись Богу, чтобы я не умер!" А мать ему на то: "Обещай, сынок, что вечно будешь Бога помнить и благодарить Его, и поведение свое изменишь". "Буду, маменька, буду!" - прошептал сын уже в агонии. А мать будто чувствовала, что сын не умрет. И, слава Богу, он поправился. Сейчас он здоров и душой, и телом. Как воскряжок, как ангел набожен, как солнце правилен и послушен. Так и ты, сестра, перестань надоедать брату советами. Замолчи и не раздражай его, ведь он как бы в горячке. Начни молиться за него Богу, говоря: "Господи Всеблагий, у Тебя всего много, и путей, и способов. Любым путем и любым Своим способом излечи душу брата моего. Боже, пусть это будет даже тяжкая болезнь, даже муки. Умоляю Тебя". Кроме того, выбери в неделе еще один день и постись за брата. И раздавай милостыню как бы от его имени. Тогда Господь в свое время изберет способ даровать брату твоему добрый дух и предаст его в твои руки здоровым и разумным, таинственно изливая на раны сердца твоего евангельские слова: «вот брат твой, был он мертв и ожил». Поистине, сестра, твоя огромная любовь и жертва не останутся без награды. Мир тебе и помощь от Господа!»

Также отметим, что молитва за согрешающих людей может быть отчаянной, и этого не правильно.

Амвросий Оптинский (советы супругам и родителям): «А что вы в скорби своей о сыне иногда думали, что лучше было бы для него умереть, нежели жить так, как он живет, — за это укорите себя и с полной верой предайте и себя самое и сына вашего воле Всеблагого и Премудрого Бога. Если Господь чьи дни сохраняет, то благодетельствует, если чью жизнь пресекает, то снова благодетельствует, и вообще, по слову святой Церкви, Господь глубиной мудрости человеколюбиво все устраивает и полезное всем подает. И потому для человека нет ничего лучше и полезнее преданности воле Божией, а нам судьбы Божии непостижимы. Вы сознаете, что многим сами виноваты, что не умели воспитать сына, как должно. Самоукорение это полезно, но сознавая вину свою, должно смиряться и раскаиваться, а не смущаться и отчаиваться. Также не должно очень тревожиться вам мыслью, будто вы одна — невольная причина теперешнего положения вашего сына. Это не совсем правда: всякий человек одарен свободной волей и сам за себя более и должен будет отвечать пред Богом».

А теперь приведем пример родительской молитвы о детях, которая входит в Акафистное моление о чадах:

Кондак 13: «О Всепетая Мати Иисуса Сладчайшаго! Приими сие малое акафистное моление о чадах моих в воню благоухания духовнаго, возми я под Твой благодатный покров, даруй им мыслити, ведати, слышати, глаголати и творити вся, яже к Тебе и Сыну Твоему влекущая и ко спасению содействующая. И поели им в житий сем привременем вся ко спасению душ их наставляющая, да зовут Богу: Аллилуйя».

Молитва: «О Пресвятая Владычице Дево Богородице, спаси и сохрани под кровом Твоим моих чад (имена их) всех отроков, отроковиц и младенцев, крещеных и безымянных и во чреве матери носимых. Укрой их ризою Твоего материнства, соблюди их во страхе Божием и послушании родителям, умоли Господа моего и Сына Твоего, да дарует им полезное ко спасению их. Вручаю их материнскому смотрению Твоему, яко Ты еси божественный покров рабом Твоим. Аминь».

Неправильное воспитание в детях христианских чувств и не попечение о крестных детях

Некоторые христиане не только не молятся за детей, но и не учат их благоговению, например, к Причастию.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Ленимся молиться за детей, ленимся почаще причастить младенца, ленимся привести ребенка в храм. Вот мы все жалуемся, что в наш безбожный век трудно вырастить христианина. А почему же, если вы чувствуете свою несостоятельность в этом деле, не прибегаете к самому главному? Причащайте ребенка как можно чаще, и поверьте, что душа такого ребенка не сможет забыть частого

соединения с Самим Господом. Но тут, опять-таки, можно впасть в противоположность и принести вместо пользы вред. Причащая ребенка, вы должны не механически носить его к Причастию, а как только у ребенка начнет хоть немного появляться понятие, приучать его к благоговейному и радостному причащению. Не надо говорить ребенку про Святое Причастие таких кощунственных слов: "Пойдем, тебе батюшка медок даст" и т. п. Говорите ребенку: "Пойдем причащаться Святых Христовых Таин". Оденьте его получше, создайте ему внешне особенное настроение. Если можно, пусть дитя до Причастия воздержится в еде. Для этого причастите ребенка за ранней литургией».

К сожалению, есть и такие родители, особенно это маловерующие или неверующие люди, которые притесняют своих детей в богоугодных делах.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех —Стеснение детей в делах богоугодных): ««Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф.10,37). Следовательно, в свою очередь и родители не могут требовать от детей любви и послушания к себе в такой степени, чтоб дети их вынуждены были нарушить чрез это прямые свои обязанности к Богу. Например, грешно из-за себя стеснять детей в говенье или в более частом хождении в церковь, то задерживая их дома для домашнего обихода, то отвлекая другими занятиями; богопротивное дело склонять дочь к замужеству и препятствовать ей поступить в монастырь, когда она первого не желает, а к последнему стремится с разумным сознанием («аще кто, сказано в номоканоне, за еже монашествовати сыну своему лишит его части и наследия, той да отлучится»); неугодное Богу дело и то, когда отклоняют детей от законного брака с тем собственно намерением, чтоб например, холостой сын исключительно был привязан к матери-вдове и с братскою привязанностью содержал бы своих сестер, между тем как видимая для его нравственности опасность — оставаться ему надолго холостым».

Также многие из родителей заботятся только о мирском воспитании, а о духовном, христианском не пекутся.

Тихон Задонский (т.5, сл. Слово 15): ««Воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф.6:4) Это слово Дух Святой говорит через апостола родителям и увещевает их, чтобы воспитывали своих детей, как подобает христианам. «Воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Все христиане в святом Крещении обновились к новой, святой и христианской жизни, и обещали Богу верой и правдой служить, и так Ему угождать. Но чтобы крестившимся не развратиться, и не прийти в бедственное состояние, и чтобы не случилось с ними по верной пословице: «пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи» (2 Петр 2:22), — нужно им непременно предотвратить это бедственное состояние добрым воспитанием детей, пока они еще малы и юны. Ибо с болью и воздыханием видим, что многие дети в юности развращаются. Это случается с ними от небрежения родителей. Многие родители учат своих детей художествам, служащим для временной жизни, иные стараются научить иностранным языкам, и не мало денег на это расходуют, но о христианском учении не заботятся, и не стараются научить своих детей жить по-христиански. Такие родители рожают своих детей для временной жизни, но двери к вечной жизни для них затворяют. Святой Златоуст, размышляя о родителях, небрежущих о добром воспитании своих детей, и о бедствии плохо воспитанных детей, говорит: «Родители, которые пренебрегают тем, чтобы детей по-христиански воспитывать, беззаконнее детоубийц. Ибо детоубийцы тело от души отлучают, а они и душу и тело в геенну огненную ввергают. Телесной смерти по естественному закону никак невозможно избежать, а смерть души возможно было бы, если бы нерадение родителей не было в ней виновно. К тому же телесную смерть грядущее воскресение тотчас может упразднить, а погибели души ничто не может возратить» (Беседа 5-я против хулителей монашеского жития). Поэтому, родители, слушайте слово Господне: «Воспитывайте детей ваших в учении и наставлении Господнем». Молодое дерево, вновь посаженное, садовник привязывает к колу, в землю водруженному и утвержденному, чтобы оно от ветра и бури не было вырвано из земли, а негодные сучки и отростки на дереве отсекает, чтобы они не повредили и не иссушили дерево. Поступайте и вы так с малыми и молодыми вашими детьми. Привязывайте сердца их к страху Божию, чтобы от козней сатанинских не колебались и не

оставили благочестие, и отсекайте возрастающие в них страсти, чтобы не возросли и ими не обладали, и так бы не умертвили внутреннего нового человека, в святом Крещении рожденного. Ибо видим, что когда дети растут, то показываются и с ними растут и страсти греховные, как негодные отростки на дереве. Поэтому, чтобы эти незаконные отростки не выросли, и не повредили, и не погубили человека, святым Крещением омытого, освященного и оправданного, нужно обязательно наставлением и учением Господним их отсекают. Отсекайте же, возлюбленные, таковые отростки от детей ваших, и «воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Как только начнут они хотя бы немного смыслить и добро и зло познавать, начинайте и вы дело свое и учите их. Поступайте с ними так: 1) Напоминайте им почаще о святом Крещении и о том, что они тогда обещали Богу жить порядочно и быть постоянными, верой и правдой Ему служить и от всякого зла и греха удаляться. 2) Повторяйте им почаще, что все мы рождаемся и возрождаемся в Крещении не для этой временной жизни, не ради приобретения чести, славы и богатства в этом мире, — что сама смерть наша показывает, иначе бы вовеки в мире этом пребывали, — но рождаемся и возрождаемся для вечной жизни. Вся наша жизнь в этом мире, от рождения до смерти, есть путь, по которому идем к обещанному нашему отечеству и вечной жизни. Об этом часто им напоминайте, чтобы не пристрастились к суете мира сего и научились «о горнем помышлять, а не о земном» (Кол 3:2). 3) Вразумляйте их, Кто есть Бог христианский и чего Он от нас требует, что Он ненавидит зла и любит добро, за зло казнит человека, а за добро награждает. И хотя мы Его не видим, но Он нас видит, и везде с нами невидимо присутствует, и всякое наше дело видит, и всякое слово слышит. Надо Его бояться и угодное Ему творить. 4) Просвещайте их внутренние очи, Кто есть Христос, в Которого мы веруем, и ради чего Он в мир пришел, и жил, и пострадал, и умер. Тому причиной были наши грехи и наше вечное спасение, чтобы мы, от грехов избавившись, получили вечное спасение. 5) Учите их закону Божию и рассказывайте, чего этот закон от нас требует, то есть чтобы мы любили Бога и всякого человека. Все этому закону противное есть порок и грех, а все согласное и сходное — добродетель. Закон Божий хранить, и так удаляться от всякого греха, и добродетельно жить на святом Крещении обещали мы Богу. Кто живет иначе, тот этих обетов не хранит, и перед Богом является лживым, и если истинно не покается и не исправится, то и на суде Христовом явится лживым. 6) Представляйте им кончину: смерть, суд Христов, вечную жизнь и вечную муку, чтобы вселился таким образом в них страх Божий и береглись бы они от всякого зла. Все это и прочее вливайте, как молоко, в их юные сердца, дабы возрастали в благочестии. Называют они вас родителями — будьте же истинными родителями. Родили вы их по плоти — рождайте же и по духу. Родили вы их к временной жизни — возрождайте их и к вечной жизни. Возлюбленные христиане! Явитесь и вы и дети ваши на Суде Страшном Христовом и за них ответ дадите Судье праведному. Он у вас не спросит, учили ли вы детей ваших художествам, учили ли по-французски, по-немецки, по-итальянски говорить, но научили ли по-христиански жить? Юные дети более внимают родительским поступкам, нежели их наставлению. Поэтому, если хотите, чтобы дети ваши были благочестивыми и добрыми, будьте сами благочестивыми и добрыми, и себя в пример им показывайте, и так «воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Тогда и дети ваши, и вы получите вечное спасение о Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь»

К подобному греху относится и грех - неопечение о крестниках.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех — Неопечение о крестниках): «Восприемники, или «крестные отцы», звание которых существует в Церкви от первых времен христианства, обязаны помогать родителям (а также и пастырям Церкви, этим первейшим учителям и воспитателям духовным) в добром воспитании и настроении своих крестников и крестниц. А кто принимает от купели возрастного из иноверцев, тот и «сугубо отец» для своего крестника: он сообщает крестнику от своего имени и фамилии, делается у крестника родоначальником. Отсюда обязанности восприемников совсем не столь кратковременны, чтоб могли оканчиваться купелью или только праздником крестин. Если и живы родители тех, которых они приняли от купели, и если сами родители вполне заботливы о воспитании собственных детей в духе веры и благочестия христианского, — все же крестным остается своя доля в столь важном деле; например, могут и должны крестные молиться об

утверждении в вере своего крестника или крестницы, могут при каждом свидании давать крестникам добрые советы, дарить им иконы или духовные книжки, благословлять их на брак, подкреплять родительские права над ними своими наставлениями в том случае, если они мало почитают своих родителей, и т. д. Не отвечая ни пред Богом, ни пред Церковью за невозможное исполнить в отношении к крестникам (например, когда и видеть крестников нельзя), восприемники погрешают, когда не делают того, что могут делать и в чем чувствуется очевидная надобность. Например, есть же возможность наблюдать за крестником из евреев или магометан; как-то молится он Богу, ходить ли в церковь, не имеет ли опасного дружества с прежними единоверцами; есть возможность принять и обласкать у себя крестника или крестницу, по крайней мере, представляется случай спросить об их здоровье, об успехах в ученье или о службе; есть сила слова или особенного влияния побудить их говеть каждый год;— позволяет состояние помогать им в нуждах и даже при бедности или сиротства их пристроить их к законному браку, завещать что либо в наследство им. Однако ж ничего этого не выполняется, даже и на память не приходят духовное родство и духовные отношения к крестникам; кроме того времени, когда крестник или крестница должны бы пригласить своих крестных на свой брак (свадьбу). В таком случае, несомненно, согрешают восприемники».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Если мы являемся духовными родителями – восприемниками от купели при Таинстве Крещения, то есть являемся крестными отцами и матерями, выполняем ли мы свои обязанности восприемников, или только стали кумовьями с родителями для улучшения приятельских отношений? Помогаем ли родителям воспитывать детей, крещенных нами, в вере и благочестии? Мы же у купели отреклись за них от сатаны и всех дел его. Мы не должны забывать об этом, и если обстоятельства не позволяют принимать непосредственного участия в воспитании крестников, то обязаны молиться за них. Но мы и не молимся за них, как должно. И если они вырастают хулителями Бога или просто неверующими людьми, то мы, нерадивые христиане и восприемники, в этом виноваты не меньше самих родителей по плоти. Господи, прости нас, грешных! До могилы есть еще надежда на исправление. Может быть, если сегодня Господь простит наше прежнее нерадение и мы будем молиться со всем усердием и верой за своих крестников, мы еще вымолим их для блаженной вечности».

Явные соблазны собственным детям и воспитанникам

Мы, родители, хорошо осознаем, что:

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Тем же детям, которых имеем, мы не служим примером благочестия. Мало того, мы, наоборот, своим злым примером учим детей лжи, притворству, лени, непочтению к старшим, скверным словам. Раздражаем их своим несправедливым отношением к окружающим, а у детей особенно обострено чувство справедливости и правды. А потом удивляемся, почему они выросли не такими, какими хотелось бы их видеть».

Назовем несколько видов соблазнов нашим детям своим поведением.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех –Явные соблазны собственным детям): «Дети вообще расположены подражать старшим, как еще неспособные к самостоятельной, обдуманной деятельности. Но родителям своим они больше всего подражают; потому что никого не видят ближе к себе, как родителей, потому что отцу—матери больше всех доверяют: действия родителей они считают для себя образцовыми. Если же обратим на сей раз особенное внимание на младенцев, то на этих почти одними-то примерами и можно действовать: ни наставлений, ни замечаний от родителей они еще не способны вместить. Но и тогда как младенцы будут приходить в возраст,—наставления и замечания со стороны родителей принесут им пользу в таком лишь случае, если слово родительское не будет противоречить делу, если например, отец, посылающий сына в церковь, сам не остается дома или не старается позже прийти к службе. (Особенно пример родительской молитвы усваивается малолетними

детьми,—будет ли то молитва усердная или только наружная и рассеянная. Вообще добрые примеры родителей столько важны, что у святых угодников всегда почти отец или мать были святые, а чаще всего мать отличалась набожностью). Но если, напротив, примеры родителей будут явно худые,— дети тотчас же начинают подражать своим родителям в том, чему только по своим летам могут подражать. (Например, отец велит своему сыну сказать о себе, что «его нет дома», между тем как он дома и может принять посетителя: и сын после этого легко решается на обманы; отец—мать часто при детях своих переговаривают или осмеивают священника: и дети по своему посмеиваются над священником; отец—мать при детях осуждают, поносят соседа: и дети привыкают к пересудам и злословию; молодая мать при своем дитяти часто и подолгу поет песни; и детский слух, вкус и голос привыкают к тому же пению: хороша же наука!). Затем, достигнув совершеннолетия, дети большею частью начинают проявлять в себе те же самые пороки (например, нетрезвость, буйство), которые привыкли видеть в своих родителях. Счастье еще для детей, если жизнь порочного их отца продлится и если отец, изменив образ своей жизни, добрыми примерами изгладит в их памяти соблазны, которые подавал им. Вообще же по свойству памяти человеческой, как поврежденной грехом,—припоминать человеку более худое и соблазнительное, чем святое и поучительное,—на этом самом основании какой либо соблазн со стороны отца или матери, поданный еще в детском возрасте, о! как долго-долго припоминается даже и самым добрым сыном или дочерью, смущая их дух. Худые родительские примеры до того вредны, что скорее же в настоящем случае можно исправить злое зачатие дитяти (т. е. в порочном состоянии духа и тела родителей),—исправить тщательным воспитанием, чем изгладить соблазнительные впечатления на детей в период воспитания их. Особенно губителен пример развратной жизни родителей, когда, например, вдовый отец держит в своем доме, на виду малых детей наложницу. Такой отец может быть не вступает во второй законный брак в тех собственно видах; чтобы показать свою жалость к детям, чтоб не ввести к сиротам новую мать (мачеху). Но, в самом деле, он оказывается очень безжалостным к своим детям. Предаваясь разврату, который не ускользает от зорких глаз его детей, он уже совсем расстраивает счастье своих детей. Как недостойный отец, он не может передать детям от Бога благословение, а своим примером лишь научает их беззаконной жизни. И так горе, горе тому отцу или матери, ими же «соблазн приходит» (Мф.18,7) для собственных их детей, которых руководить—учить доброму более всего обязаны они! Это не отцы своим детям, а скорее убийцы».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех —Намеренное пред детьми унижение отцом матери их или матерью отца их): «В пятой заповеди Божией сказано не только: «чти отца твоего», но «и мать твою». Таким образом, отец, который словами или примером унижает пред своими детьми мать их, например, упрекая ее малорассудительностью и слабостью женской природы,—грешит против закона Божия; далее, такой отец грешит против матери своих детей; потому что, смотря на его пример, и дети начинают ни почем считать свою мать, между тем как он должен бы еще усилить ее власть над ними, особенно над малолетними, так как малолетние больше всего находятся с матерью;—грешит такой отец против самого себя потерю должного уважения к себе со стороны детей, потому что от непочитания детьми матери не много шагов и до грубости отцу.—Но еще более грешит сама мать: когда внушает детям не слушаться отца, а слушать ее одну, когда отменяет пред детьми добрые или, по крайней мере, невинные распоряжения отца;—когда хочет иметь на своей стороне всю семью,—возобладать одна любовью детей;— когда стесняет в справедливых требованиях власть отца, которого вознес его над семьей сам Бог, например, заступаясь каждый раз за виновных детей, упрекая отца в ограничениях детям, для которых между тем есть основания, порицая открыто отца за то, что он мало доставляет детям средств на приданое и т. п. При равенстве прав над детьми, мать однако ж и сама обязана «во всем» (Еф.5,24) повиноваться их отцу, а своему мужу. С ее стороны гораздо благоразумнее будет внушать детям чувство особенного уважения к отцу, как главе семьи, и самой вперед детей показывать примеры этого уважения. Словом: отец и мать должны взаимно поддерживать свои права пред детьми, рука об руку вести дело строгого христианского воспитания их, втайне хранить свои особенные какие либо преднамерения о ком либо из них.

Взаимное же неуважение отца—матери, раздоры их между собой из-за детей или только озлобленное молчание, которое также поймут дети, все это впоследствии времени весьма вредно отзовется на отношениях и детей их друг к другу».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Непонятливое вмешательство в умные дела взрослых детей): «Мать царя Соломона вошла с ходатайством к своему сыну за брата его, Адонию; но этим лишь ускорила казнь Адонии, который прибегнул к ее ходатайству (3Цар.2.13-26). Если сын или дочь, занимающие высокие места, почтительны к своим родителям и богобоязненны, то неуместное вмешательство отца—матери в их дела (по должности или по ведению ими частных хозяйственных дел) стесняет их совесть: т. е. и отказать родителям в просьбе для них тяжело и исполнить просьбу нет ничего хорошего. Но если сын или дочь несдержанны и направления вольного: в таком случае непонятливый—родительские прекословия им в умных делах их составляют для них только повод упрекать своих родителей необразованностью, близорукостью в суждении о деле. Можно судить после этого,— полезно ли непонятливое вмешательство».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – Равнодушие к особым порокам воспитанников или собственные худые примеры им): «А еще ответственнее пред Богом поступают те из образователей юношества, которые собственными примерами увлекают воспитанников к злу; так например, одни подают детям пример чрезмерной суетности (молодые учительши); другие и на уроки приходят не трезвыми; третьи нарушают посты, и это иногда допускается даже в сельской простоте сельским учителем (2Макк.6,1-26); четвертые сами вольно отзываются при воспитанниках о лицах и предметах священных или приглашают кого либо из воспитанников в товарищи своего разгула; иные и нескрывто от воспитанников имеют преступные связи. Таким-то соблазнителям вполне применима угроза—жернов осельский на шею, потому что детский возраст, детские души особенно дороги Искупителю—Иисусу Христу. В таком случае образование приводит гораздо к худшему злу; оно только делает человека не верующим и более смелым на худое, по той самой причине, что в человеке так воспитанном «Бога нет»».

При бездетности непитание в себе отеческого чувства и даже ненависть к детям

Как известно, некоторые люди не хотят иметь детей. Это происходит от самолюбия и от нелюбви к детям.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Мы настолько сейчас стали самолюбивы, что даже не хотим иметь детей, чтобы не утруждать себя воспитанием их».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех – При бездетности непитание в себе отеческого чувства и даже ненависть к детям): ««Якоже отец чада своя.., утешающе вас», говорил о себе апостол Павел (1Сол.2,11-12). Кому и не суждено быть отцом, тот должен смотреть на малолетних отроков, а при глубокой своей старости—на самых юношей, как бы на своих детей. При таком достойном истинного человека и христианина взгляде на чужое потомство, бездетный человек, встречаясь с теми и иными детьми, должен, прежде всего, беречь невинность детей от соблазнительной речи или примера в себе. Затем, должен стараться—сказать им слова два-три умных и предостерегающих от порока, ободрять их похвалою за доброе, которое они обнаруживают, а в грубых шалостях их никогда не льстить им, не оставлять шалостей без строгого замечания. Приводя себе на память собственное детство и вспоминая о Христе-Спасителе, Который обнимал детей, — бездетный человек должен любить чужих детей, ласкать их, благодетельствовать им, а ради их, и бедным их родителям, но никак не гонять их от себя с ненавистью. Словом: должен питать в своей душе сладостное чувство отеческой любви и носить это чувство в себе всегда, проявляя его, прежде всего, к детям и юношам, а затем и к таким лицам, которые вызывают проявление в нем этого чувства по случаю какой либо крайней своей нужды, говоря к нему: «явите отеческую милость; будьте вместо родного отца!»».

Грехи от равнодушия к супругам

Выше было сказано о грехах, при которых кипит ненависть к супругам, но есть несколько грехов равнодушия, которые выражаются в оставлении жены и детей без пропитания, бесчувствие к делам и проблемам ближнего и к делу спасения души. Таким образом, равнодушие проявляется ко всем нуждам человека – к телу, душе и духу.

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповеди, грех - непропитание жены с оставлением на ее опеку и детей): ««В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт.3,19): эта речь относится к мужу. Значит мужу назначены в жизни более тяжелые труды, из которых уже, как из готового материала, жена должна вырабатывать все нужное для дома. На нем лежат самые главные заботы по дому. Естественный долг его пропитывать и жену, а тем более заботиться о детях. Не убожит ли себя после этого такой муж, который еще не пробудился утром, а жена наработалась; который по лености никуда не выйдет из дома или по нетрезвости ничего не приносит домой с должности или от ремесла, а жена постоянно в трудах, везде одна хлопочет то по делам самого мужа, то за малых детей, наконец, как бы и обязывается приготовить самому мужу кусок хлеба? Что же после этого муж для своей жены? Одно имя... Во имя-то мужа иной, действительно, требует от жены и стола. Нет; ты муж, как «сила», должен и малые нужды твоей жены (только бы они не были прихотью) принимать на свою опеку и заботливо удовлетворять их! Ты должен по возможности обеспечить жену и на случай ее вдовства!».

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповеди, грех - Безучастие и несочувствие к трудам мужа): ««Сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18), вот первоначальное назначение жены; и у апостола Павла между необходимыми качествами и обязанностями семейной женщины указывается «управление домом» (1Тим.5,14). Этому предназначению жены соответствуют ее природные способности и расположения. Она способна добавить то, чего не может сделать муж. Господь Бог премудро разделил труды мужа и ее занятия. Муж не ко всему способен: иначе, т.е. если б мужчины и к женским занятиям вполне были способны, был бы повод пренебрегать женским полом и считать его излишним. Тогда как мужу определена деятельность более высшая и существенно-необходимая, на долю жены достаются дела меньшие, внутренние заботы о доме. Муж более умное—то может сделать, между тем как для менее умного, каковы дела по хозяйству, меньше способен. Жена же по природе способна заниматься хозяйством, умеет вникать во все подробности хозяйственных дел, да и особенно терпелива в этих делах. Посему жена-хозяйка это естественный человек, приятная личность. Только бы она, сама ли по себе или же по требованию мужа, не отдавалась хозяйской работе до многопопечительности Марфы, чего не одобрил Спаситель. Только бы по своей ли воле или же невольно—не поработала себя домашним хозяйством до такой степени, что, тогда как муж ее и одевается хорошо и приходит по воскресеньям в церковь, она не имеет у себя приличного платья, во все воскресные дни и годовые праздники ради своего хозяйства остается дома (бывают такие примеры даже и у людей состоятельных). Впрочем, не для всех жен хозяйство может быть исключительным делом. Есть такие, которые несут другие занятия на пользу ближнего, например, по обучению в школах детей, по наблюдению за женскими школами, по делам общественной благотворительности и т. п. Мы говорим собственно о брезгливости жены к хозяйству, между тем как нет для нее другой внешней и более благородной деятельности. Уклонение от попечительности по дому (не говоря о потерях экономических) не приносит пользы здоровью, вредно отзывается и на нравственной стороне жены. Да; неделовая, не занимающаяся домом и хозяйством, жена частью и нравственно падает. Она склонна к праздности, к болтливости, к пересудам и к тому, чтобы ходить по чужим домам (Тим.5.14). Она считает для себя унизительным разговор о состоянии кухни и погреба, о том в какое время лучше бы запастись известными жизненными предметами, между тем как этот разговор был бы лучше многих других разговоров для нее. Она поздно поднимается от утреннего ложа, между тем как муж с раннего утра на деле, заботясь (кроме пользы обществу) устроить и дом,

пропитать семью. Она или только посылает мужа на труд, сама отправляясь в гости, или и труда его не ценит, называя его труд «привычкою, пристрастием», или, наконец, нисколько не жалеет его после трудов, после усиленных занятий. Неоправдание при этом для жены, если по видимому нет никакой нужды ей заниматься по дому и хозяйству или не требуют занятия мужа с ее стороны облегчения; например, дом обеспечен управляющими и слугами, а муж своего рода помощников по должности и свою прислугу, которая приготовляет для него все. Нет; умная и трудолюбивая жена всегда найдет занятие по дому и для того, чтоб чем либо облегчить трудящегося мужа. Она и поможет мужу собраться на службу, и проводит его туда и встретит его со службы. Тогда мир ее с мужем не нарушается и муж идет в свой дом каждый раз с душевным удовольствием: приятнее своего дома в таком случае он и не находит. О, жена-христианка! не пренебрегай же хозяйством, хоть бы оно и не имело иногда красивой обстановки. Тогда будет более сберегаться приобретаемое мужем, вся семья будет в большем довольстве, для самой прислуги веселее вести свое дело. Тогда твоя попечительность в маленьком мире дома-семьи («есть хозяйка в доме, и - все хорошо») как бы будет напоминать о промысле Божиим, который управляет целым миром. С каким уважением и сочувствием останавливаешься всегда вниманием на труженице по хозяйству, жене крестьянина! Тут видишь картину той достойной хозяйки, которую прекрасно изображает Соломон (Притч.31,10-31)».

Также, к сожалению, помощь и забота о другом человеке у некоторых христиан заключается только в заботе о видимых вещах, таких как – накормить, убрать, сходить в магазин, послушать о происшедших событиях и т.п., а не о духовном состоянии ближнего.

Игнатий Брянчанинов (Аск.опыты,т.1): «Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает. Она враждует против Неба и Духа Святого; потому что Дух требует распятия плоти. Она враждует против Неба и Духа Святого: потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего».

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповеди, грех – незаботливость о взаимном спасении души и немоление на сей раз друг о друге): «Эту речь мы поведем уже исключительно против нарушений взаимного религиозного долга супругов, или для подражания таким святым бракам: «целуйте Прискиллу (жена) и Акилу (мужь...) и домашнюю их церковь» (Римл.16.3,4), т. е. столько благочестивых среди мира супругов, что дом их сделался церковью. Оказывать снисхождение к взаимным недостаткам и исправлять себя взаимно от этих недостатков (о чем раньше сказали мы) могут муж и жена и не в целях чисто-духовных, а только для благополучия и благоустройства настоящей жизни: так иногда заботится и язычник - муж о своей жене - язычнице. Но спасение души - иной вопрос. Здесь цели простираются за пределы настоящей жизни. И опять эти цели должны достигаться не тем только, чтоб привести неправославное лицо к православной вере, но чтоб и оба православные, муж и жена, т.е. уже стоящие на пути к спасению, спасали друг друга. Основание для сей священной обязанности находим во взаимном соотношении самой первой четы. Адам и Ева были соединены не одною плотскою связью, но и внутреннею, нравственною. Заповедь «не вкушать от древа» была дана им совместно, относилась равно к ним обоим: совокупными силами они и должны были исполнить эту заповедь, чтобы остаться на целую вечность в раю. Во всем другом занятия мужа и жены разделены. Относительно же вечного спасения у них общее поприще, это в одинаковой мере занимающая их забота. Здесь и слабость пола в сторону (Гал.3.38): жена может показать себя крепче своего мужа. Но взаимная заботливость о спасении души приносит супругам пользу еще в настоящей жизни. Так, например, супружеская любовь и уважительность, умеренность и верность в супружеском ложе, неоставление друг друга в несчастии: все это можно считать благонадежным или прочным при таком только условии, если муж и жена богобоязненны; если они до некоторой степени ревниво заботятся о взаимном исполнении домашних молитв, об удержании себя от гнева, злобы и зависти в отношении и к посторонним лицам; если заботятся о назидании себя словом Божиим, о взаимных духовных собеседованиях и о восторгах предметами священными, божественными; если молятся о спасении друг друга. Тогда-то жизнь их будет и внутренне светла. Тогда, если и возникнут между ними супружеские несогласия, то не будут эти несогласия продолжительными и никак не усилятся до взаимной

ненависти или отвращения. Затем, когда они верующие, ужели взаимная вечная участь не должна занимать их? ужели они не пожелают друг другу избежать вечных мук? В настоящее-то время такое желание вполне естественно или уместно вообще для лиц, сколько-нибудь сочувствующих друг другу. Иное уже дело будущая жизнь: там действительно не будет сожаления даже и у мужа к жене и у жены к мужу, т.е. если одно лицо там будет блаженствовать в раю, а другое мучится в аду; «там плоть и кровь не будут иметь места» (1Кор.15,8). Но когда муж и жена желают взаимно друг другу счастливой участи за гробом, когда они хотят снова встретиться и на веки соединиться между собою (завещают же они похоронить себя рядом): то и должны стараться, чтоб эта встреча была на радость им, чтоб было им чем порадоваться, утешиться, когда сойдутся снова. В самом деле, свидание их там будет радостно собственно не за нынешнее плотское сожитие, которое как бы обратилось им в природу по силе привычки, но почему же? Потому что они здесь дружественно молились и постились, что единодушно подавали милостыню, что несли вместе какой-либо особенный крест в жизни и что таким образом воспоминания их о земных подвигах, которые будут составлять там одно из блаженств, воспоминания их будут одинаковы. Наконец, главнейшее основание и побуждение им заботиться о взаимном вечном спасении заключается в преобразовании брака: «яко же и Христос возлюбил Церковь». Христос в том и показывает Свою любовь к Церкви, что спасает ее. Прежде и больше должен показать на сей раз свою заботу муж; потому что он глава, руководитель своей жены. Да, муж должен бы объяснять жене по своему разумению обязанности христианские, отвлекать жену от суеверий, подкреплять часто ослабевающей ее дух, рассказывать ей жития святых, убеждать ее к частому приобщению святых таин вместе с собой, особенно под старость лет, стараться исправить ее не от тех только пороков, которые несносны для него самого, например, сварливость ее, но и от таких, которые нисколько не беспокоят его, между тем противны Богу, как например, пристрастие к чтению светских книг, изнеженность, сребролюбие. Затем, в свою очередь и набожная жена сильно может действовать на развитие в муже религиозных чувств. По опыту известно, что ни чей голос не может так подействовать к смирению и вразумлению мужа, как голос благоразумной и богобоязненной жены: ни друга, ни начальника человек грубый не послушает так, как свою жену, если только жена его вполне безукоризненная в своем поведении, если она знает час, когда подействовать на него, когда посоветовать ему, умолить его к добру. (Вообще женщины в силу своей восприимчивой природы способны и мужчин расположить к большей религиозности, как напротив они же сильны возбудить их и к изуверству. Некогда в Антиохии евреи воздвигли гонение на апост. Павла. Кого же они употребили посредствующими лицами в этом деле? «Набожных» женщин в городе (Деян.13,50)). Но если муж уже неисправим, богобоязненная жена, страшась за вечную участь его, усиливает свою молитву за него, просит в церкви поминать его на проскомидии. А во всяком случае она не останется от Бога без награды за свое христианское терпение к неисправимому лицу. О, далеко, далеко еще вы, муж и жена, не искренние супруги, если взаимное спасение души считаете посторонним для себя делом! Еще хуже, когда вы смеетесь над пастырским наставлением спасать друг друга (будто-де братья в монастыре). Жалко и то, что один хотел бы жить по духу христианского закона, а другая сторона ничего этого не понимает!».

Равнодушие и незаботливость о родственниках

Во-первых, некоторые из нас испытывают холодность с родственникам, особенно неверующим.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Мы грешим против пятой заповеди Закона Божия холодностью к родственникам. Как часто можно услышать среди нас, именующих себя христианами: "А что мне мои братья, сестры, родственники. Они мне хуже чужих!" А ведь после заботы о родителях, мы в первую очередь должны заботиться о

родственников. Это кровная наша обязанность. Мы говорим: "Да они в Бога не веруют, у меня нет с ними ничего общего". Тем более мы должны заботиться о них, чтобы примером своей любви, примером добрых, доброжелательных отношений к ним, возбудить их интерес к христианству. Мы же, наоборот, ошестиниваемся на них, отгораживаемся от них, бежим от них, как от прокаженных. Вот какие мы недобрые христиане! Господи, прости нас, грешных!».

Во-вторых, мы можем быть очень заботливыми в отношении своих семей, но быть равнодушными к нуждам других семей, например, семей родственников или соседей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: излишняя любовь к своей семье до равнодушия к крайним нуждам других семейств) ««Не твори ми труды: уже дети моя со мною на ложи суть: и не могу встав дать тебе» (Лк.11,7). Такова эта излишняя любовь к своим детям, и вообще к своим домашним. Свою только семью она оберегает, защищает в правде и без правды., между тем как равнодушно и даже враждебно относится к вопиющим нуждам других семей. Очевидно, эта любовь противна христианской любви к ближнему, и неслучайна в общезнании».

К грехам в отношении к родственникам относится и грех старших детей, выраженный в незаботливости о младших братьях и сестрах.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: незаботливость руководить младших в семье, а со стороны младших – непочтение к старшему): ««Еда страж брату моему есмь аз» (Быт.4,9), — такой грубый ответ сделал один старший брат относительно судьбы младшего. Нет, еще при жизни родителей старший брат или старшая сестра в семье обязаны принимать до некоторой степени участие в воспитании младших и держать себя пред младшими столь умно, чтоб эти брали с них пример. Родители сами вводят в свой взаимный совет старшего и возрастного брата или такую же сестру, когда решается какой либо семейный вопрос о младших, например, поступить ли последним в учебное какое заведение, быть ли сестре выданной в замужество за известного жениха и т. д. А после смерти родителей старшие в семье вполне входят в права родительские по предмету руководства младших и несовершеннолетних. Старшие отлагают на несколько времени и свою женитьбу или замужество, честно сохраняя себя в холостой жизни,—отлагают собственно для того, чтоб свободнее довоспитать и пристроить своих младших братьев или сестер. Долг их также— поддерживать память добрых преданий о родителях, так как младше братья или сестры могут совсем не помнить своих родителей. С другой стороны, и младшие обязаны к старшему брату или старшей сестре как бы сыновним почтением и послушанием: «посреде братий старейшина их честен» (в почтении) (Сир.10,24). Таков уже божеский порядок в семье: соблюдению этого порядка учит сама природа. Хоть бы и одним годом был старше брат,—младший должен почитать его за это право перворождения».

Оставление без помощи человека погибающего

Ниже будет сказано о том, как зачастую проявляется наше безразличие и бесчеловечие при случаях, когда кому-то необходима помощь. Такое наше отношение к бедам других людей говорит о том, что в нас действуют более недобрые практические чувства: с одной стороны, в отношении себя: самоугодие и животный страх за себя, а с другой, отношение к ближнему: холодность, несожаление и равнодушие.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Оставление без помощи человека погибающего): ««Священник некий сходяше путем тем, и виде (человека, избитого на дороге разбойниками) мимо идее. Такожде и левит...» (Лк.10,31-32). Эти два лица почти столь же бесчеловечно поступили с избитым, оставив его без всякой помощи, как и самые разбойники, которые избили и изувечили его. Так, если кто погибает на воде (тонет), в огне (во время пожара), под экипажем (в дороге), от нападения хищного зверя или сильного животного, от вьюги или мороза, или только обессилел на улице днем или ночью: виновниками в

насильственной смерти этих людей делаются и все те, которые по излишнему самопоощрению и без всякой для себя опасности не хотели спасти несчастных, даже и тогда, как несчастные вопияли к ним о помощи. Эта холодность к положению погибающего человека преступна и потому, что никто не может ручаться, как слабый и смертный, за то, что и сам он не подвергнется когда-либо такому же положению, сколь бы ни был осторожен или обеспечен состоянием, или людьми охраняющими. О, как может успокоиться сердце того христианина, который не помог ближнему в критические минуты (особенно престарелому или дитяти), и ближний умер! Где же было тут чувство человеческое? Ведь и в каждом из ближних наших течет та же Евина кровь, как и в нас. Где особенно было чувство христианское? Ведь характер христианина есть милосердие и самопожертвование для ближнего. Ты, друг наш, будь благодетельным самарянином в случае гибели каждого, не только христианина, но и магометанина или язычника».

К этому греху относится и оставление погибающих теми, кто по долгу службы обязан сохранять жизнь людей.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Произвольное оставление проводниками путешественников в опасном месте или положении, и прямо смертные случаи на дорогах от неисправности проводников): ««Аще не сие пребудут в корабли, вы спаситися не можете» (Деян.27,31), было сказано о корабельщиках, которые, видя на море очевидную опасность для жизни всех, хотели было обманом убежать с корабля, чтоб спасти только самих себя. Так особенно те, которые приняли на себя обязанность быть проводниками других, не должны покидать кого-либо в опасности (например, машинист на пароходе, предвидя, что котел с водою от повышенной температуры скоро лопнет, бросается в лодку и бежит с парохода). И спутники иногда покидают своего товарища там, где видима опасность для его жизни. Не извинительно было бы не покидать его даже и в том случае, если б он сам, по своему безумию, подавал повода к тому, например, своею ссорою или нетрезвым поведением; а прямой и велик грех им, если он, оставленный там в опасном положении, и умрет».

Так же в конце хотелось бы напомнить, что раздражительная сила еще называется «силою мужества», и в вышеуказанных случаях хорошо видно, как она под действием самолюбия стала «силой трусости и малодушия».

Равнодушное или со смехом наблюдение за дракой или побоями другого человека

Многие из нас были свидетелями или сами находились в таком положении, когда наблюдающие за дракой других людей, мы или другие не пытались их остановить, а, возможно даже, и смеялись над этим. Такое отношение говорит о равнодушии или об удовольствии от греха других.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Равнодушное, и даже со смехом, смотрение на чью-либо драку или побои другому): ««Емше вси... Сосфена бияху...: и не едино о сих Галлиону радение бысть» (Деян.18,17). Так и ныне некоторые равнодушно, и даже с удовольствием, с хохотом, смотрят на то, как кто либо бьет другого, не имея права бить, и за ничтожную вину; или как два человека, иногда же и несколько человек, схватившись друг с другом, борются и бьются. Не значит ли это как бы участвовать в том же буйстве, если не руками, то расположением сердца, и затем— отвечать за самую смерть, если смертью окончатся побои или драка? А нужно бы употребить все возможные меры, например, и физическую силу и слово убеждения и приглашение к помощи других лиц, чтоб прекратить побои кому или чью либо драку. За это будут впоследствии времени благодарны и те, которые бьют или бьются: потому что, разгорячившись, они не могут владеть собой. Бывали случаи, что начинали драться шутя, и один кто делался убийцей (кузнец хотел одной рукой легонько ударить, а из другой отлетела раскаленная полоса и убила с боку стоявшего тут человека).—Христианин! И чужой удар ближнему, особенно же без вины, должен быть чувствителен тебе. И хоть бы иной сильный

бил такого человека, который: всех ближе к нему и которого он должен бы более всех жалеть, например, муж свою жену или отец своего сына, — пожалей в этих, удержи быющего их и рукою твоею и убеждением и мольбою. Тогда ты не будешь подобен равнодушному Анне, который не удержал своего слугу от ударов Иисусу Христу».

Равнодушие к общественным нуждам и бедствиям

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех - равнодушие к общественным нуждам и бедствиям): «*«Любит бо язык (народ) наша и сонмище (синагогу) той созда нам», с такою благодарностью отозвались евреи пред Иисусом Христом о сотнике (Лк.7.5). Такого же благодарного отзыва заслуживает и каждый, кто жертвует от своего состояния местному обществу или всему отечеству во время их особенных нужд и бедствий,— жертвует не в видах гласности и награды, а по сознанию своего долга и бескорыстно. Но много бывает совершенно равнодушных к общественным нуждам, особенно из капиталистов. Так для иного не составило бы никакого обременения построить училищный дом в своем месте или провести мост через реку, который, между прочим, облегчил бы народ собираться в церковь (не нужно было бы далеко обходить кругом, или основать богадельню для беспомощных, престарелых и т. под.: но он ничего не хочет сделать по своей холодности к положению бедных своих односельцев. Другой по какой либо досаде на своих сограждан и по своему нраву жертвует совсем не то, что могло бы облегчить их, но на предметы второстепенные, или терпящее отлагательства, притом—жертвует так, что со стороны общества еще требуется дополнительный сбор к его пожертвованию. Третий, переселившись из деревни, где родился, в город или в столицу, здесь по подпискам и из уважения к предлагающим подписки жертвует на что либо целые тысячи: а для своей деревни, которая сгорала или потерпела от наводнения, жалеет послать и сотню рублей. Иные нисколько не заботятся, когда соотечественники их голодают в каком либо краю государства вследствие неурожая; равнодушны, если голодают даже и душевным голодом, как например, в тюрьмах за неимением там библиотек для чтения, хотя удовлетворить последнему голоду нужно уже в духе более христианской милостыни, чем гражданской благотворительности, и хотя эта умнейшая милостыня требует самых небольших затрат. Надобно помнить, что всеми частными пожертвованиями на общественные нужды облегчается и правительство, у которого вообще такое множество потребностей и расходов. Как сказано у апостола Павла о частных милостынях, облегчающих церковь, от которой в древности питались бедные: «да не отяготится церковь» (1Тим.5,16), так надобно сказать на сей раз и о государственной казне».*

Ссоры и оскорбления между родными людьми

Непочтительное обхождение с родителями, укоры и злословие их

Следующие действия гнева — злословие. К сожалению, многим из нас могут признаться, что они грубо относятся или относились к своим родителям, укоряли и обвиняли их в чем-либо и т.п. Приведем различные грехи злословия на родителей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: грубое обхождение с родителями, укоры им и злословие их): «Грех, встречая или провожая у себя отца—мать, даже не встать перед ними на ноги по гордости. Грех отвечать им колко, с криком, с насмешливой улыбкой или в насмешливом тоне. Грех без всякой нужды противоречить им. ...Грех делать родителям укоризны за их недостатки, и с одною только целью завинить их, без искреннего намерения послужить к исправлению их от этих недостатков, между тем как они терпели же

слабости самих детей, были же снисходительны к детям, когда дети в отрочестве досаждали им своим упрямством или шалостями. Грех подобным образом укорять родителей за случаи их забвения или за неосновательные в чем либо рассуждения или за странности какие, что легко встречается в них тогда, как они оскудеют памятью и даже разумом своим (Сир.3,13). Грех осуждать их или переговаривать в своем семейном кругу, между братьями и сестрами. Грех особенно упрекать их напрасно, например, в скупости на одежду для детей, между тем как для больших обнов детям они не имеют средств, не говоря уже о том, что каждое и малое сбережение, которое осталось бы от них, пошло бы детям же. Грех особенно укорять родителей в духовных делах их: например, в богомолье, в милостынях, когда по поводу этих дел посторонние лица (мир) глумятся над ними и ропщут на них. Все эти виды непочтительного обхождения с родителями отнюдь не мелочь, и не извиняются со стороны детей ни близостью или короткостью отношений к ним отца—матери, ни малою развитостью родителей, ни такою надеждою, будто добрые родители не взыщут за грубость с единственного, может быть, сына или дочери. А также нечего оправдывать свою неласковость угрюмостью и молчаливостью самих родителей: например под старость лет родителям и свойственно быть угрюмыми или молчаливыми вследствие забот, болезней, огорчений в жизни; а зачем же молодым-то детям смотреть на это и платить в отношении к родителям намеренно тою же монетою?—Наконец, когда грубое обхождение с родителями доходит до ругательных слов, прямо в глаза или заочно (у иных с скверною матернею бранью или только в присутствии других—малых детей их); когда сын или дочь, по примеру Хама, посмеиваются над родителями в том или другом положении их, когда порочат родителей пред посторонними лицами или в постороннем доме, разглашая об них худые вести;—тогда припоминается древний закон: «иже злословит отца своего или мать свою, смертью да умрет» (Исх.21,16),—закон, который и в Новом Завете повторил Господь Иисус Христос (Мф.15,4). За это самое «погаснет светильник среди глубокой тьмы», т. е. дерзкий сын будет жить как в непроходимой темноте, нигде не найдет себе счастья (Притч.20,20). И так горе дерзким детям!».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Особенно страшно нам, христианам, не чтить родителей: вот нагрубим родителям, нашьвыряемся с раздражением всякими дерзкими словами и уйдем в храм, да еще в сердцах дверью на прощанье стукнем... Зачем пошли в храм? Думаете, наши молитвы и жертвы примет Господь? Нет! Не обольщайтесь! От таковых Бог не принимает ни молитв, ни жертв».

Феофан Затворник (Начертание христианского нравоучения): «Чествуя родителей в сердце, будешь всячески остерегаться оскорбить их словами и поступками. Кто нечаянно их оскорбил, зашел далеко; кто же сделал это сознательно и в недобрых движениях сердца, тот зашел еще далее. Оскорбление родителей очень опасно. Близ него предание сатане, по тайной некоторой связи. Затмивший чествование родителей в сердце сам только отделился от них, а оскорбивший их может отделить от себя и родителей. Но коль скоро сие случится, отрезанный поступает под видимое владычество другого отца, отца лжи и всякого зла. Если это не со всяким оскорбителем случится, то тут Божие снисхождение и покров. Во всяком случае опасно оскорбление, не только бесчестно и неразумно. Потому-то всегда должно спешить восстановить здесь мир и любовь, нарушенные через оскорбление, чем бы то ни было. Остерегаясь от оскорблений личных, надо удерживаться от оскорблений лица родительского и пред другими — словами поносными, или злословием и хулою. Кто уже и вон понес неуважение, тот стоит на краю зла. Чтящий родителей будет всячески заботиться и поведением своим радовать их и пред другими святить их, величать и всячески защищать от неправд и осуждений».

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Немоление со своей стороны о родителях и произношение на них самих проклятий): «Что же до отцепроклития, то оно свойственно только самому злому сыну: «чадо зло клянет отца, и матери не благословит» (Притч.30,11). Оно показывает в сыне или дочери даже чудовище злости и, без сомнения, не имеет своей силы, а обращается на голову того же, кто произносит его».

Ссоры и оскорбления между супругами

Многие из нас знают на собственном опыте, как наша жизнь с близкими напоминает поле битвы, где близкий становится нам врагом и мы готовы его унижить, оскорбить и пожелать ему зла. Здесь следует сказать, что часто врагов мы создаем сами, в то время как никто ни на что реально не посягает. Это только самоугодие другого желает, чтобы было так, как ему удобно, а наше самоугодие так же желает, чтобы нам было удобно. А т.к. каждый желает своего, то в этих точках несовпадения появляется вражда.

Как правило, ссора начинается с недовольства одного человека и потом второй уже втягивается в состояние вражды. Ниже будет приведено учение, когда раздор начинается с жены, но похожее можно сказать и о мужьях.

Нравственное Богословие (Грехи против 7-ой заповеди, грех - усиление каждый раз раздора с мужем (или женой)): «Это (раздор) бывает, когда жена: 1) не хочет смолчать перед мужем на его справедливое замечание или когда отвечает на его колкости (допустим его вину) новыми колкостями (неуступчивость); 2) в другое время молчит по целым дням, не садится вместе с ним обедать, чувствуя какую-либо обиду или опять огорчившись только справедливым взысканием его (тупое упорство); 3) делает ему наперекор там, где нет никакой нужды противоречить и не представляется никакого вреда сделать по его желанию; 4) никогда не хочет сознаться перед ним в своей вине, всегда остается недовольна своею участью в супружеской жизни; 5) если же муж хочет доказать ей виновность ее, убедить ее в чем-либо, тем более спорит, припоминает старое и упрекает его старым, словом — от вразумлений и увещаний не только не смягчается, напротив еще более ожесточается; 6) сама допустив какую вину, сама наговорив или сделав обидное мужу, прибегает к слезам и считает себя угнетенною, между тем как муж и не думал угнетать ее; 7) не хочет приготовить по желанию мужа или к урочному часу все нужное для него после трудов и т. п. После нарушения мира с Богом раздор супружеский есть первое зло: потому что ни с кем из людей недорог так мир, как у мужа с женой. Потрясите основание дома, и весь дом буде разрушаться. Так и в супружестве любовь и согласие — основание всему. От раздора здесь происходят вред здоровью, расстройство духа, потеря сна. Этот раздор отзывается неприятно и со вредом на всем доме, например, на прислуге. Следы его муж носит с собою везде: дух его отражается и на делах по службе мужа, на отношениях к другим в общегитии. Но и опять тяжело возвратиться мужу домой, где ожидают его или только упорное молчание жены, оскорбившейся ничтожным чем, или злой крик, брань ее. Тогда припоминаются слова, сказанные в сильной горести мужа: «лучше жить со львом, нежели со злою женою» (Сир.25,18). Наконец, раздор супружеский тяжел с духовной стороны, потому что препятствует молитве. Апостол Петр, сам имевший жену, после наставления благоразумно обращаться с женами, говорит: «дабы не было вам препятствия в молитвах» (1Петр.3.7.). Когда жена раздражает своего мужа, когда на одно слово его отвечает десятью, когда одной минуты или одного слова со стороны мужа не по ее сердцу достаточно, чтоб из тихого и доброго состояния духа перейти ей к гневу и укорам: тогда оба они непокойны. В таком случае сколько бы они ни молились,— молитва их будет малополезна, если не совсем напрасно: молятся они, а сердца их кипят гневом. Или хотел бы муж обратиться умиленным духом к Богу, а враждующая жена на глазах и таким образом сердце его смущается. Другой человек, с которым произошла размолвка, далек от глаз и легко забывается: а здесь напоминание о раздоре ежеминутное. О, добрая—добрая жена! Положи себе правилом: тотчас прекращать начинающийся или последовавший раздор с мужем. Наделенная от природы мягким сердцем, ты первая, после своей ли вины или обиды со стороны мужа, — первая произноси к нему мягкое слово. Муж великодушен и незлопамятен: он тотчас смягчится к тебе. Не накликай сама на себя неприятностей и страданий своею нетерпеливостью и упрямством. Будь во время молчаливою перед мужем, и—тогда муж увидит в тебе дар Господень (Сир.26,17). Будь вместо дерзкой - стыдливою, и тогда благословение на благословение сознает он чрез тебя (Сир.26,18). (Так именно и поступали все умные и святые жены со своими мужьями. Например, мать бл. Августина (Моника) имела у себя мужа вспыльчивого, и притом худой нравственности; но

никогда не противоречила ему, если он выходил из себя,— не противоречила ему ни словом ни делом. О пороках его, особенно о неверности супружеской, она не заводила речи. Когда же муж ее приходил в спокойное состояние духа, тогда она старалась подействовать на него кроткими советами, представляя ему вины его. Другие близкие к ней жены удивлялись, не могли понять, что это за секрет у нее в обхождении с мужем, чем это она так успешно побеждает горячего мужа, между тем как у них остаются знаки на лицах от грубого обращения с ними мужей, которые по-видимому и более мягки своим характером. И она указывала им только на своевременное покорное молчание и на своевременную же настойчивую речь пред мужем. (Испов. Август, кн. IX гл. 9). - У Авигеи был муж злой и неумный, как показывало и самое имя его (Навал-безумный): но она умела и пред другими заглаживать следы его злого нрава и его самого укрощать. Например, раз он был сильно не трезв, а нужно было сообщить ему весьма неприятную весть по поводу его худых поступков. И что же? Нетрезвому она не сказала ни одного слова, ни большого, ни малого, но выполнила все уже на следующее утро (1Цар.25,36-37)».

Если во время ссор происходят оскорбления, то святые отцы дают советы, например, как должен вести себя муж, когда жена оскорбляет его.

Иоанн Златоуст (т.9, беседа 15): «Нет ничего постыднее гнева; ничего бесчестнее, ничего ужаснее, ничего неприятнее, ничего вреднее его. Говорю это не к тому, чтобы мы были кротки только в отношении к мужам, но чтобы ты терпел, если бы и жена досаждала тебе словами. Пусть и жена будет для тебя поприщем борьбы и училищем. Не безумно ли заниматься упражнениями, не приносящими никакой пользы и даже изнуряющими тело, а дом свой не делать училищем, которое доставляет нам венец прежде подвигов? Жена оскорбляет тебя? Не будь сам женщиной; ведь оскорблять свойственно женщине; это – болезнь души, порок. Не сочти бесчестным для себя, когда жена оскорбит тебя. Бесчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любомудрствует; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вред; если же ты, будучи оскорбляем, терпишь, то это – великое доказательство твоей силы. Говорю это не к тому, чтобы расположить женщин к нанесению обид, – да не будет! – но к тому, чтоб, если бы когда и случилось это по наущению сатанинскому, то вы терпели бы. Мужам, как сильным, свойственно переносить (обиды от) слабых. Если и слуга будет противоречить, ты перенеси с любомудрием; не то, чего он заслужил от тебя, говори и делай, но – что тебе нужно говорить и делать. Никогда, в оскорбление девицы, не произноси срамного слова; никогда не называй раба подлым, потому что этим ты унижаешь не его, а себя».

Далее. Предметом споров и оскорблений могут быть не только личностные качества супругов или их поступки, но и вера одного из супругов.

Нравственное Богословие (Грехи против 7-ой заповеди, грех - супружеская вражда из-за религиозного направления): ««Враги человеку – домашние его» (Мф.10,36). Эта вражда несправедлива. При единстве плоти муж и жена, однако, имеют каждый свою душу, свою свободу. Что же им гневаться-зlobиться, если один или одна из них любит духовное, божественное? Уже и то худо, что нет подражания доброму примеру: а тут еще притеснение, упреки на каждом шагу «монахом, богомолкой». Как же в других-то случаях защищается и уважается свобода, а здесь ей нет хода? Своими, а не чужими, силами тела и духа трудится для спасения муж или жена: за что же быть недовольным другому лицу? Нет; хоть бы и болели у мужа ноги от долгого стояния на молитве, хоть бы он мало ел или не питался мясом (известны такие примеры между престарелыми супругами), жене нечего в таком случае скучать: жизнь ее мужа еще более продлится от душеспасительных подвигов его. Но если религиозность касается чего либо общего мужу и жене, т.е. если она, проявляясь вне, сопровождается затратою капитала, пожертвованием вещей или хозяйственных каких запасов, например, муж заводит и украшает иконы, отделил в своем доме особое помещение для приема странников, в другом же месте—жена любит наделять пособиями сирот, делает частые заказы о каких либо службах в церкви: то и в этих случаях супружеская вражда несправедлива. Прежде всего муж, как сам приобретатель своего состояния, без сомнения, не может быть упрекаем и удерживаем в расходах, которых желает его добрая душа, для которых он имеет и вновь дополняет средства

своими трудами и заботами. Говорит: «но в доме оставалось бы все то, что он жертвует на церкви, духовенству, миссиям, на монахов, в богоугодные заведения или в тюрьмы». Пусть так. Но эти остатки не опять ли пошли бы на роскошь в доме, которой и без того много? не опять ли они были бы на тунеядство членам семьи? «Все раздает другим, и жене семейству ничего не оставит». И не отдает всего: между тем устрояет вечное спасение своей души, ради которого как цели этих пожертвований, следует сделать ему всякую уступку, нужно отнестись к нему с полным уважением. «Бесполезно ему совсем тратить деньги на монастыри, на приюты, на духовные книги и библиотеки». А веселиться «и каждый день пиршествовать блистательно» (Лк.16,19) или же скопить богатство до слов: «разорю житницы мои» (Лк.12,18),—разве это польза, разве не это-то составляет погибель вечную? «Лучше бы на что другое жертвовать, а не на церкви и бедным». Но не слышалась ли бы такая речь и о других пожертвованиях, т.е. будто тоже излишних и бесполезных, если б они были?—Затем, и жене принадлежит же доля в приобретениях мужа. Таким образом, она может независимо от мужа подавать милостыню и делать другие пожертвования и расходы для удовлетворения своих религиозных чувств. На этот раз и тайность расхода с ее стороны не составляет хищения или кражи, хотя лучше не прибегать к тайности.—Вражда в супружестве из-за духовного направления неразумная и неблагородная. Не слишком ли странно это в жене: умного и набожного человека все умные же и благонамеренные люди ценят и уважают; иные даже за находку считают пользоваться его дружеством: а жена недовольна им и во всем доме возбуждает против него вражду! Злоупотребляя его христианскою терпеливостью, не опасаясь за такие крутые меры взыскания, какие можно было бы встретить со стороны мужа с иным—светским направлением, она оскорбляет его, и наедине и при других! Какая неблагодарность и жестокость! Или не странно ли это в ином муже: богобоязненная жена—самое верное лицо ему и составляет его честь, между тем он не ценит ее и презирает ее! Видя в строгой жизни ее укоризну себе, развращенный или только холодный к религии муж ненавидит ее, по крайней мере смотрит на нее как на что-то жалкое, неразумное или отжившее свой век. И так супружеская религиозная вражда неосновательна во всех отношениях и есть грех. Пусть то лицо, которое выносит ее, еще более возвышается своим духом от угнетений: но как же жестоко например, самому мужу быть гонителем своей жены (Диоклитиан и замучил свою жену, царицу Александру)!—О, супруги-супруги, враждующие между собой из-за религиозного направления! Поверьте, что если б вы были одинаково набожны, то жизнь ваша и еще во сто раз была бы любезнее. Набожному мужу, например, ни одна сторона не желается столько в жене, как набожность; потому что и вообще набожное женское лицо к себе привлекает. Лучше сочувствуйте же друг другу в набожности, а не враждайте за нее. Нисколько не стесняйтесь и выражать ее друг пред другом. Пусть например, утром один из вас еще остается в постели, а другой у изголовья самой постели творить молитву на коленях! »

Также распространенным явлением есть разглашение пред другими людьми семейных разногласий. И это грех.

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповеди, грех-разглашение пред другими своих супружеских несогласий): «Обратимся прежде к стороне более нетерпеливой и малодушной, к жене. Вот жена приносит пред другими жалобу или только ропщет на своего мужа. Что же муж? Когда он услышит об этих жалобах, еще хуже сам будет очевидцем их: начинает защищаться, старается оградить свое право обладания над женою. Искра несогласия может быть уже близка была к тому, чтоб потухнуть: а гласностью она раздувается. Чего же собственно желала жена? Она желала показать вину своего мужа, думала найти против него защиту: между тем муж приходит еще в больший гнев против нее. Кроме того, она ссорит его в это время и с другими, которые принимают ее сторону, и эта ссора так же особенно нежелательна; потому что первые, которые естественно принимают ее сторону, это ее родители, а его тестя, т.е. лица, имеющие над ним родительская права. А что, если она сама во всем виновна, если только одна нетерпеливость ее, одни капризы ее, причиной огорчений ей со стороны мужа? (А на практике, как хотите, так-то больше и бывает). Что же тогда? В таком случае муж, будь и великодушен очень, может потерять к ней терпение. И пусть бы еще

напрасные жалобы ее, оскорбительные упреки происходили наедине, с видимым старанием скрыть все это от других: тогда муж скорее бы перенес и умереннее доказал бы неосновательность жалоб. Но гласность этих жалоб и неудовольствий, но старание высказать их громко, по крайней мере, без осторожности, так что не могут не услышать их или, не заметить посторонние лица, все это решительно уменьшает кредит доверия к жене».

Рукоприкладство

Следующим тяжким грехом злобы является рукоприкладство. Как правило, оно чаще происходит при вспышке гнева, но бывает и обдуманным. Но и в том, и в другом случае человеком движет ненависть и злоба.

Поднятие руки на родителей

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: поднятие рук на родителей): ««Иже бьет отца своего или мать свою, смертью да умрет» (Исх.21,15). И эта казнь над буйным сыном (побиение камнями) по закону Моисееву совершалась торжественно, всеми теми лицами, которые были в народном собрании (Втор.21,27.16)). Действительно, бить родителей это – необыкновенная дерзость, пусть будет она допущена и не в полном сознании, например в нетрезвом виде или в справедливом гневе, например, когда отец и мать будут «взяты» в постыднейшем деле (Иоанн.8,3). По церковным законам отцебийца подлежит епитимии даже и в том случае, если б обиженные родители простили его (Номокан., пр.128). А был в древности такой закон: «аще двинет древо и ударит (отца—мать), да отсечена будет рука его» (там же). Вообще сказать: Божий закон строго заступает за обижаемых родителей. Родители, когда терпят оскорбления и обиды от дерзких сына или дочери, и знают, что эти вины против них не пройдут даром, безнаказанно для их детей. Но это-то сознание приносит новую скорбь их жалостливому сердцу. Как бы не вразумиться такою их терпеливостью и добротою грубому сыну или непочтительной дочери? Но грубые дети не вразумляются... Истинная жалость!».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди, заповедь 5): «Вот вам пример, происшедший во дни преподобного Александра Свирского. На освящении одного храма во имя Святой Троицы, преподобный после молебна собирал от богомольцев жертвы на храм. Один крестьянин, по имени Григорий, тоже хотел подать от себя что-то. Но преподобный не принял жертвы. Два или три раза пытался Григорий положить свой дар в епитрахиль преподобного. Но прозорливый старец сначала молча отталкивал его руку и наконец сказал: "Рука твоя смердит, ты бил ею мать свою и тем навлек на себя гнев Божий". "Что же мне делать?" – спросил Григорий. "Ступай, испроси прощения у матери своей и впредь не смей оскорблять ее". Этот совет пригоден для всех детей, которые грубым, непочтительным обхождением имели несчастье оскорбить своих родителей. Слышите? Оскорблять родителей – это величайшее несчастье для нас! Господи, прости нас, грешных!».

Рукоприкладство среди супругов

К сожалению, в некоторых христианских семьях еще существует рукоприкладство, не говоря уже о мирских семьях, в которых вообще существует кощунственная поговорка: «если бьет, значит любит». Упаси нас, Господи, от такого извращения заповедей о любви!

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповеди, грех – жестокие побои жены): ««Мужья не будьте суровы к женам» (Колос.3,19). Если жена и виновата, если она ведет себя в

чем либо слабо или чем либо крайне досаждают: доходить до побоев ее худое дело. Кто прибегает к побоям, тот уже не оставляет в запас никаких других средств к исправлению слабой или злой жены: это последняя, с его стороны, мера. Но, вместе с тем, эта мера неверная: побои более ожесточают жену и скорее унижат ее в глазах ее самой, чем исправят; суровостью и жестокостью не исправишь жены, особенно от увлечения, например, от неверности (демон не изгоняет демона). А как же эта мера несообразна с таинственным значением христианского брака! Муж глава жены, как и Христос глава Церкви. Но некогда Церковь (т.е. люди) была же порочна и казалась неисправимою: однако Христос не обращался к насилию или чрезвычайным казням для нее, но старался пересоздать ее, исправить и простил все ее вины. Свои заботы об исправлении Церкви, об ее святости и непорочности, Господь показал даже до того что «Себе предаде за ню». Если же жена и неисправима в своих пороках или в злом характере: нужно смотреть на это, как на особенный «крест» в жизни, а не истязать ее. Впрочем, всего чаще побои вызывает не жена своим поведением или грубым характером, а сам муж нападает на нее по поводу собственной какой либо вины. Вот например, жена в горести своей упрекает его развратною жизнью: а он ударяет ее. Жена или не может ничего дать ему на вино для удовлетворения его страсти или не желает дать: а он требует непременно, чтоб нашла и дала ему денег, и бьет ее за то только, что она не имеет денег или же удерживается дать. Спросят: «не виновна ли в самом деле жена в упорстве пред мужем в этих случаях?» Нет, она не упорствует пред мужем, а только не хочет быть участницей его пороков, противницей закону Божию. Значит вины ее в этом случае нет. Вообще муж, бьющий или истязующий свою жену, уже не друг ее жизни, не своя она ему в таком случае и не составляет для него собственной плоти, которую бы он естественно должен был питать и греть (Ефс.5,29). Какое после этого унижение для обеих сторон! какое безнаказанное самовластие мужа! Муж — бийца поступает не лучше того слуги, который ниже всех в доме и которого никто не боится, но который имеет у себя в распоряжении одно только живое творение (например, лошадь), и на этом-то творении вымещает всякую досаду свою. Пусть муж преобладает над женой грубою (физическою) силою; пусть жена слабее его. Но эта слабость должна бы побуждать его к защите жены, а не быть поводом к жестокому и зверскому притеснению ее (Св.Златоуст, действительно, зверским логовищем изображает тот дом, где муж бьет свою жену, как зверь пожирает свою добычу, откуда вопли жены разносятся по улице и обращают на себя внимание и соседей, и прохожих). Не для того же молодая, например, жена оставила отца—мать и все родство, чтоб терпеть одни оскорбления от мужа. —О, благоразумный муж! помни, что жена столько же по своей природе и чувствительна, восприимчива к огорчениям и обидам, какие сделают ей, сколько способна быть любящей и преданной, когда обращаются с ней дружелюбно. И так будь осторожен, чтоб не вооружить ее против себя жестокостями. Тогда трудно будет для тебя восстановить дружелюбные отношения ее к тебе!».

Умышленные убийства

Вот мы и дошли до последней ступени гнева, злобы, злопамятства и мести — умышленному убийству. (В первой главе мы говорили о неумышленном убийстве, случающемся при вспышке гнева)

Вполне понятно, что человек, замысливающий убийство другого человека, весь наполнен злобой, ненавистью, коварством, при чем это может быть с желанием мести, так и без него. Упаси нас, Господи, от таких состояний!

О покушении на убийство

Как мы знаем, умышленное убийство может быть исполнено, но может и не исполнено, т.к. после покушения человек остался жив. Но мы сейчас рассматриваем не исход дела, а то, на что готов человек, когда охвачен злом. Поэтому скажем и о таком явлении как покушение на убийство.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: покушение на чью либо жизнь, не исполнившееся только от случайных препятствий): «Иудеи «совещаша, да и Лазаря убьют» (Ин.12,10), а также «стрежаха» апостола Павла «врат день и ночь, яко да убьют его» (Деян.9,24). Вообще покушением в настоящем случае нужно считать убийство начатое, но не выполненное. (Приготовление же к убийству, состоящее например, в приискании орудий, не составляет вполне и покушения; потому что взятые орудия и другие приспособления к убийству могут быть употреблены человеком и на иной предмет; потому что и после приготовления средств к убийству человек может отказаться от самого преступления. Иное покушение бывает «вполне оконченным», когда т. е. убийца сделал со своей стороны все, чтоб лишить человека жизни, но человек между тем остался жив от неожиданных причин; например, если приемы поданного яда оказались для него слабыми по его телосложению или же тотчас и нечаянно уничтожены в нем сильным противоядием; если он оставлен убийцею в покое потому лишь, что признан уже умершим: и зверь отходит от своей жертвы, которую растерзал, если не видит движения и дыхания в своей жертве. В этом случае вполне выразилась злая воля преступника, так что, если б он думал и остановить вредные последствия от своего злодеяния, не в силах уже был бы остановить. Человек, обреченный им на смерть, остался в живых по особенной милости Божией независимо от его воли и без предусмотрения с его стороны. Посему такое покушение на убийство достигает смысла оконченного преступления, хотя убийства на самом деле еще не случилось. Вина греха несколько смягчается на суде христианской совести из внимания к тому же обстоятельству, что тут оказана милость Божия, если не к самому убийце за какие либо его добрые расположения или дела пред Богом, то исключительно к его жертве. Иное же покушение к убийству бывает только лишь «начатым»; например, неразумная женщина примешала отраву к пище для соперника своей связи и, увидев бездействие этой меры, остановилась и не захотела больше не предпринимать ничего. В этом покушении злая воля не вполне обнаружилась и человек сам останавливается от преступления, да еще и не в позднее время; нельзя о нем и со стороны сказать, что он непременно довершил бы преступление. Но все же этот человек на некоторое время убийца. Одно то смягчает его вину, что он не пошел против воли Божьей, что в чувстве веры понял, как все намерения его совершить преступление разрушаются Самим Богом. (Как же он должен прославлять милосердие Божие во всю жизнь свою!) Наконец, иногда покушение на убийство бывает совсем не начатым, или «не обнаруженным во внешнем действии; например, человек, которого предположено было лишить жизни, не пришел в известный час или на известное место, или же броситься на него попрепятствовали посторонние лица. Но еще гражданский закон может не преследовать этого покушения, разве будет только предпринимать против него меры, так как человек, раз имевший убийственные мысли, в близком к этому времени может возобновить их и вторично. ... Законы гражданские преследуют внешние злодеяния, а христианский—и внутренние злые расположения, что первые действуют на целое общество и государство и пресекают зло страхом наказания, а последний трогает совесть и обращается к каждой верующей душе».

Повторное убийство

Более тяжким грехом, чем неумышленное и одно умышленное убийство является грех повторного убийства, который уже говорит о превращении внутреннего человека в зверя.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: повторное убийство): ««И паки иного посла: и того убиша...: и многи ины ...убивающее» (Мрк.12,5). Известно, что совесть ни за один грех не мучит человека столько, как за человекоубийство. Убийцею и испытаны это угрызания совести; он был отвратителен самому себе, как «стения и трясыйся»; по

этим мучениям своей совести, которые он может быть старался заглушить в себе то вином, то другими грубыми увеселениями и удовольствиями, должен бы он заключить о силе того наказания, которое ожидает его за грехи убийства в будущей жизни. Но вот он снова решается на тот же грех! Значит он—безжалостный злодей к самому себе. А в отношении к тем, над которыми он совершает новые убийства, и чем больше числом, тем с большими истязаниями и жестокостями,—видим в нем как бы кровожадного зверя или же злого духа, которому только свойственно убивать всякое живое творение. Он и не выражает сожаления к тем, которые погибли от его руки: рассказывая об убийстве их, он дает видеть в себе скорее дальнего зрителя, чем главное действующее лицо. Несомненно, вечная мука ожидает этого человека. Впрочем, Господь Бог «не хочет (вечной) смерти грешника» (Иез.18,13). Так-то, если и душегубец многих прибегнет с верою к Иисусу Христу, Искупителю погибающих грешников; если отдает себя в руки человеческого правосудия, на котором может быть по некоторым данным и предполагают уже в нем, но еще не видят ясно преступника;— если, наконец, будет до самого гроба своего стараться загладить свои преступления подвигами покаяния: то вот будет и он с разбойников «в раю» (Лк.23,43)».

Отцеубийство

К большому сожалению, человек может убить и своих родителей.

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: отцеубийство): «...отцеубийство бывает и прямое, намеренное: тогда оно совершается или тайно, чтоб скорей воспользоваться отцовским наследством, или открыто—по крайней человеческой злости. В последнем случае, действительно, мы видим в нем такое редкое и страшное злодеяние, что во всей библейской истории нет примера его. Есть только пример решимости на отцеубийство; так Авессалом искал жизни своего отца, Давида. Но из этого примера уже ясно заключаем, как страшно карает правосудие Божие за отцеубийство. Авессалом сам скорее погиб, чем погубил своего отца, царя и праведника: стремясь на коне в лесу, он повис длинными своими волосами на сучьях дуба (2Цар.18,10), между небом и землею, как бы в означение того, что его не принимает земля, отвергает и небо. Очевидно, отцеубийство или матереубийство—самая безжалостная жестокость человека и самый вопиющий грех пред Богом. Как желается, чтоб этого греха совсем не было в роде человеческом!»

Детоубийство

Одним из самых противоестественных грехов является грех детоубийства. Он может быть совершен одним из родителей или родственниками во время вспышки ярости при побоях ребенка, а может быть, как спланированное убийство ради своих интересов. Приведем одну историю, о том, как одна женщина, став детоубийцей по злоумышлению, была наказана Божиим гневом.

Луг духовный (бл. И. Мосх, гл. 76): «Вот что еще рассказал нам тот же авва Палладий. Хозяин одного корабля лично передавал ему, что однажды ему нужно было плыть с пассажирами обоего пола. Вышли в море. Между тем как другие корабли благополучно поплыли: одни — в Константинополь, другие — в Александрию, третьи — в иные места и для всех были попутные ветры, мы одни только не могли тронуться в путь и простояли неподвижно на одном месте целых 15 суток. Уныние и даже отчаяние овладели всеми. В особенности я, как хозяин корабля, сокрушался и о судьбе судна, и о пассажирах. И обратился я с молитвою к Богу. И вот однажды слышится мне голос кого-то незримого: «Брось в море Марию — и совершишь благополучно свое плавание!» Долго я размышлял в недоумении: что это значит. Кто такая эта Мария? И вот снова тот же голос: «Я сказал тебе: брось в море Марию — и вы спасетесь!» Среди размышлений об этом я вдруг вскрикнул: «Мария!» Я ведь и не знал никакой Марии.

Женщина, лежавшая на своем ложе, отозвалась на мое восклицание и спросила: «Что тебе надо, господин?» «Сделай милость, подойди сюда!» — сказал я ей. Та встала и подошла. Удалившись от других, я обратился к ней со следующими словами: «Видишь ли, сестра Мария, какой я грешник — и все вы погибнете из-за меня». «Нет, господин мой, это я грешница», — глубоко вздохнув, произнесла она. «Какие же у тебя грехи?» «Увы, нет греха, которого бы я не совершила, и за мои-то грехи и вы все погибнете...». После этого она мне ответила следующее: «Я, государь мой, несчастная, была замужем, и у меня было двое детей: одному исполнилось девять лет, другому — пять. Муж мой скончался, и я осталась вдовой. Неподалеку от меня жил воин, и мне захотелось, чтобы он взял меня в жены. Я сама подсылала к нему кое-кого. Воин ответил: «Я не желаю брать за себя женщину, у которой есть дети от другого мужа». Узнав, что он не желает взять меня за себя из-за детей, но вместе с тем любя его, я, несчастная, зарезала своих детей и объявила ему: «Вот, теперь у меня нет никого!» Узнав о моем поступке с детьми, воин воскликнул: «Жив Господь Бог мой, Иже на небесах! Не возьму я ее за себя!» Испугавшись того, как бы не открылось мое злодеяние, и боясь смерти, я бежала». Выслушав рассказ женщины, я, однако, медлил и не решался бросить ее в море. Дай, думаю, еще сделаю опыт. «Смотри, — говорю ей. — Вот я войду в лодку, и если корабль поплывет — знай, что мои грехи причиной его стоянки». Зову матроса, и говорю ему: «Спусти лодку!» Схожу в лодку — ничего: ни корабль, ни лодка не двигаются с места. Тогда, взойдя на корабль, обращаюсь к женщине: «Сойди-ка ты теперь в лодку». Та исполнила мое требование, и в ту же минуту лодка закружилась и, повернувшись раз пять, пошла ко дну. Между тем, корабль понесся с такой быстротой, что в три дня мы совершили плавание, которое продолжалось обыкновенно пятнадцать дней».

Более мы ничего не будем говорить о таком страшном грехе гнева и ненависти. И избави нас и всех людей, Господи, от такого зла!

Убийство супругов

Для убийств, совершенных мужьями и женами, характерно и убийство при вспышке гнева, и обдуманное убийство. Мужья более убивают при вспышке гнева, а жены по обдуманной мести.

Нравственное Богословие (Грехи против 7-ой заповеди, грех - решимость на жизнь мужа): «Жена превосходит мужа силою чувствований вообще, и в любви особенно. Это верно. Но злоупотребляя силою чувства, она столько же начинает ненавидеть известное лицо, сколько любила его: так точно и в отношении к законному мужу. В чувстве ненависти и мщения на что она не решится, если в душе ее нет веры и страха Божия. И вот отсюда чаще бывают примеры мужеубийств, чем женоубийств! Но так как у жены недостаточно физической (грубой) силы, то является особый способ к умерщвлению мужей. Развратная или злая жена посягает на жизнь своего мужа тайно, посредством отравы. Несчастная! Восставая против жизни своего мужа, она восстает и против самой себя, потому что жизнь мужа и жены должна быть нераздельною. Она и мужеубийца и как бы самоубийца. Ее преступление немного только меньшее отцеубийства, страшнейшего из всех грехов человеческих, и больше детоубийства. Ничто не извиняет ее преступления: ни сговор других злонамеренных людей отравить мужа, ни непонятная будто, бы нелюбовь к мужу, ни побои и притеснения с его стороны. Решаясь совершить преступление, она должна была бы спросить себя: «на чью же жизнь посягает», и естественное чувство устало бы ее. — Итак, горе-горе жене, которая так сгубила своего мужа!».

Мужьям же более свойственно избивание жен, которое может привести к смерти. Особо тяжким грехом является избивание беременной жены.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех - побои беременной женщине, от которых последовали преждевременные роды или самая смерть ее младенца): «Преждевременное рождение младенца большею частью оканчивается и преждевременною смертью. Следовательно, жестокие побои беременной, от которых она преждевременно

разрешилась составляют грех убийства, хоть не только не умышленного, но и очень медленного. Затем, извержение младенца мертвым (выкидыш), по правилам Церкви, вообще признается убийством, т.е. и в том случае, когда бы не было ни чьего злонамеренного насилия матери. Следовательно, мертворожденность прямо от побоев матери есть несомненное убийство. В Ветхом Завете убийца беременной осуждался на смертную казнь, если побои были нанесены во второй период ее беременности, т.е. когда младенец был уже развившийся (Исх.21,22.23). Кроме того бийца виновен и в том, что подвергает опасности жизнь самой матери.—Ты, сердобольный христианин, храни всякую беременную и только от усталости (например, не томи ее пред собой на ногах),—уступи ей всегда дорогу, исполни какую либо просьбу ее к тебе прежде других просителей».

Далее. Одним из частым поводом к избиению и убийству является измена одного из супругов. Всем известны случаи, когда супруг в порыве гнева жестоко избивал или даже убивал неверную жену. Как мы уже сказали, жены же в основном мстят ответной изменой или обдуманным убийством. Поэтому приведем поучение о том, что происходит после того, как раскрыто чье-либо прелюбодеяние.

Дмитрий Ростовский (Летопись, гл. События в 6-ом столетии 4-го тысячелетия): «После того, как прелюбодеяние обнаруживается, следует за сим великий стыд, бесчестие, неукротимая ярость мужа, ложе которого осквернено, гнев собственной жены согрешившего, а также и достойное по праведному суду наказание. ... Ярость того мужа, жена которого вовлечена в прелюбодеяние, чего она не сделает с прелюбодеем? Вопит, бьет, попирает, влечет на судилище, жалуется и просит суда и беспощадной казни для своего врага. Если бы возможно было, он и сам бы растерзал прелюбодея на части; раздробил бы его тело, как пишется в Притчах: "Исполнена ревности ярость мужа ея, не пощадит (прелюбодея) в день суда" (Притч. 6, 34) В это время прелюбодей находится в больших бедствиях, чем вор: «(Вор) будучи пойман, он заплатит всемеро, отдаст все имущество дома своего» (Притч. 6, 31), но прелюбодей несколько не изменит наградою вражды мужа, ложе которого осквернено, и не будет прощен благодаря многим дарам. Ибо всякий человек может быть умолен, когда ему причинена какая-либо обида, но обиженный в супружестве бывает всегда неумолим: скорее прелюбодей умилюстит Бога истинным покаянием и слезами, чем того мужа, с женою которого он прелюбодействовал. Что он воздаст за осквернение жены мужу, когда за сие ничем и никогда невозможно вознаградить? Так же и законная жена, узнав о прелюбодеянии своего мужа, что делает? Плачет, рыдает, в лицо бросает упреки, терзается сердечно ревностью и повреждает свою любовь к мужу. Бывает иногда и то, что иные жены, злобствуя на своих мужей за их прелюбодеяние, и сами отдаются прелюбодеянию, а иные даже убивают своих мужей. Историк Иустин пишет, что киринейский царь Димитрий, брат царя македонского Антигона, погиб от жены своей Вероники, дочери Агиса и Арсиной, погиб именно за то, что прелюбодействовал с тещею своею Арсиной, царицею умершего киринейского царя Агиса. Вероника, узнав о тайно совершаемом беззаконии, некоторое время наблюдала и затем подыскала сильных мужей, убийц. Когда ночью царь скрылся от своей жены и пошел к теще, то жена, ощутив это, взяла с собою подысканных убийц, пошла за ним следом и, найдя мужа на месте преступления, убила его. — Клитемнестра царица, жена греческого царя Агамемнона, когда последний находился в воинских полках, слышала о нем, что он возлюбил некую пленную девицу Хризас и прелюбодействует с нею, пришла в великий гнев и ревность и сама отдалась прелюбодеянию с неким Егистом. Когда Агамемнон с полками возвратился в свой дом и был в бане, Клитемнестра, сговорившись со своим прелюбодеем, убила его. Впоследствии она и сама была убита сыном своим Орестом, мстившим за смерть отца. Вместе с нею был убит и прелюбодей ее Егист. Эгейском море есть остров, называемый Лемносом. На нем есть города и веси. Там в древности случилось следующее событие. Воины, отправившиеся на кораблях с военными целями в ближнюю страну, множество жен и девиц пленили; приведя их в свои дома, они прелюбодействовали с ними, оставив своих жен. Тогда жены, сговорившись все между собою, избили ночью своих мужей — каждая в своем доме убивала спящего мужа с прелюбодейцею. Затем, охваченные яростью, они избили и весь мужской пол на острове, не щадя и сыновей своих. Только спустя много лет они

согласились опять принять с другого места мужей. Вообще в истории имеется много таких примеров, когда ревность жен истребляла из среды живущих на земле различными смертями своих прелюбодействующих мужей. Таково зло воспоследует за прелюбодеянием!»

Пусть же для прелюбодейцев это поучение послужит вразумлением!

Братоубийство

Нравственное Богословие (Грехи против 5-ой заповеди, грех: Предательство беде какой и на самую смерть своего брата или сестры): «...решимость выдать родного брата или сестру прямо на смерть указывает на самые страшные времена в истории человеческой, и, следовательно, на самую страшную вину этого греха; потому что пред концом только мира «предаст же брат брата на смерть» (Мф.10,21). А против непосредственного братского кровопролития припоминается суд Божий первому братоубийце: «изыде Каин от лица Божия... и от лица земли» (Быт.4,16,14), т.е. братоубийца отлучен был и от Церкви и от общества, отвержен и Богом и людьми. Отсюда, или вследствие сознания такой участи за братоубийство, ужасная была наружность братоубийцы: «стения и трясыйся...!». Какие все это страшные преступления, хотя ограждение Богом самого Каина от насильственной смерти со стороны других и не лишает никого надежды быть помилованным за братоубийство!».

Принуждение или подстрекание совершить убийство и согласие или несогласие это сделать

Есть так же и еще один грех убийства, это – подстрекательство или принуждение другого его совершить. Как правило, они происходят от жестокости и злых намерений.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: подстрекательство кого к убийству или самоубийству): «Здесь же видим пособие или сообщество нравственное, умственное. Так дочь Иродиады выразила сильное и твердое желание пред Иродом, чтобы отсечена была голова Крестителя, и царь совершил убийство, о котором вовсе не думал (Мрк.6,22,25,26). Подстрекатель к убийству или самоубийству есть непременно умышленный виновник этих грехов. А главное: здесь он зачинщик (умышленный), и в этом-то смысле бывает виновнее самого убийцы, потому что насилуя чужую волю и совесть, он вовлекает другого в страшный грех. Так, например, подстрекают иного совершить убийство в решительные минуты именем «труса» или же представляют в глазах его нанесенную ему обиду столько тяжкою, что эта обида будто бы стоит мести до крови. Дьявол, соблазнивший наших прародителей ко греху, в котором заключается вина и самоубийства и человекоубийства («смертию умрете» - вот последствие греха), виновнее же согрешил, чем сами Адам и Ева. К числу подстрекателей на убийство и самоубийство принадлежат и те, которые доставляют сведения о том человеке, которого предположено убить, а также дают другому совет, как вернее совершить убийство над этим человеком или над самим собою; еще – похвалить задуманное дело или упрашивать другое лицо (и это сильное побуждение) совершить грех. Но и после совершения убийства или самоубийства могут быть виновные в подстрекательстве. Кто же это? Это те люди, которые защищают на словах или печатно убийц и самоубийц, завыняют исключительного убитого (например, начальника учебного заведения), оправдывают же убийцу (воспитанника в том заведении), а особенно говорят о самоубийцах, которые ныне столько умножились, что в смерти их могут быть побуждения не только низкие (пошлые), но и «благородные». Подобными-то защитами подстрекают и на будущее время убийц и самоубийц к их злодеяниям. (О страшной вине начинателя войн, или тех, которые подают повод к кровопролитной битве, и говорить нечего)».

Далее, в нижеприведенном учении будет рассмотрен вопрос о тех случаях, при которых предлагают или приказывают убить. Вообще, этот вопрос относится к грехам малодушия, но мы все же скажем о нем по связи с контекстом.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Убийство по научению, по приказанию, угрозе и принуждению со стороны другого): ««И сотвориша отроцы (слуги), якоже заповеда им Авессалом» (2Цар.13,28-29). Авессалом же научал слуг убить Амнона. Как в убийстве такого рода, так и в остальных внешних побуждениях к этому преступлению, на которые мы указали,—не достает только личной злости убийцы. А может быть в нем еще было сожаление к личности несчастного, которому он подал отраву или нанес оружием смертельный удар. За то все остальное в его деянии носит характер вольного убийства. «Решается ли кто убить ближнего из-за подкупа деньгами, которые обещаны или уже даны»? Но это показывает еще особенную низость, или подлость, поступка: здесь повторяется пример Иуды, который за деньги продал неповинную кровь. «Склоняется ли иной на преступление таким убеждением своего подговорщика или возбудителя, что последний принимает на себя одного ответственность греха? Но никто не волен освободить другого от ответственности пред Богом за его преступление: тот же Иуда не оправдался тем, что выполнял не собственную волю, а желание иудейских начальников, когда предал им на смерть своего Учителя. «Встретил ли другой с убеждением и приказанием совершить убийство? Убеждение, действительно, имеет большую связь с приказанием. Но как бы ни был силен тот, кто приказывает, — силен влиянием или по природе, например, дядя, или по власти, например, начальник: тяжесть поступка, к которому относилось приказание, должна была остановить и от мысли на него; потому что жизнь человека, не жизнь малого насекомого, на которую легко можно решиться. Притом, все же это было влияние или принуждение только душевное (психическое), которому в настоящем случае легче было воспротивиться, чем внешнему. «Угрожал ли подговаривающий к убийству смертью тому самому, которого принуждал совершить преступление?» Угроза здесь не уничтожает вменяемости греха. К кому произносилась она,— тот имел же разум и волю и в то самое время. Затем, злодеяние, к которому он был принуждаем, было такого рода, что уже не оставалось никакой возможности поправить дело. Таким образом, он должен был бы воспротивиться этому злодеянию, не смотря ни на какие угрозы. Если б пред ним стоял человек с заряженным ружьем и требовал от него совершить другое какое преступление, например, похитить бы чужого младенца: тогда угрозою еще можно было бы оправдываться; потому что в таком случае еще не было бы окончательного злодеяния, еще злодеяние могло бы быть исправлено в последующем времени. А в требовании убийства был поставлен вопрос или о жизни или о смерти ближнего. В этом-то самая очевидная опасность для собственной жизни не извиняет того, кто, положим, и никак не желал совершить человекоубийство над невинным, но спасая свою жизнь совершил его потому что сказано: «больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други» (Ин.15,13). Присоединился ли к угрозе от принудителя и собственный порыв душевный к убийству?» Порыв здесь ни сколько не может затмевать сознания и памяти, как он затмевает сознание в других обстоятельствах. Ведение преступности дела было раньше, до совершения его: лишить человека жизни—это дело такое, которое нечего обдумывать со стороны вопроса: грех ли это и как велик грех? Таким образом, если и совсем не было времени обдумать преступление,—необдуманность его и отсюда порыв душевный ничего не значат в смысле вменяемости его: случается ведь и напротив,—обдумают преступление, а совершают его не хладнокровно, а в порыве.—Наконец, было ли употреблено «принуждение к человекоубийству и внешнее (физическое)?» Принуждение такого рода тогда только уничтожает вину греха, когда сила того человека, который принуждая, превосходит силы принуждаемого и когда принуждаемый был как бы мертвым орудием его; например, если б какой либо силач взял мою руку и моею то рукою ударил до смерти другого, то тут, конечно, не было бы моей вины. Но где же слышны подобные случаи принуждения к убийству?—Чтоб тебе, читатель, не быть поставленным в таких опасных обстоятельствах к решимости на страшный грех человекоубийства,—избегай всякого сближения с людьми злыми и порочными».

О Церковных наказаниях убийц и их покаянии

Какие епитимии назначает церковь за убийства?

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: умышленное убийство): «По церковным законам намеренные убийцы в древности были лишаемы Св. Причастия во всю жизнь (Анк.22); по правилам позднейшим назначается им епитимия не менее 15 лет (Василий Великий, пр.56, и Григорий Нисский п.5). Итак, убийство, совершенное с обдуманном заранее планом во всех отношениях страшный, тяжко-ответственный пред Богом грех. Им нарушаются все законы,—и церковный и гражданский и естественный. Оно ничем не может быть оправдано. Фанатизм религиозный, как например, у раскольников, тоже несколько не извиняет его.—О, когда же люди остановятся от этого ужасного преступления! Когда же не будет слышно более на свете человекоубийств! Тогда, христианин, — когда люди будут глубокими христианами, как вот в среде первых христиан и не было этого преступления (например, у апостола Павла много посланий, но не встречаем там обличений кого либо в убийстве (Рим.1.29, Гал.5,21)».

Хотя убийство это страшный грех, но при искреннем раскаянии и изменении своей жизни, Господь прощает и убийц. Но были случаи, когда человек чувствовал прощение Божие, но человек еще долго внутренне мучается.

Луг духовный (гл.166): «Авва Савватий говорил нам: «Когда я жил в лавре аввы Фирмина, пришел разбойник к авве Зосиме киликиянину и стал просить старца: «Окажи мне милость ради Бога! Я совершил много убийств... Сделай меня иноком, чтобы я мог отстать от злых дел». Старец, наставив его, сделал иноком и облек в ангельский чин. Спустя немного времени старец сказал ему: «Поверь мне, чадо, тебе нельзя оставаться здесь. Если начальник узнает о тебе, возьмет тебя; точно так же и враги твои постараются умертвить тебя. Послушайся меня, и я отведу тебя в другую киновию, подальше отсюда». И отвел его в киновию аввы Дорофея, что близ Газы и Маиума. Девять лет прожил он там, изучил псалтирь и весь монашеский устав. Но вот он снова идет в монастырь аввы Фирмина к принявшему его старцу и говорит ему: «Честный отче, сделай милость — возврати мне мирские одежды и возьми обратно иноческие» «Зачем же, чадо?» — спросил опечаленный старец. «Вот уже девять лет, как тебе хорошо известно, я провел в монастыре, постился, сколько было силы у меня, воздерживался и жил в послушании, в безмолвии и страхе Божиим, и я хорошо знаю что, благость Божия простила мне много злодеяний... Но вот я ежедневно вижу пред очами мальчика, говорящего мне: «Зачем ты убил меня?» Я вижу его и во сне, и в церкви, и в трапезе, слышу его голос, и нет у меня ни одного часа спокойствия... Вот почему, отче, я хочу идти, чтобы умереть за мальчика... Совсем напрасно я убил его...» Взяв свою одежду и надев ее, он ушел из лавры и прибыл в Диосполис, где был схвачен и на другой день обезглавлен».

О правильном понимании заповеди «Не убий»

Далее скажем о том, что некоторые из нас думают, что они никогда не нарушали заповедь: «Не убий». Но вот, что об этом говорят святые и современный подвижник (хотя некоторые случаи и не относятся к страсти гнева, но мы все равно их приведем).

Платон Митр. Московский (Краткий катехизис, т.6): «Вопрос: Чему учит шестая заповедь? Ответ: Шестая заповедь требует, чтоб мы ближнему своему никакой не делали обиды, ни чрез самих себя, ни чрез других, ни делом, ни мыслию, но паче от всякого вреда оберегали бы. Вопрос: Кто грешит против сей заповеди? Ответ: 1) Которые убивают человека или боем, или оружием, или давлением, или утоплением, или отравой, или порчею, или каким ни есть другим образом. В сем же числе считаются должны поединки, кулачные бои, измены, бунты, войны несправедливые. Да и тот за человекоубийцу от Бога почитается, который хотя и не убил, однако убить имел намерение. 2) Которые к убийству, или к какому-нибудь вреду подают совет, или случай, или вспомоществование. 3) Неправедные судии, кои по мздоимству, или по сродству, или по ласкательству, или от страха повинного оправдают, а неповинного осуждают.

Такие судии несноснее других человекоубийц, потому, что предаются правда от них, у которых она особенно должна бы иметь свое убежище. 4) Которые до убийства, или до вреда допускают, а имеют силы и случай не допустить. Например: знают худой умысел, а не доносят, или воров у себя скрывают, или видят драку, а не разнимают, или пожар не тушат, или утопающему не подают помощи, или человека в отчаяние впадшего не уговаривают, и от худых умыслов не отводят, или будучи в довольстве попускают бедным умереть с голоду, или с холоду, или видят других болезнями страждущих, и могут им помочь, но не помогают, и прочими подобными образы. 5) Господа, которые своих подданных тяжкими отягощают работами, или увечат жестокими наказаниями. 6) Самоубийцы. Сею же заповедью запрещается и все то, что приводит к убийству: например: гнев, раздор, свары, споры, памятозлобие, ненависть, зависть, наглость, свирепость нравов, и бесчеловечие. Запрещением сих пороков следующие добродетели предписываются: ласковое и искреннее обхождение, кротость, непамятозлобие, терпение, великодушие, милосердие, и склонное ко всем сердце».

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди): «Конечно, подавляющее большинство из нас думает: "Слава Богу, я никого не убил, значит, я не виноват перед Господом в нарушении этой Его заповеди. ...Сейчас кратко будут перечислены только некоторые, самые вопиющие грехи этого рода. Прослушайте и покайтесь от всего сердца с предельным сокрушением духа, ибо все эти грехи против любви к ближнему, без которой вся наша жизнь, как бы она не была переполнена даже великими подвигами, жесточайшими ограничениями, скорбями и бедами, будет осуждена на Страшном Суде, пред лицом Бога!

1. Очень близки к совершению настоящего убийства те, кто во гневе и раздражении пускает в ход кулаки, нанося побои ближнему своему. А может, кого изуродовали или изувечили своими побоями. Может, излишне озлоблялись на своих детей и били чем попало с жестокостью. Господи, прости нас, грешных!

2. Не умер ли кто из ваших ближних или еще кто по причине того, что вы им не оказали вовремя помощи: – может, кто умирал от голода, а вы знали и не помогали; – может, кто тонул на ваших глазах, а вы не приняли мер и не спасли; – может, кто умирал от болезни, а вы не пришли вовремя на помощь, и человек умер; – может, на ваших глазах убивали человека, а вы не защитили, или издевались, а вы не пришли на помощь; – может, слышали крики погибающего, просящего помощи, но убежали или покрепче закрыли двери, погасили свет, заткнули уши. Господи! Какие же мы после этого христиане?! Господи, прости нас, грешных!

3. Не приблизили ли мы чьей-либо смерти, подвергая человека опасным случаям, изнуряя его трудами, не верили болезни ближнего, насмехались над ним и упрекали в симуляции, заставляли перемогаться в болезни и тем самым направили ее к смертельному исходу. Господи, прости нас, грешных!

4. Господи! Мы убивали ближних, когда во гневе и раздражении осыпали их укорами, бранными словами, обидными и жестокими! Каждый на себе испытал, как убивает злое, жестокое, язвительное слово. Как же тогда сами-то мы можем этим словесным орудием наносить жестокие раны людям?! Господи, прости нас, грешных! Мы все убивали ближнего словом. Святой Апостол Иоанн Богослов говорит: "Всякий ненавидящий брата своего, есть человекоубийца..." (1 Ин. 3, 15). Кто из вас может даже во гневе и ярости укунить человека? "Это уж сумасшествие какое-то", – скажете вы. А вот послушайте, что говорит по этому поводу святитель Иоанн Златоуст: "Гораздо хуже кусающихся те, которые делают зло словами. Первые кусают зубами тело, а последние угрызают словами душу, наносят рану доброй славе, и рану неисцельную. Посему он подвергается тем большему наказанию и мучению, чем тягчайшее причиняет угрызение совести". Кто из нас повинен в этом угрызении и пожирании друг друга? Кайтесь! Господи, прости нас, грешных! Берегитесь отнять у невинного честь, хотя он тебе и не нравился чем-то, хотя бы он был даже враг твой! Бойтесь совершить это нравственное убийство, ибо за него не меньший ответ понесем перед Господом, чем за убийство телесное.

5. Мало того, если вы сами по складу характера своего молчаливы и нераздражительны, но знаете, что другой человек легко воспламеняется раздражением и гневом, не занимались ли вы

умышленным подстрекательством? Упрямством и даже своим упорным молчанием не вызывали ли ближнего на гнев, ругань, побои? Господи, помилуй нас, грешных!

6. Может быть, своей строптивостью, желанием в споре настоять на своем, хотя мы и не правы, доводили людей до исступления. Мы тогда не менее виноваты, наведя человека на грех. Господи, прости нас, грешных!

7. Блаженный Августин говорит: "Не думай, что ты не убийца, если ты наставил ближнего твоего на грех. Ты растлеваешь душу соблазненного и похищаешь у него то, что принадлежит вечности". Приглашали на пьянку, подстрекали к отмщению обид, соблазняли пойти на зрелище в пост, развращали окружающих скверными анекдотами, неподобающими для христианина книгами, пошлыми разговорами, на осуждение и т. д. Этому перечню нет конца. И все это – убийство, растление души ближнего! Господи, прости нас, грешных!

8. Еще раз о любви между собой, заповеданной нам Господом. Какой знак отличия для истинного христианина? "О сем, – говорит Христос, – разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою" (Ин. 13, 35). А мы, Господи, как же мы далеки от истинных учеников Твоих! Мы ссоримся, враждуем, негодуем, ненавидим, не терпим друг друга. Стыдно даже произнести перед неверующими: "Я – христианка". И часто в разговоре неверующих можно услышать: "У нас соседка верующая, в церковь ходит, а какой злобный, вредный человек". Горе нам, если хулится имя Христово через наше человеконенавистничество. Посмотрите себе в сердце, спросите свою совесть, не является ли ваше поведение соблазном для всех. И если грешны, кайтесь! Господи, прости нас, грешных!

Все мы не первый раз на исповеди и, конечно, неоднократно слышали, что если кто обижен нами, то, пока мы не помиримся, пока искренно не попросим прощения, никаких молитв, никаких трудов, никакого покаяния не примет у нас Господь! Но знать-то теоретически мы знаем, а вот до сердца, до сознания эта истина мало доходит! Просим прощения у кого угодно, даже с легкостью, но только не у тех, кому постоянно действительно досаждаем; вся наша гордыня восстает, а если и попросим прощения, то формально, сквозь зубы, совсем без участия сердца, в лучшем случае "скрепя сердце". Это, конечно, приносит мало пользы душе. А то еще сами себя ожесточили воспоминанием обид и неправостей со стороны ближнего или посеяли раздор и вражду между людьми! Господи, прости нас, грешных!

9. Сказано в слове Божиим: "Блажен иже и скоты милует". Не убивал ли кто из вас без нужды животных? Не пинали ли их ногами, не кидали в них камнями и палками? Может, кто в детстве умышленно издевался над животными? Это все грехи убийства! Кайтесь в своей жестокости! Господи, прости нас, грешных!

10. Мы иногда не знаем, что грешны! Бывает изнуряем себя излишними трудами и заботами, предаемся чрезмерной печали, отчаиваемся даже до мысли о самоубийстве. Все это величайшие грехи против Бога! Ибо жизнь есть дар Божий, обстоятельства скорбные посылаются нам по воле Божией, скорбями Господь воспитывает душу для вечности, а мы унынием и отчаянием, и маловерием в Промысел Божий сокращаем себе и земную жизнь, расстраивая неумными печалью здоровьем, и Царство Небесное закрываем для себя. Господи, прости нас, грешных!

11. И опять-таки, если Господь сохранил нас от греха отчаяния, то своими поступками, придирками, злобными выходками не доводим ли кого до отчаяния и, храни Бог, не виновны ли в чьем самоубийстве?! Если это случилось, кайтесь, плачьте, потому что вы повинны в гибели души ближнего.

12. Если мы живем невоздержанно, предаемся объядению, пьянству, развратной жизни, табакокурению, увлекаемся чрезмерно другими нечистыми удовольствиями, разрушающими здоровье, то мы – самоубийцы. Господи, прости нас, грешных!

13. Есть некоторые христиане, которые считают грехом лечиться. Можно, конечно, определить себя на терпение и не лечиться, но тут легко можно впасть в самонадеянность и гордыню: "Пусть лечатся слабые верой и грешные... а мы не такие!" Лучше уж так: пришла болезнь – подлечись. Пройдет боль от лекарства и лечения – слава Богу, не пройдет – терпеть и

Бога благодарить за испытание. Вот как должен поступать христианин! Господи, прости нас, грешных!

14. Наконец, не совершаем ли мы убийства своей души, нисколько не заботясь о ее спасении? О, как мы питаем и греем свое тленное тело! Так ли мы относимся к своей бессмертной душе? Да мы просто забываем о ней, забываем омыwać ее слезами покаяния, питать молитвою, подкреплять Таинствами Церкви, украшать добрыми делами, исправлять и готовить ее в вечность. Где нам об этом думать! Настолько мы осустились, думаем лишь о земной нашей жизни. Живем какой-то ложной надеждой, что спасение – это естественный исход нашей жизни. Господи, прости нас и дай прежде нашего конца покаяние и сознание, что "...Царствие Небесное нудится...", и только "...нуждницы восхищают е!" (Мф.11, 12)».

О взаимных обязанностях родных людей

Для завершения вопроса о злых чувствах к родным и близким людям и о грехах, связанных с ними, скажем о взаимных обязанностях людей.

Обязанности детей и родителей

Заканчивая разговор об отношении детей и родителей и о грехах, связанных со страстью гнева и нелюбви, приведем вначале поучения об общих обязанностях и правах родителей и детей.

Иннокентий Пензенский (Богословие деятельное): «родителям принадлежат следующие права: право ограничивать действия детей и т.п.; право защищать детей от враждебных сил, действующих на их тело и душу и оказывающих влияние на их доброе имя, или честь. Соответственно, обязанность детей — повиновение, и их право — воспитание. Хотя власть над детьми принадлежит преимущественно отцу, однако она принадлежит и матери, по заповеди Божией («Почитай отца твоего и мать твою» (Исх. 20, 12)); а также власть эта принадлежит тем, кто занимает место родителей, как-то: отчимам, опекунам и преимущественно учителям. Границы родительской власти должны быть соразмерны цели отеческого общества.

Обязанности родителей следующие: воспитывать детей в благочестии и страхе Божиим; доставлять им пищу и одежду до тех пор, пока они сами не будут в состоянии приобретать себе все нужное («Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, когда попросит рыбы, подаст ему змеею вместо рыбы?» (Лк. 11, 11)); заботиться о развитии их умственных и телесных сил, а также об обучении их искусствам и полезным наукам, в соответствии с их понятиями и дарованиями и со своим состоянием («Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5, 8)).

Обязанности же детей следующие: оказывать родителям любовь и почтение («Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор. 5,16)); повиноваться им («Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость» (Еф.6, 1)); изъявлять им всячески чувство благодарности, а потому кормить и защищать их («Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу» (1Тим.5,4)), и почитать их особенно в старости («Сын! прими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей, ибо милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится. В день скорби твоей вспомнится о тебе: как лед от теплоты, разрешатся грехи твои. Оставляющий отца — то же, что богохульник, и проклят от Господа раздражающий мать свою» (Сир.3,12—16)), благоговеть перед ними и бояться их («Притом,

если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?») (Ев. 12, 9))».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, гл.5): «§474. Должность родителей к детям своим. 1) Как только начнут дети приходить в разум и понимать учение, тотчас должно им вливать молоко благочестия и в познание приводить Бога и Христа Сына Божиего: кто есть Бог, в Которого веруем, и поминаем имя Его, и исповедуем и молимся Ему? И кто есть Христос, и как Его должно почитать? Ради чего на этот свет все рождаемся и крещаемся, и чего по смерти чаем? Ибо нынешнее житие наше не иное что, как путь, которым идем к вечности, добрый к благополучной, а злой к неблагополучной. Рождаемся на этот свет не ради чести, богатства, пищи сладкой, одеяния красивого, богатых домов и прочего, ибо все это при смерти оставляем. Но рождаемся, чтобы здесь благочестиво пожить, и Богу угодить, и по смерти к Нему перейти, и в вечном Его блаженстве пребывать. Иначе, если бы к сему житию рождались мы, то вовеки нам должно было бы пребывать здесь, но противное видим. Потому к иному житию рождаемся, и на путь мира сего вступаем, чтобы к иному дойти. Потому и крестимся, и веруем в Бога и Христа Сына Божиего, и призываем имя Его, и в Церковь ходим и молимся, чтобы получить от Него вечное будущее блаженство. Все это и прочее нужно в начале предлагать детям юным, дабы в возраст приходя, приходили и в познание Божие, и должности и надежды христианской. Отсюда чаять можно доброй надежды в юном сердце, когда так воспитываться начнет. Ибо как зло, так и добро в юношеском сердце крепко вкореняется, и чему в юности научаемся, в том, и в совершенный возраст придя, пребываем, как молодое дерево, к которой стороне приклонится, так и стоит до конца. Поэтому нужно такое благочестивое воспитание в юности. И когда сами родители или не могут или не допускаются званием того делать, нужно им таковых наставников искать и обучать детей. Многие детей своих учат иностранным языкам и искусствам, но в деле благочестия не обучают, от чего видно, что и сами того не знают, хотя и христианами называются. Полезно ради общества и коммерции и языкам иностранным обучать, но таинствам веры обучать нужно, и нужно непременно, поскольку «одно только нужно» (Лк.10:42). Что во французском, или другом каком языке, когда язык выучен будет, а сердце не научено добру? Язык хорошо и красноречиво витийствует, но сердце праздно без веры и издает смрад неверия, что и родителям небрежным, и детям бедственно. 2) Поскольку по Писанию, «начало премудрости — страх Господень» (Пс.110:10), потому вначале в юные сердца должно всаживать страх Божий, ибо юность, от природы ко злу склонная, ничем более как этим страхом от отвращается, как и всякий человек. А чтобы страх Божий всадить в сердца их, нужно им часто напоминать, что Бог везде есть и со всяким человеком присутствует, и что человек ни делает или мыслит, видит, и что ни говорит, слышит, и за всякое слово, дело и помышление худое гневается, и будет судить, и грешников вечному мучению предаст, а праведным и добрым людям воздаст мзду за добрые их дела, и согрешающего, или зло творящего может в самом деле казнить, как то читаем в историях, и ныне то же бывает. Это им в начале нужно вкоренять, дабы не только явно, но и тайно от всякого зла уклонялись, дабы, как дети перед родителями своими, рабы перед господами своими, подвластные перед властями ничего непристойного не делают, но благоговейно поступают, так бы они перед Богом все замечающим, поступали и ходили со страхом, и думали бы, что Бог и с ними есть, и все их поступки видит, и может их казнить, когда худо будут поступать. Хотя случается, что человек худого дела не видит, но Бог, больший всего света и Судья всех, все видит. От такого учения и рассуждения о Боге может в юных страх Божий насадиться, что и пожилым и старым помнить нужно. «Как, — говорит святой Златоуст, — страх Божий будет? Если помыслим, что везде предстоит Бог, что все слышит, что все видит, не только то, что делается и говорится, но и все то, что в сердце и что в глубине помышлений есть, ибо судит помышления и мысли сердечные. Если таким образом сделаем, ничего лукавого не сотворим, ничего не скажем, ничего не помыслим» (Беседа 8-я на Послание к Филиппийцам). 3) Детей неисправных должно наказывать родителям. Так слово Божие повелевает им: «Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его розгою, он не умрет; ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней» (Притч 23:13—14). Видим, что Сам Бог любит чад Своих, но из любви их наказывает, «ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого

сына, которого принимает» (Евр.12:6). Так и плотским родителям должно следовать Богу и детей своих из любви наказывать. Слепая же есть та любовь отчая, которая оставляет детей неисправных без наказания, как истинная и мудрая есть та любовь, которая своеволие их смирят наказанием. «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притч 13:25; еще см. об этом Притч 29:17; Сир 7:25; 30:1-13). 4) Не должно в наказании безмерной строгости употреблять, как апостол повелевает: «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол 3:21), но средним путем поступать, как выше сказано. 5) В образ добрых дел самих себя им представлять. Юность, да и всякий возраст лучше наставляется к добродетели житием добрым, нежели словом, ибо особенно юные дети за правило себе имеют житие родителей своих, и что в них примечают, то и сами делают, доброе ли то будет, или худое, что видят. Поэтому родителям, как от соблазнов беречься, так пример добродетельного жития подавать детям своим должно, если хотят их к добродетели наставить. Иначе ничего не могут успеть. Ибо они более смотрят на житие родителей своих, и его ото-бражают в юных своих душах, нежели слова их слушают. Всякого наставника слово, с житием сопряженное, изрядное и сильное есть наставление, а тем более родительское наставление. 6) К любви детей и само естество родителей влечет и убеждает: и самые бессловесные исчадия свои любят. Поэтому не потребно о том и предлагать, только бы не была безрассудная любовь, как выше сказано. 7) Родителям о детях своих должно молиться Богу, дабы их Сам Он наставил на страх Свой и умудрил во спасение. 8) Сколь вредно небрежение о правильном воспитании и наказании детей и самим родителям, и детям их, от вышеописанного видит всякий, и показывает история об Илии, жреце Израильском, который за то, что правильно не воспитывал и не наказывал сынов своих за дерзости их, и сам был наказан от Бога, и дети его (1 Цар.4:17—18). Об этом святой Златоуст поучает так: «Родители не только за свои грехи наказаны будут, но и за детей своих, если их в благочестии не воспитают». И еще: «Родители, которые детей по-христиански воспитывать пренебрегают, беззаконнее детоубийц. Ибо детоубийцы тело от души разлучают, а они и душу и тело в геенну огненную ввергают. Той смерти по естественному закону никак невозможно избежать, а этой возможно было бы, если бы нерадение родителей не было в ней виновно. К тому же смерть эту воскресение будущее упразднит, а душевной же гибели никто возратить не может» (Слово 3-е против хулителей монашеского жития).

§ 475. Должность детей к своим родителям. 1) Должны дети родителей своих любить от чистого сердца и к ним благодарными быть, ибо от них на свет родились и воспитались. К этому естественный закон и совесть всякого убеждает. 2) Должное им отдавать послушание, как апостол повелевает им: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе». 3) Словом и делом любовное им почтение показывать. 4) Когда ими наказываются словом или делом, за благо то их наказание принимать, не негодовать и не роптать на них, но, признавая свое преступление, со смирением, любовью и сожалением просить прощения у них. 5) В нужде и старости их питать и со всяким усердием служить им. 6) Беззаконным детям, которые родителей своих не почитают, страшные казни в законе Господнем определены. «Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх.21:15). «Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да будет предан смерти» (Лев 20:9)».

О должности родителей и детей также еще можно прочесть другое подобное учение Тихона Задонского в пятом томе его творений, в разделе «Наставление христианское».

Христианские учения о воспитании

А теперь прочтем несколько учений о воспитании. В первом учении раскрыт вопрос о том, чему учит Ветхий и Новый Завет.

Филарет Московский (Учение Слова Божия о воспитании): «...стоит труда поискать в Библии учение о воспитании. Древнейшее учение можно найти в слове Господа к Аврааму: «От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли, ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить

путем Господним, творя правду и суд» (Быт. 18: 18-19). Здесь, во-первых, в образе похвалы воспитанию, какое дает Авраам своим детям, преподается главное правило воспитания: заповедай сынам своим сохранять пути Господни, творить правду и суд, или давай детям воспитание благочестивое и нравственное, сообразно с законом Божиим». «Благочестие должно быть основанием и душой воспитания». «Во-вторых, здесь показываются и благотворные последствия такого воспитания: Авраам будет «в язык велик и мног»; отец семейства, дающий детям своим воспитание благочестивое и нравственное, может надеяться от себя потомства многочисленного, уважаемого и благополучного. Нетрудно понять, что не может того же ожидать нерадящий о таком воспитании, а угрожает ему противное. Далее, прямо высказанные правила воспитания находим в ветхозаветных книгах, по преимуществу, учительных — в книге Притчей Соломоновых и в книге Иисуса сына Сирахова. Соломон учит: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его» (Притч. 19: 18). «Наказуй», — значит: учи; давай полезные наставления; но также и собственно: наказывай за проступки. Но премудрый поставляет предел суровости наставления и строгости наказания: не действуй с досадой и раздражением, и не возбуждай досады и раздражения. Раздраженный наставник не наставляет, а раздражает. Шумом раздражения заглушается голос истины. Наставляй добродушно; обличай кротко и мирно; наказывай умеренно и с сожалением. Соломон побуждает к такому действию, обещая от него добрые плоды. «Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей» (Притч. 28: 17)». ...Учение Сына Сирахова более строго. «Суть ли ти чада, накажи я и преклони от юности выю их» (Сир. 7: 25). «Учи сына твоего и трудись над ним, чтобы не иметь тебе огорчения от непристойных поступков его» (Сир.30:13). В особенности с горьким словом обращается он к тем родителям, которые любят забавлять своих детей и забавляться ими, а не учить их, дают им излишнюю свободу и легкомысленно смотрят на порывы их легкомыслия: «лелей дитя, и оно устрасит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним» (Сир. 30: 9, 10)». ...Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стесняя саму себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешения им, чтобы сберечь это в поощрение и в награду их послушанию, или успехам в полезном учении. ...Наконец, Евангелие, которое вообще вместо духа страха перед законом, господствовавшего в Ветхом Завете, распространяет дух любви и свободы, и в правилах воспитания смягчает древнюю строгость. Святой апостол Павел пишет: «отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф.6:4). И в другом послании: «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3: 21)». ...Таково учение священных книг о воспитании. Оно просто и не многосложно, потому что назначено не только для мудрых, но и для простых. ...Из того, что в ветхозаветном учении о воспитании видно более строгости, а в евангельском — более свободолобивой кротости, естественно рождается вопрос: должно ли следовать исключительно последнему и совсем отложить первое? Чтобы разрешить сей вопрос, обратимся к изречению святого апостола Павла: «наследник, доколе в детстве ...он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом» (Гал.4:1,2). Видите, он говорит о строгом воспитании, как не предосудительном, обыкновенном и должном. Это тем более примечательно, что он строгое воспитание представляет образом того, как Бог воспитывает человечество. Это непосредственно видно из следующих слов: «Так и мы, доколе были в детстве, были поработены вещественным началам мира» (Гал.4:3). Ветхий Завет есть детство человечества, и его начальное воспитание под рабским страхом закона. Христианство есть высший возраст человечества, и его совершительное под благодатью воспитание; здесь, соответственно возвысившемуся познанию и силе духа, ему вверяется духовная свобода; и тогда человек внутренне уже не раб, но сын и наследник Божий Иисус Христом. Итак, поелику Апостол в воспитании человечества Богом и в воспитании каждого человека родителями и наставниками признает одинаковый порядок, то ясно, что и из христианского кроткого воспитания он не совсем исключает древнюю строгость, дабы свобода вверяема была воспитываемому по мере приобретения им умения пользоваться ей. Все ли равно, давать обширную свободу умеющему ее употреблять или не умеющему, зрелому в разуме или незрелому? Очевидно, не все равно. Следственно, по мере возраста и образования

должно давать свободу детям. Которое из двух направлений правильное, приятнее и удовлетворительнее для человека, поступление от расширения свободы к ее ограничению или, напротив, от ее ограничения к расширению? Очевидно, последнее. Итак, надобно вести детей от ограничения свободы к расширению ее. Иначе сделавшийся слишком свободным слишком рано, куда направится далее с своим желанием поступления вперед и возрастающего удовлетворения? Не будет ли он в искушении поколебать справедливые пределы разумной и законной свободы?»

Во втором учении раскрыт вопрос о том, что означает Евангельское учение о воспитании.

Феофан Затворник (Толкование по посл. к колос. 3, 20-21): ««Чада, послушайте родителей своих во всем: сие бо угодно есть Господеви. Отцы, не раздражайте чад ваших, да не унывают». Детям — послушание родителям; родителям — нераздражение чад. Очевидно, что Апостол не все и здесь определяет, как и в предыдущем, а устраняет только то, чем наиболее расстраиваются добрые отношения родителей и детей. Родители естественно всею душою радеют о детях, и дети всею душою преданы бывают родителям. На сих чувствах опираясь, взаимные отношения их текут мирно и не нарушаются, пока те чувства в силе. Пока дети во всем послушны, родители мирны к ним и бывают покойны насчет них; но, коль скоро оказываться начнет непослушание, родительские очи уже нелюбовно смотрят на детей и сердце их немирно к ним. Это не замедлит отразиться и в сердце детей, — и разлад зародился. Равно, пока родители ведут детей в духе любви, дети почивают на их любви, и, что бы ни приказывали, что бы ни запрещали родители, все то принимается к исполнению с теплою готовностью, по уверенности, что распоряжения родителей делаются исключительно для их блага. Пока в силе эта уверенность, — ни укоры, ни меры исправления, ни другое что не колеблет теплой преданности родителям. Но коль скоро дети увидят, что родители приказывают и запрещают, только чтоб показать власть свою, то это тотчас поселяет в них неприятное чувство, огорчает, раздражает, хотя бы запрещенное или приказанное не нарушало прямо их собственного блага. Вследствие сего мирное, сердечное отношение к родителям у детей расстраивается, и между ними воздвигается средостение: детям становится тяжело жить под родителями, они унывают. Мира семейного и нет. — Апостол и предотвращает это, предписывая детям всегдашнее послушание, а родителям нераздражение чад. К каждой из сих заповедей прилагает он и особые побуждения. Для удержания детей в полном всегдашнем послушании поставляет побуждением то, что это «благоугодно есть Господеви». Дети предполагаются состоящими в страхе Божиим и ревнующими паче всего благоугодить Господу, как и подобает детям христианских родителей. Апостол уверен, что благоугодить Господу дороже для них всяких естественных побуждений. Повиновение, основанное на естественном чувстве, не так прочно, как то, которое основано на желании благоугодить Господу. Там — приди какое-либо противочувствие, тоже на естестве основанное (как, например, раздражение по чувству самосохранения и ревности о своем благобытии), и повиновение теряет уже основу. А здесь — что ни привзойди, повиновение никогда не потеряет своей основы; ибо основано на том, что выше естества. Святой Златоуст и говорит: «смотри, как хочет, чтобы мы все делали не по одной природе, но, сверх того, и по воле Божией, да получим награду (от Бога)». Кто из благоугодения Господу повинуется родителям, того не отклонит от сего повиновения самый неправый образ действия родителей в отношении к нему: ибо он, повинуюсь, не им угождать старается, а Господу. Отсюда само собою следует, что только то и может поставить такого в необходимость не послушаться, когда родителями требуется что неблагоугодное Господу. Блаженный Феофилакт и пишет: «обращая речь к детям благочестивых родителей (то есть верующих в Господа), Апостол сказал: «во всем», так как отцам нечестивым (не верующим в Господа) не во всем должно повиноваться; не должно их слушаться, когда они начнут насильно влечь в свое нечестие». Обращаясь к родителям, Апостол «не сказал: любите детей; ибо это было бы излишнее слово; к этому влечет сама природа» (святой Златоуст). Слово Божие так высоко ставит любовь родительскую, что везде ею объясняет любовь к нам Божию. «Нигде не предлагает оно (в пояснение сего) примера (любви) мужа и жены, но что? Послушай, что говорит Пророк: «якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся Его» (Пс.102, 13). Посмотри опять, что говорит и Христос Господь: «кто есть от вас человек, его-же еще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? Или еще

рыбы просит, еда змию подаст ему?» (Мф.7,9—10)» (святой Златоуст). Почему, когда повелевает «не раздражайте»,— не предполагает отсутствия любви, а устраняет неблагоприятное действование в отношении к детям, при любви и даже по самой любви. Он говорит как бы образом ваших действий на детей опасайтесь возбуждать в них неприятные к вам чувства, могущие отдалить сердца их от вас. Или: образом ваших действий не поставляйте детей в состояние вступать с вами в спор, пререкание и даже неповиновение. «Не делайте их пререкателями. Есть случаи, в которых вы должны уступать им» (святой Златоуст) «Не все, что они делают, преследуйте с горечью. Иное надо пропускать без внимания, чтоб не сделать их противоречивыми» (блаженный Феофилакт). И не это только, но, «что прилично, делать и в их угождение» (блаженный Феодорит). Не поблажку советует, а благоразумное снисхождение, умеряющее, однако ж, необходимую строгость, а не устраняющее. Чтоб расположить родителей к такому образу действованию, Апостол ставит побуждением к нему: «да не унывают», — чтоб дети не падали духом, не ходили повеся голову. «Что особенно чувствительно для отцов, то и полагает. Этим возбуждает он родительское чувство и смягчает сердце их» (святой Златоуст) «Смотри, какая мудрость; как преклоняет он сердце родителей и как влечет утробы их! Ибо вся забота у отцов о том, чтоб дети не унывали» (блаженный Феофилакт). Детей оградил от непослушания страхом Божиим и их ревностю о благоугождении Господу; а «родителям преподает повеление дружелюбно сам, не приводя им на память Бога» (святой Златоуст). Почему бы так? Потому что и видя, что раздражают чад, они могут думать, что не идут против воли Божией. Но, видя, что дети унывают и ходят повеся голову, не могут не подвигнуться родительским сердцем построже вникнуть в дело и, рассмотрев свой образ действованию, так его потом наладить, чтоб дети перестали унывать».

В третьем учении раскрыт вопрос о том, что самый лучший способ воспитания – свой добрый пример.

Платон Митр. Москов. (т.1, Слово о воспитании): «Но надобно знать, в чем состоит воспитание. ...Воспитание есть предуготовление к добродетели. И потому не состоит оно в нежностях телесных, в увеселениях чувственных, в обучении, которые только своею наружностью поражать привыкли, а больше ничего. Не состоит воспитание в этом. А состоит оно, чтоб взойти познанием в самого себя, познать Создателя своего, познать конец создания своего; на этом незыблемом утвердись основании, душу свою так приуготовить, чтоб снискать к благочестию горячность, ...к высшим почтение, к нижним снисхождение, к равным усердие, к родителям благодарность, к приятелям искренность, ко всем любовь; в должности быть прилежным, в домостроительстве тщательным, в трудах неленостным, к бедности других сочувствующим, в счастье невозносимым, в несчастье не унылым, к общей пользе ревностным, во всяких обхождениях быть искренним, ласковым, учтивым, снисходительным. В этом состоит существенная воспитания сила. Но нет, думаю, столь мало просвещенного, которой бы не знал того. А каким образом сие производить в дело, в том уже есть больше трудности. Разные к тому суть способы, разные пути. И эта, думаю, разность и происходящая из того трудность причиною есть, что великие бывают в воспитании непорядки, много развращения.

Первый и наилучший по мнению моему к воспитанию способ есть добрый пример. Он есть всегда действителен для всех; а наипаче для младенческого возраста. Младенцы еще не имеют совершенного в рассуждении употребления. Они управляются почти одними чувствами: и потому ежели что видят, ежели что слышат; тем поражаются, то крепко печатлеют в памяти. Сии укрепленные в младенчестве добрые или худые воображения во все почти будущее время служить им будут во всяких делах основанием. Ибо чем новый сосуд будет напоен, трудно, чтоб тот запах он потерял когда. Ежели младенец имеет родителей или приставников, которые при всяком случае показывают живые благочестия знаки: неотменно и младенец тем же напоен будет благочестия духом. Ежели же имеет суеверных, или к закону презрительных: нельзя, чтоб и он тем же не заражен был пороком. Ежели младое дитя во всегдашнем домашнем обхождении видит или слышит примеры роскоши или скупости, излишнее к веселостям и другим наружностям пристрастие: весьма трудно, чтоб сия язва слабых младенческих чувств не коснулась. Не хочешь, чтоб младенец развращен был? не делай пред ним того, чего в нем не

хочешь видеть; но будь пред ним зеркалом, в котором бы он усмотреть мог, чему ему подражать надобно. Это, если можно сказать, немая наука, действительнее оной многоглаголивой, которая на словах представляет много, а на деле ничего. Что пользы рассуждать о течении небесных кругов; а сердце иметь привязано к страстям земным? Что пользы знать развязывать хитросплетенные слова, а не знать развязывать узлы сумнящихся совести? «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?», говорит Евангелие (Мф.16,26). Не презираю я науки, но утверждаю, что они лишаются своей пользы, ежели честностью дел не будут препровождаемы. ...Нельзя не признаться, чтоб этот способ, то есть, добрый пример, для воспитания детей не был самый наилучший. Это приняв основание, сколько возможно, должно от младенца удалять худые содружества, вредные разговоры, бесчинные книги, соблазнительные представления; а вместо того приставлять к ним неззорных пестунов, добрых учителей, честных приставников, которые бы ...были ревностны к пользе воспитываемого... При этом не бесполезно помянуть и о том, что наипаче примерами вдыхать надобно в нежные младенческие сердца? Первее всего надлежит им внушать страх Божий: ибо «начало премудрости страх Господень» (Пс.110,10). Этим необузданный человек, трудно, чтоб мог удерживать непристойные склонности, которые совсем тем непрестанно воюют на разум. Положим, что он откровенно и по наружности некоторой будет притворять себе вид честности, боясь наказания от законов правительства; но притом, коли страха Божия нет, наполнен будет непристойными мыслями и вредными намерениями, которые при всяком скрытом случае будет стараться производить в дело. Но, связав уздою страха Божия худые человеческие хотения, невозбранный чрез то отворится ко всякому честному делу путь. После этого беспрепятственно можно будет приводить всякого к наукам и художествам, смотря по состоянию, по способностям, по склонностям, по летам и по другим обстоятельствам.

Полезны подлинно науки, но полезны и искусства. Науки просвещают мысль: искусства не допускают до душевного расслабления. Науки показывают ко всякому добру путь: искусства действительно тем пользуются. Науки наставляют, как избирать доброе житие состояние: искусства самым делом в том состоят. Я могу прибавить в похвалу искусств и то, что науки легко употребить можно во зло, и злоупотребления великий причиняют вред. А искусства, не знаю, можно ли употребить во зло; и потому они полезны всегда. Честный художник с кротостью сидит в своем уединении при благословенном деле, и тем пользует себя, пользует общество, и духом своим премудрого поет Творца.

Так кто же теперь не видит, что, ежели младенец по изъясненным нами основаниям будет воспитан, не сомнительно можем надеяться, что он имеет быть добрый христианин, честный гражданин, бережливый домостроитель, верный друг, надежный сосед, приятный товарищ? Всего сего тем удобнее от детей надеяться можем, что их и память тверда, и силы свежи, и члены проворны, и удобно могут в послушание приведены быть».

О любви и ненависти к супругам

Хотя каждый из нас на собственном опыте знает о любви и нелюбви к супругам, но все же прочтем поучения о том, какова должна быть любовь между супругами и какова она бывает во многих семьях.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, гл.6, §476): «Где большей любви ожидать, как не между мужем и женою? Естественной любовью любит человек отца и мать свою, но Писание Святое говорит: «Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть» (Быт.2:24). «Одна плоть» бывают муж и жена, по Писанию. Крепкий союз в единой плоти! И кто на свою плоть враждует? «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее» (Еф.5:29)».

Нравственное Богословие (Грехи против 7 заповедей, грех - холодность в супружестве или же любовь только кратковременная, по одному животному возбуждению): «Сказано: «должны мужья любить своих жен» (Еф.5,28) (а так же без сомнения и жены своих мужей). Это потому,

что муж и жена «и будут (два) одна плоть» (Быт.2,24). Не так только друзья, и не за одно неизбежное сожителство в жизни, они должны иметь друг к другу любовь; нет, но ради, естественного союза, по законности брака. Из двух половин (как показывает и самое слово: «пол») составляется в полном виде человек. (Впрочем, мы говорим так вообще о гармонии человеческой жизни, а отнюдь не хотим сказать, будто каждое в отдельности лицо человеческое неполно, недостаточно, нуждается в лице другого пола для своей полноты, или восполнения). Во имя законного брака охлаждаются самые кровные связи, как, например, детей в отношении к своим родителям (да и самих родителей к детям, если родители, имея их от первого брака, вступают во второй брак): «оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей» (Быт.2,24). В первые, например, дни после венца муж и жена («молодые») так любят друг друга, что ни родные братья, ни близкие друзья не дороги для них. Также взаимная привязанность их, скрепленная законным браком, скрепляется и отношениями к ним тестей и свекровей. Тести, например, вдруг начинают питать любовь к человеку, которого раньше может быть никогда не видали. Они отдали зятю свою дочь, которую воспитали, имение, которое трудом приобретали, - все отдали, что только могли, и не жалеют, между тем как в других случаях убыль капитала или имения привела бы их в досаду. Это и значит, что брак есть «таинство по самой природе». И так любить друг друга муж и жена должны так же, как каждый из нас любит и жалеет самого себя. С первого уже раза дело здесь представляется таким, что и напоминать о нем супругам нет нужды: «должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя» (Еф.5,28). Но в христианстве есть еще высшее, внутреннее основание для взаимной любви супругов: «мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф.5,25). Христос до предания самого себя на распятие и смерть возлюбил Церковь, т.е. души грешные и повинные казни, но затем уверовавшие в искупительные страдания Его и помилованные: к такой же точно самоотверженной любви в отношении к своей жене стремится и муж-христианин. Церковь или верующие христиане со своей стороны должны, так сказать, дышать на своего вечного благодетеля— Христа, думая только о Нем, радуясь Ему: также точно и жена должна стремиться вниманием и любящим своим сердцем к мужу. Первая жена произошла от ребер своего мужа, когда он спал: так и Церковь составила из бока Христова, во время мертвенного сна Иисуса Христа, т.е. из воды и крови, которые истекли из прободенного ребра Его и под которым таинственно надобно понимать воду крещения (ею мы возродились) и кровь причащения (ею поддерживается духовная жизнь наша.) Здесь и значение слов: «от плоти Его и от костей Его» (Еф.5,30). И так холодность, а тем более ненависть, обоих супругов друг к другу или только одного которого либо были бы самым грубым противоречием любви Христа к Церкви. А по обоим этим основаниям, т.е. и по чувству природы и со стороны благодати, любовь между мужем и женой, можно сказать, есть любовь невольная».

Но, к сожалению, некоторые из нас могут сказать об отношении к своим супругам так: «опостылел» или «опостылела». В словаре Даля это слово толкуется так: «опостылеть - надоесть, надокучить; стать противным, несносным, ненавистным». Именно такое отношение бывает к своей «половине». Оно складывалось из многих обид и непрощений, а значит это — наше злопамятство, которое убило любовь. Но некоторые могут возразить: «да я и не обижался и прощал, но у моего супруга(и) столько много отрицательных качеств и страстей, что его(ее) невозможно любить». Вот что на это отвечает христианское учение.

Василий Великий (Беседы на шестоднев, бес.7): ««Мужие, любите жены» (Еф.5, 25), хотя вы чужды были друг другу, когда вступали в брачное общение! Сей узел естества, это иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими! Ехидна, самая лютая из пресмыкающихся, для брака сходится с морскою муреною и, свистом извещая о своем приближении, вызывает ее из глубин для супружеского объятия. И она слушается и вступает в соединение с ядовитою ехидной. К чему клонится сия речь? К тому, что если и суров, если и дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза. Он буен? Но муж. Он пьяница? Но соединен по естеству. Он груб и своенравен? Но твой уже член и даже драгоценнейший из членов».

Иероним Стридонский (Толков. Евангелия от Матф. Кн.3): «Жены составляют великое бремя, если нельзя их отпускать (по другой причине), кроме прелюбодеяния (с их стороны). Что же, в самом деле, если жена будет предаваться пьянству или будет гневлива, или дурного нрава, или прожорлива, или не усидчива (ветренная, непостоянная, непоседа), или сварлива, или злоречива, ужели и жену такого рода должно терпеть (при себе)? Хотим ли мы, или не хотим, но она должна быть удерживаема; так как мы были свободны и добровольно подчинились этому рабству. Поэтому ученики, видя тяжесть брачного ига, обнаруживают движение своей души и говорят: Если такова обязанность «человека к жене, то лучше не жениться».

Иоанн Златоуст (т.10, бес.26 на 1 посл. Кор.): «Рассказывают, что один из философов (Сократ), имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия: «Я, — говорил он, — упражняюсь ежедневно с нею, делаюсь более кротким и с другими». ...Мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать... в кротости Самому Богу. Сказанный философ по этой причине не изгонял своей злой жены; а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но так как многие из людей не бывают настолько благоразумны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с сообщницею житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом должны заботиться более, нежели о домах, деньгах, полях, делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своею сожительницею, тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую благоуспешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни, а исполнив все, получим и уготованные для нас блага».

Нравственное Богословие (Грехи против 7 зап., грех - холодность в супружестве или же любовь только кратковременная, по одному животному возбуждению): «...пусть и не будет этих достоинств ...душевных, как добродушие, кроткий характер, пусть и не будет всего этого: однако холодность или прямая ненависть мужа к жене, и наоборот, не извиняются. ...Допустим, иной муж будет и всеми почему-либо в общежитии не любим; но есть в мире одно лицо, которое должно любить его: это законная жена его. Равным образом допустим, что иная жена на всех людей или на многих почему-либо производит неприятное чувство, например, своим характером, пороками; но есть в мире человек, который еще любит и должен любить ее: это законный муж ее, знающий между тем и прежде и ближе других ее пороки. Возразят: «как же это, в самом деле, любить поневоле, по приказанию? можно ли тем более (если выйдем из возвышенности, из идеала, и сойдем ближе к жизни),—можно ли, например, любить мужа жестокого или жену столько злую, что она считает своего мужа как бы лицом посторонним для себя? не заслуживает ли, напротив, (первый - ненависти, если он жестокий тиран? и не достойна ли быть отторгнутой от сердца последняя, если она строптивая, притязательная, неласковая? как первого можно представить Христом, а вторую — Церковью при таких характерах?). Должен или должна любить,— вот только, какое слово слышится здесь в самой совести человека, подобно тому как долг службы заставляет же идти на службу, хоть бы служба была очень неприятная. Что один в супружеской чете холоден и ненавистник, это не дает права другой половине выражать те же чувства. Христианская—евангельская нравственность тем то между прочим и возвышается над всякою другою естественною или философскою нравственностью, что не освобождает нас от исполнения обязанности к другим, когда другие нарушают эту самую обязанность в отношении к нам. Враг, например, зол, ненавидит: но не велено отвечать ему тою же монетою, а заповедуется напротив любить его (Мф.6,43-44). И если незлопамятная любовь даже врага иногда смягчает: не тем ли более супружеская привязанность может преодолеть

холодное или совсем ненавистливое сердце? Да; христианскими началами более всего можно здесь направить или поправить дело. Так, например, муж должен вспомнить, что ему все же легче любить свою жену, чем Христу возлюбить Церковь. Он сам такой же человек, с такими же недостатками и грехами, как жена: между тем Церковь (т.е. люди верующие во Христа) не была такою красивою невестою, чтоб могла привлечь к себе любовь жениха-Христа, напротив была нечиста, безобразна (Еф.5,27); однако ж Христос не возгнушался ею и омыл ее водой крещения (1Кор.6,11). Церковь снова и часто оскверняется: но Христос снова же очищает ее таинствами покаяния и св. причащения».

Основные причины нелюбви к супругам

Каковы же основные причины нелюбви в семье? Во-первых, нас не связывает Дух Христовой любви, а мы любим по плотски и душевно.

Нравственное Богословие (Грехи против 7 зап., грех - холодность в супружестве или же любовь только кратковременная, по одному животному возбуждению): «Без евангельского духа, или вне этих христианских начал, любовь в супружестве не имеет уже своей глубины и прочности. Это будет, так сказать, только «наружность любви», под которой пусто. И эта пустота (говоря не в строгом смысле) скоро даст о себе знать, например, в нуждах по хозяйству, в неисправностях и огорчениях со стороны детей: в подобных обстоятельствах супружеская любовь легко сменяется гневом, раздором. Не спорим, что любовь мужа и жены может поддерживаться и одним плотским союзом, без возвышенных христианских мыслей. Но эта любовь сорная и мелкая для духа. Будет, например, муж говеть в пост или оба они встречают великий праздник: как тогда трудно мужу выразить свою ласку жене только в характере духовном, а не так, чтоб и тут любовь не была плотяною или страстною! Между тем то было бы прекрасное и самое желаемое качество супружеской любви, когда бы муж мог по временам совершенно бесстрастно ласкать свою жену, как в свою очередь и жена его. Затем, к стыду многих надобно сказать, что их любовь супружеская бывает и еще короче, в одни лишь часы полового, чувственного возбуждения. Как надобно думать об этой любви? Она, конечно, не заслуживает имени христианской супружеской любви. Это скорее страсть, чем разумная и великодушная любовь. Это только часы любви, а не дни ее. Это инстинкт животный, или любовь в одной крови, а не в сердце. Например, у дикого язычника и в этой любви не изъясняется нежность чувств, а проявляется одно холодное насилие или требование. (Христианину же сказано: «люби свою жену», т. е. не пол один, а всю личность). Эта половая в супружестве любовь, т.е. решительно без христианского чувства, предоставляет сама себя, минутам чувственного возбуждения, а не подчиняется внушениям разума и сознания долга. Поэтому как минутны или кратковременны бывают требования плоти: так у иных лиц кратковременна и эта любовь; с удовлетворением чувственному наслаждению она недолго остается в человеке и переходит в прежнее состояние холодности или ненависти. Пусть бы только с этой любви начиналась любовь в тех супругах, которые почему-либо охладели друг к другу даже до такой ненависти или взаимной нетерпеливости, что когда, например, разговаривают между собой, а особенно остаются одни, не могут быть спокойны. Пусть бы этим путем достигалось упрочение взаимной любви их. Облагородить же и поддержать во всякое время любовь супружескую (т.е. даже с прекращением супружеского ложа на известное время или окончательно), так поддержать любовь супругов может, повторяем, более всего вот что: «верующая мысль о союз Христа с Церковью,— союз, которого печать полагается на каждом браке». В таком то чувстве те из святых Божиих, которые были связаны брачными узами, до самой смерти сохранили друг ко другу любовь; так, например, апостол Петр, принимая в товарищество себе жену во время проповеди, любезно приветствовал ее и пред мучениями за веру (Церк.ист. Евсеев.кн.3,гл.30)».

Во-вторых, когда мы видим недостатки ближнего и чувствуем к нему презрение, это означает, что мы забываем о том, что мы сами сотканы из таких же недостатков, и что любовь — это забота о своем спасении и спасении ближнего.

Нравственное Богословие (Грехи против 7-ой заповеди; грех - неснисхождение к недостаткам друг друга, но и нестарание о взаимном исправлении этих недостатков): «Мужья...не будьте... суровы» к женам (Кол.3,19) (как в свою очередь и жены к мужьям). Господь Бог при самом создании наделил мужа и жену такими свойствами, что они друг друга восполняют, взаимно сливаются и привлекаются. Это «половые особенности их», физические и нравственные, например, в муже ум, сила, власть, а в жене любовь, кротость, изящество. Но с грехопадением Адама, или с повреждением грехом природы человеческой, эти чистые свойства природы получили не совсем хорошее направление; так, например, твердость характера в мужчине нередко доходит до жестокости и дерзости, сила чувствований в женщине—до изменчивости и раздражительности. Отсюда неизбежны неприятности между мужем и женой. Как бы они в начале ни любили друг друга, но взаимное недовольство их скажется. И как бы они искусно ни прикрывали этого недовольства, или несогласия, например, взаимными ласками даже на зависть посторонним лицам: по неприятности между ними будут таиться; и тем больше можно, наверное, предполагать этих неприятностей, чем более они стараются быть ласковыми в присутствии посторонних. (На этот то раз опытно сознается вся невыгода неравного супружества: то по степени образования один учен, а другая нисколько не образована, то по внешнему состоянию одна богата и изнежена, а другой беден и прост по образу жизни, то по родопроисхождению и званию один чиновник, а другая из мещанского рода: не без причины же святые в своих семействах, как например, Авраам и Товит, за недостатком еще племен, отыскивали себе и сыновьями жен одного или близкого рода). Отсюда-то и вытекает необходимый долг супругов предупреждать столкновения между собой. Чем же? тем, чтоб снисходить к взаимным недостаткам, уступать друг другу, особенно в резких чертах своих характеров (например, один вспыльчив, а другая - упряма). Вследствие того, что нет снисхождения и терпеливости к взаимным недостаткам (например, в муже - скупость, а в жене - небрежность), вследствие этого образуется привычка каждый раз в известном случае (в данном пункте обыденной жизни) выражать недовольство то взглядом, то укорительным словом, а то и прозвищем, попреком за родину, за родство. После всего этого вот и возникает взаимное ненавистное чувство, к которому более способна—только не вдруг жена. Но, с другой стороны, неблагоприятно и грешно сживаться с недостатками супружескими; замечая и сознавая эти недостатки, допускать, чтоб они укоренялись; называть в муже (или наоборот) безобразное красивым, худое— добрым, словом полагать друг другу. Хорошо единодушное супружеское, да только для доброго. Если муж и жена сошлись между собой молодыми и не разлучались надолго друг от друга, то страсть одного иногда развивается на глазах другого, как например, пьянство, запой. Неприятная страсть: но что же смотрело трезвое лицо, когда страсть, возрастала? А также нередко муж и жена передают страсти друг другу, например, привычку сердиться, выходить из себя: тот, от кого перешла страсть, может быть уже исправился, а кому она сообщилась в том остается надолго или навсегда. В случае неисправимости страсти не следует, подавать к ней поводы: надобно вести дело так, чтоб страсть не обнаруживалась или не повторялась снова, например, малодушная раздражительность жены, готовая в минуты раздражения высказать—Бог знает —какие угрозы, даже и на самую жизнь свою. Да; снисходя к взаимным недостаткам, каждый из супругов должен взаимно же исправлять эти недостатки разумными и кроткими мерами. А иначе счастье и внешнее благосостояние супружеское не устроится. Еще хуже, если муж и жена будут страдать одним каким либо недостатком, например, оба будут вспыльчивы: в таком случае только после долгой борьбы, и то более умный, вперед исправится, но будет страдать от этого недостатка в другом, не желая наконец воздавать злом за зло. Но если крупный какой либо недостаток, или прямее сказать порок, будет в одном лице, а другое совершенно чуждо этого порока, например, муж любит употреблять вино до излишества, а жена никогда и нисколько не пьет: тогда более благонадежно или предупреждение этого порока или исправление от него; в таком случае должна быть прямая

просьба слабого перед крепким; чтоб последний развлекал первого в тоскливые минуты пробуждающейся страсти, чтоб пополнял эти минуты своею любовью, да! более всего своею супружескою любовью и ласками.—О, добрые супруги! Не думайте пережить недостатки друг в друге одним требованием, чтоб не было этих недостатков,—не думайте разом искоренить их. Нет! Исполнение мудрого правила в человеческой жизни: «если хочешь быть терпим - терпи», с вас-то вот должно начинаться, чтоб потом распространяться и в общежитии. И как приятна, как любезна будет ваша жизнь, если вы будете снисходить друг к другу, но в то же время незаметно, однако ж настойчиво, станете заботиться о взаимном исправлении от этих недостатков!»

В-третьих, мы забываем, что такому нашему отношению к близкому радуется враг и всячески старается посеять вражду в семье через одного из супругов.

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, гл.6, §476): «Сатана, всегдашний враг христиан, как между прочими христианами, так между женами и мужами тщится любовь и мир отнять и посеять вражду. Удивления или даже сожаления достойная вещь! ...Сколько вражды и между этими лицами, так тесно связанными, видим! Мало который дом найти можно, в котором бы таких плевелов дьявольских не было. Так хитрость дьявольская превосходит, что, где примечает большую любовь, там он большее старание полагает разорвать ту и положить вражду свою. Сколько же эта язва, как прочим христианам, так особенно браком сопрягшимся вредит, изъяснить невозможно! Поэтому против сего врага должно вооружиться верою и внимать тому, что Бог в слове Своем повелевает друг другу чинить».

Также причиной нелюбви к супругам являемся мы сами и наши страсти во главе с самолюбием, гордостью и тщеславием.

Поэтому давайте еще раз осознаем в каком страшном грехе мы живем, когда чувствуем к супругам нелюбовь. Если кто-то еще не дошел до такого страшного состояния, когда другой опостылел, то кайтесь и старайтесь восстановить доброе расположение к супругам.

Нравственное Богословие (Грехи против 7-ой заповеди, грех - холодность в супружестве или же любовь только кратковременная, по одному животному возбуждению): «И так, супруги-христиане! вот ваш долг, который вы обязаны выплачивать друг другу каждый день и от платежа которого никогда не можете освободиться: это—взаимная любовь ваша! Сколь бы у одного из вас или у обоих друг против друга не накопилось с годами в душ недовольства, гнева, злобы, о! всеми силами противостаньте чувству взаимного охлаждения, а тем более взаимной ненависти. Страшное, богопротивное это состояние, когда и голос, и кашель, и взгляд и невинные привычки и вещи, которыми особо обладаете вы с привязанностью: все это становится вам ненавистным друг в друге! Сохрани вас Бог от такого взаимного ненавистного состояния! Воспротивьтесь взаимной ненависти и вражде! Чем дальше, тем будет хуже. Но всегда есть еще некоторая возможность возобновить вам свою супружескую любовь. О возобновлении ее более всего должен позаботиться муж: «муж люби свою жену». Женщина, как вообще существо более нужное и признательное, больше расположена любить того, кто старается заслуживая ее привязанность, и дольше сохраняет к своему мужу любовь, которая в нем между тем охладела. Но это самое не дает права мужу менее стараться заслуживать ее доверие и любовь, в той надежде, что она все простит ему или что и без того она любит его (как вначале, супружеской жизни). За то по мере врожденной чувствительности жену глубоко трогает и равнодушие мужа, очевидная ненавистливость его: тогда немного шагов до отвращения ее к мужу. Спешите же вы, мужья, возобновить и поддержать супружескую свою любовь к женам, а вы—жены исправиться от всякого раздражительного разговора, взгляда и действия: в отношении к своим мужьям! Если же чья жизнь вначале проходила также в довольной любви и привязанности (к сожалению, есть такие, которые охладевают друг к другу года чрез два и даже чрез несколько месяцев после свадьбы: тут бывают уже особенно резкие причины); если с годами и с приближением к старости более охладевают и между многими супружеская чувства, возникает взаимная ненавистливость: тогда-то особенно такие супруги прибегните к этому сильнейшему рецепту против супружеской нелюбви, т. е. вспомните, что один из вас носит на себе образ Христа, а другая - Церковь, и что вы должны до гроба любить друг друга. Иначе вы бесчестите в себе этот образ, иначе сомнительна и ваша собственная

любовь ко Христу, неживое ваше отношение к Церкви. О, возлюбленные супруги-христиане! храните и, если утратите, снова тысячу раз возобновляйте в себе взаимную супружескую любовь!».

Но, к сожалению, многие из нас могут сказать, что эта любовь уже утрачена. Но и тогда нельзя отчаиваться, а следует истинно каяться и просить прощения у Бога до конца дней своих. Прости нас, Господи! Мы до такой степени стали ненавидеть своих супругов, что закалились в ней! Эта ненависть мучает и нас и наших супругов, и мы постоянно пребываем в ссорах, унижениях и даже рукоприкладствах! Прости нас, Господи, за то, что каждый наш день отмечен нелюбовью к самым близким людям! И нам, Господи, невозможно восстановить взаимную любовь, но Тебе все возможно! Помоги, Господи, и изгони эту ненависть из сердец наших, чтобы не погибли души наши!

О взаимобязанностях супругов

В христианских учениях изложены обязанности не только детей и родителей, которые были рассмотрены уже выше, но и обязанности мужей и жен. Но прежде того, как привести одно из таких поучений, скажем о следующем. Как мы уже не раз говорили, в нас постоянно проявляется саможаление, которое противоположно смирению и отвержению своего греховного «я». Нам жалко себя, когда мы должны, что-то сделать для другого. Но вместо того, чтобы служить человеку по любви, мы раздражаемся: и говорим: «почему всегда я это делаю? почему ты сам не можешь это сделать?» и т.п. С одной стороны верно, что другой человек, по любви к тебе должен это делать, например, заботиться в определенной мере о себе и о тебе, но паразитический образ жизни не позволяют нам жить в любви и взаимной помощи и заботе. Каждый из нас ищет своей выгоды, и если ему не хочется что-то делать, то он переключает это на другого. И при этом, если тот другой не захочет ему послужить, то вначале будут слова похожие на «ты, же моя жена, мама, муж, ты должен..», которые, во-первых, напоминают о чужом долге, и тем самым затмевают свой долг и звучат как укор, а во-вторых, могут звучать не как претензия, а как лесть, при которой одному становится жалко другого и он делает. Но Писание гласит: «не ищи пользы своей, но пользы другого». И если вы не хотите помочь ближнему, который заражен страстью самолюбия, то это признак и вашего самолюбия и корыстолюбия.

Поэтому, смотрите на себя, а не на ближнего, и из себя изгоняйте страсть корыстолюбия или самоугодия путем смиренного услужения. А о ближнем молитесь Господу, и во время тишины от страсти, говорите с ближним об этой проблеме.

Что еще следует отметить? Зачастую человек, рассказывая себе или другому о своих семейных проблемах, обвиняет другого в неисполнении его обязанностей, в жестокосердии и эгоизме. Но отцы учат так:

Иоанн Златоуст (т.10, кн.1, беседа 26): «Но когда мы говорим о твоих обязанностях, то не указывай на обязанности других. Адам также слагал вину на свою жену, а она на змею, но это нисколько не помогло им. Не говори же мне этого, но постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещаю его любить и уважать тебя, я не позволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Поэтому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона, даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного; а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. ...Ибо когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же. ...Поэтому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою, - в этом не будет ничего важного; и

ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым, - это уже не будет подвигом; но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои обязанности».

А теперь приведем поучения об обязанностях мужей и жен.

Тихон Задонский (т.5, Наставление христианское, п.54): «О должности мужей и жен, или в супружестве находящихся. 1) Как муж, так и жена должны вступать в супружество по добровольному произволению и согласию. Потому и священник при венчании обоих лиц спрашивает: волею ли и с согласия ли в супружество вступают? Поэтому супружество без согласия обоих лиц не может быть твердым. И родители, насильно убеждающие к супружеству, и священники, видя несогласие какого-нибудь лица и венчая, — тяжко грешат и правильному наказанию подлежат, ибо от этого всякое зло в супружестве последует. 2) Правильно вступившие в супружество должны друг другу любовь и верность хранить до конца жизни. 3) Ни муж жены, ни жена мужа не должны оставлять до смерти, но, как обещали и согласились, неразлучными пребывать до кончины. 4) Если муж в своей жене, или жена в своем муже приметит какую-нибудь правильную причину для разлучения, то ни муж от жены, ни жена от мужа не должны сами собой разлучаться, но должны пастырю своему, епархиальному архиерею, о том доносить на рассмотрение и от него ожидать резолюции. 5) Есть обычай у неких мужей своих жен, а у жен своих мужей оставлять под видом воздержания, но это очень опасно, так как вместо воздержания может последовать тяжкий грех прелюбодеяния, или в одном, или в обоих лицах. Если муж оставит жену, а жена с другим будет грешить, то и муж тому же греху будет повинен, так как подал причину своей жене грешить. Также и жена, если оставит своего мужа, а муж с другой будет грешить, то и жена тому же греху повинна по вышеописанной причине. Поэтому когда разлучение бывает ради воздержания, то это должно быть с согласия обоих лиц и то на время, пока не испытают себя, могут ли такое бремя понести. Если могут, хорошо — пусть пребывают так. А если не могут, пускай опять сходятся воедино, ибо не всем все дано. 6) Апостол говорит к супругам: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве», и прочее (1Кор.7:4-5). Ясно слово, о чем апостол здесь говорит. 7) Живущие в супружестве, а особенно иереи и диаконы, должны помнить, что они христиане, святое имя Божие исповедуют, Бога призывают и молятся, Святых Таин Христовых причащаются, и потому в супружестве должны жить не так, как живут язычники. Говорит им апостол: «Да не искушает вас сатана невоздержанием вашим» (1Кор 7:5). 8) Муж не должен жену свою иметь рабыней, но как бы помощницей, жена же должна мужу повиноваться, как учит апостол: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу». И немного ниже: «Жена да боится своего мужа» (Еф.5:22, 33). И в другом месте: «Жены, повинуйтесь мужьям своим в Господе, как подобает» (Кол 3:18). 9) Если муж и жена единоправны и добронравны, то супружество будет благополучным и прекрасным, ибо у них всегда будет единомыслие, согласие и мир, в чем состоит великое благополучие. «Ибо что добро, или что прекрасно, как жить братьям вместе?» — говорит пророк (Пс.132:1). Но поскольку сатана, враг душ человеческих, и в добронравных союз любви и согласия старается разорвать, то муж и жена должны друг к другу в случающихся немощах быть снисходительными, и с любовью друг друга терпеть, и тогда согласие и мир сохранится. 10) Если муж добронравный, а жена злонравная, или жена добронравная, а муж злонравный; то согласия и мира между ними быть не может, как между прямым и кривым деревом сродства. Поэтому добронравному лицу следует постоянное страдание и крест. Потому в таком случае ему надо учиться терпению и с терпением приключаящееся зло сносить и побеждать. 11) Видим в историях, что многие жены своих мужей развратили и за собой в погибель свели. Поэтому мужья не должны давать женам послабления и позволять им делать все, что хотят, но должны удерживать стремление их бесчинных прихотей, чтобы подобно другим не пострадать. К Еве приступил змий и прельстил ее. Ева, прельстившись, Адама прельстила и за собой в погибель свела. Так и ныне бывает. Тот же древний змий к жене приступает, и ее прельщает, и через жену мужа к незаконным делам влечет. Муж, будь осторожен, и не во всем волю и совет жены исполняй, дабы не стала она обладать тобою и не повела, куда хочет. Ева всегда свой нрав имеет. Люби ее до тех пор, пока

Богу не противно будет. Пусть она, по апостольскому слову, боится тебя, а не ты ее, и пусть она тебе повинуется, а не ты ей».

Тихон Задонский (Об истинном христианстве, кн.2, гл.6, §477, 478): «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее», и прочее (Еф.5:25 и след.). «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе» (Кол 3:18). Должность мужей к женам. 1) Мужья должны любить своих жен, по увещанию апостольскому: «Мужья! любите своих жен». Причину полагает: поскольку муж и жена «одна плоть». Потому говорит ниже: «Должны мужья любить своих жен, как свои тела. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее». И во образ им представляет Самого Христа, Сына Божиего, Который Церковь Свою любит: «Как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее». 2) Не должны с ними жестоко поступать, как учит апостол: «Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы» (Кол 3:19), но как святой Петр увещевает: «Обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах» (1 Петр 3:7). 3) Должны хранить верность к своим женам, супружеское ложе непорочно соблюдать, чужого ложа не касаться: «брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр.13:4). 4) Хотя любить и должны жен своих мужья, но пленяться любовью их и без разума им угождать не должны. Видим, сколь вредно угождать женам без разума. Адам безмерной любовью жены пленился, и впал в тяжкий грех, и себя и род человеческий погубил (Быт.3:17). Соломон премудрый, излишним жен люблением плененный, в грех богоотступничества и идолопоклонничества впал (3 Цар.11:4 и след.). Иезавель нечестивая научила мужа своего Ахава, царя Иерусалимского, беззаконничать. Ирод беззаконный не устранился неповинно обезглавить великого Предтечу ради любви женской. То же читаем и в церковной истории. Подобные беды и напасти и ныне бывают от жен, когда им мужья не по разуму угодие творят. Жена неразумная и бесстрашная обычая своего не изменяет, ласкательствует и прельщает мужа своего. Муж, как «глава жены», не должен ласкательством ее прельщаться, а тем более тот, кто властью какой облечен — дабы и сам не погиб и иным много бед не учинил.

Должность жен к своим мужьям. 1) Также и жены должны своих мужей любить и угождать им во благое и по воле Божией. 2) Хранить верность супружеского ложа и не знать никого, кроме своих законных мужей. 3) Должны к своим мужьям благоговейными быть, по апостольскому велению: «Жена да боится своего мужа» (Еф.5:33). Страх этот с любовью сопряжен должен быть. 4) Жены мужьям должны повиноваться, как повелевает им апостол: «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе» (Кол 3:18). И еще: «Учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии». Причину тому полагает апостол: «Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление» (1 Тим 2:12—14). Однако мужьям должно помнить, что апостол написал в другом месте: «Нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Галл.3:28), — и жен своих не иметь как рабынь, но как помощниц и, «как тела свои, любить», по апостольскому увещанию, как выше сказано. Женам да будет образ в повиновении мужам своим святая Сарра, которая «повиновалась Аврааму, называя его господином» (1 Петр 3:6). Да не стыдится и ныне жена мужа своего господином называть, если хочет быть дочерью святой Сары».

Раздел 2.4. О материальных и тварных объектах гнева

Помимо того, что мы раздражаемся и гневаемся на Бога и на людей, мы также раздражаемся на вещи и на свои дела, и эти раздражения также является проявлениями в человеке страсти гнева.

О гневе на животных и жестокосердные их убийства

Гнев может быть направлен на животных и выражается или тем, что человек бьет животное или кричит на него. У людей есть множество причин раздражаться на животных и все эти причины говорят о жестокосердии или безумии человека. Например, человек может гневаться на немощь или болезнь животного и бить его без причины.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: бичевание без пощады рабочих животных или только неудержание других от этого): «Животные также имеют способность чувствовать, с одной стороны, покой, а с другой – болезни: иное забитое животное пугается, дрожит даже оттого, когда на него замахиваются, чтобы ударить. Притом побои, например, лошади, не прибавляют же сил, а более обессиливают ее, особенно на будущее время. Сколь же бесчеловечно поступают бьющие животных! Одни бьют их за то, что они не везут тяжести, которые между возложена на них не по им силам. Другие – без всякого даже повода, в нетрезвом виде, или в минуты своего раздражения, только по праву сильного, только в силу такого сознания, что животное беззащитно и безгласно. ...Третьи бьют их, притом, без разбора по какой ни есть части тела, например, и по голове, за что впрочем, некоторые из них умеют отомстить (например, лошадь, когда бьют ее по голове, непременно старается укусить бьющего)».

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Наказывание до смерти животных чужого двора): «В Ветхом Завете был закон: «возвратить хозяину чужой заблудившийся скот, хотя бы этот скот принадлежал врагу; не проходить мимо животного, падшего на дороге под тяжестью, но поднять его» (Исх.23,4-5). Тем более значит грех бить (колом, топором), калечить и до смерти забивать чужую скотину, когда например, она заходит в чужой огород или травить чужой посев в поле или есть чужой корм: битьем скотины испорченного уже не воротить. Да притом эти побои крайне неразумны. Разве животные собственно виноваты, когда вредят сосуду, а не хозяевам их, не имеющие над ними надлежащего надзора? Подобный ущерб, какой делают животные, нужно бы взыскивать не с них, а с хозяев их.—Христианин! будь ты вообще милостив к животным, как миловали их и святые угодники. Достигнув первобытной власти над животными, многие из святых кормили из своих рук самых диких зверей, а тех, которые делали вред человеку, связывали веревками будто овец (Луг духовный, гл. 162)».

Также человек может вымещать свою злость, избивая животных.

Дмитрий Ростовский (Поучение 1-ое в неделю 19-ю по Святом Духе): «В житиях же святых мы читаем, что некие мучители, отдавшие святых мучеников на съедение зверям, когда увидели, что звери не прикасаются и не вредят святым, они, разгневавшись, избили зверей».

По сравнению с побоями животных крик на них может показаться безгрешным делом, но это не так. Крик происходит от злобы, ненависти и зложелательства, а это всё есть наш грех, независимо от того на кого он направлен.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: крик на животных с проклятиями на них и с пожеланиями им зла): «...многие злобно и с сквернословием кричат на них (животных) – кричат на каждом шагу, при каждом повороте их; некоторые иначе и не называют свое животное, как «проклятый, проклятая». Брани этой подвергаются почти исключительно домашние животные, которые между тем отличаются кротостью. Затем, если неразумные животные и не понимают тех слов, с которыми мы обращаемся к ним, выражая зложелательство погибели: то мы сами должны понимать, как велика была бы потеря для нас, если бы сбывались на самом деле наши зложелательства им».

Такие вспышки гнева на животных говорят о жестокосердии и не сострадании, которые живут в сердце человека.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: бичевание без пощады рабочих животных или только неудержание других от этого): «Животные также творения Божии; потому человек не имеет право жестоко обращаться с ними. Пусть он над ними имеет власть: но власть еще не означаете тиранства. Как противно Богу жестокое обращение с

животными, между прочим, знаем на примере из жизни св. Ефрема Сирина. Ефрем (до решительного обращения своего к Богу) однажды с злым намерением выгнал из загона непраздную корову. За это самое Господь Бог попустил ему быть несколько времени в темничном заключении, поводом к которому было одно напрасное на него подозрение (Четь-мин. под 28 янв.)».

Такое же немилосердие и жестокосердие проявляется, когда человек не заботиться о животных, особенно о больных, или остается равнодушным, когда другие бьют животное, или когда человек сознательно мучает животное.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: бичевание без пощады рабочих животных или только неудержание других от этого): «Но и только оставаться равнодушным, как ни в чем не бывало, когда другие бьют животное, например, на улице — извозчики, в дороге—крестьяне, во дворе—кучера, только не останавливать посторонних бичеваний: это также показывает недостаток милосердия, значительное огрубение сердца. Пусть на замечание наше бьющим последовали бы грубый ответ или брань: однако ж не легче ли нам перенести одну брань, чем отдать на жестокие бичевания животное, не могущее ни пожаловаться, ни плакать по человечески? свойственно ли природе нашей равнодушно смотреть на чужие страдания, хоть бы и животного?».

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Незаботливость о больных животных, особенно во время повальной болезни, и неотделение их в таком случае от чужого скота): «Спаситель одобрил поспешную заботу хозяина об осле, который упал в колодезь (Лк.14,5). Животное не может, как человек, высказать своих страданий и помочь себе в своей болезни. Поэтому оно вполне заслуживает нашей заботы. Между тем одни вот употребляют в работу и заболевшее животное. Другие не лечат больного скота и не предостерегают его от самого боления, особенно во время повальной болезни. Третьи не заботятся об уходе за теми животными, которые только что родились (Лев.22,27). Многие до бессилия обременяют животное ездой или работой, но не платят ему за услугу услугой,—ее питают его зерном и ничем кроме травы: если уж и нет у кого средств на корм зерном, в таком случае надобно давать больше покоя животному или меньше изнурять его на езде и работе».

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Травля скота с целью забавы, гоньба коней до смерти...): «Это виды бесчеловечия, одно другого виновнее. В евангельской притче не одобряется и одно нерадение человека об овечке, которым воспользовался хищный зверь, растерзав заблудшую овечку (Ин.10.12). А тут намеренно отдают слабых животных более сильным и свирепым, и для того единственно, чтоб потешиться борьбою их с последними, чтоб видеть их испуг, слышать их визг. Терзания со стороны свирепых животных естественны, а для человеческого достоинства вид этих терзаний крайне унизителен. Отсюда-то человек начинает мало трогаться и страданиями человеческими, привыкает к жестокосердию и к людям, если особенно в детстве привык забавляться мучениями животных, Говорят иные к оправданию себя, что «травля животных, например, зайцев, не всегда оканчивается мором их». Но нужно вспомнить и об одном испуге, который убийственно действует на слабейшее животное.—Нет; человек должен прекращать по возможности и те терзания животных, какие видит между ними самими со стороны сильнейших над слабыми к какие бывают не для удовлетворения голода, но по одной злости. Он должен быть здесь, так сказать, примирителем. Это его забота; потому что не чрез него ли возникла такая вражда между самими бессловесными? ...О, человеколюбивый христианин! и сам отвращайся и других удерживай, например, в детском возрасте, забавы над животными такого рода, которая убивает их или только крайне обессиливает, а также и от нетерпеливого истребления их в пищу! Жестокость к животным—еще повторю—имеет самую сильную связь с жестокостью к людям: в древности римляне в гладиаторских зрелищах, любя их, на борьбу со зверями стали выводить и святых мучеников».

Далее приведем одну из многочисленных историй из жития святых о том, как животные, даже хищники, могут сосуществовать с любящими и милосердствующими людьми.

Луг духовный (гл.107): «На расстоянии почти одной мили от св. реки Иордан находится лавра, называемая св. аввы Герасима. По прибытии нашем в эту лавру жившие там отцы рассказали нам об этом старце. Во время прогулки по холмистому берегу Иордана он повстречался со львом. Лев издавал страшный рев от боли в лапе. В лапу ему вонзилось острие тростника, отчего лапа распухла и загноилась. Увидав старца, лев подошел к нему и показал лапу, раненную спицей, и, как бы плача, просил его о помощи. Старец, увидав льва в такой беде, сел, взял его за лапу и, вскрыв рану, извлек занозу и выдавил гной, потом, промыв рану, обвязал полотном. Лев, получив помощь, уже не отставал от старца, но, как признательный ученик, всюду следовал за ним, так что старец крайне удивлялся такой признательности льва. С тех пор старец стал кормить его, бросая ему хлеб и свежие бобы. При лавре был осел, на котором привозили воду для нужд старцев, а воду они брали из св. Иордана. Лавра же, как сказано, отстояла на одну милю от св. реки. У старцев вошло в обычай поручать льву осла, чтобы он сторожил его на берегу Иордана. Однажды осел ушел от льва на большое расстояние, а в то время проходили из Аравии погонщики верблюдов. Поймав его, они ушли. Лев, потеряв осла, вернулся угрюмым и как бы пристыженным к авве Герасиму. Авва полагал, что он растерзал осла. «Где осел?» — спрашивал он льва. Тот, подобно человеку, стоял молча и опустив глаза. «Ты съел осла? Благословен Господь! Отселе ты должен исполнять работу!» Так с тех пор, по повелению старца, лев брал сосуд, вмещавший четыре ведра, и приносил воду. Однажды воин пришел для молитвы к старцу. Увидав льва, таскающего воду, и узнав причину, сожалел над ним. Вынув три номисм он вручил старцам, чтобы они купили осла для ношения воды, а льва освободили бы от этой обязанности. Прошло несколько времени после освобождения льва от работы. Погонщик верблюдов, укравший осла, возвращался обратно для продажи хлеба во св. граде и осел был с ним. Переправившись чрез Иордан, он случайно встретился со львом. Завидев льва, погонщик бросил верблюдов и убежал. Но лев, признав осла, подбежал к нему и, схватив его по обычаю за недоуздок, увел вместе с тремя верблюдами. Рыча от радости, что нашел потерянного осла, возвратился к старцу. А старец все время был уверен, что лев растерзал осла, и только теперь узнал, что на льва возвели напраслину. Старец назвал льва Иорданом. С тех пор лев прожил в лавре около пяти лет, никогда не отступая от старца. Авва Герасим отошел ко Господу, и отцы похоронили его. По Божью устроению, льва на тот раз не было в обители. Вскоре лев возвратился и стал искать старца. Ученик старца и авва Савватий, увидав его, сказал ему: «Иордан, старец наш оставил нас сырыми и отошел ко Господу, но — подойди и поешь!» Лев не захотел есть, но, то и дело озираясь по сторонам, искал старца. Начал реветь, не видя его... Авва Савватий и остальные отцы гладили его по спине и говорили: «Отошел старец ко Господу, покинув нас!» Но говоря так, они не могли остановить рева и стонов льва, напротив — чем более с ухаживали за ним и старались утешить его словами, тем более увеличивался рев, и возрастала его скорбь. И голос, и морда, и глаза ясно выражали тоску его о старце. Тогда авва Савватий говорит ему: «Ну, пойдем со мной, если уж ты не веришь нам! Я покажу тебе, где лежит наш старец». И, взяв льва, пошел с ним на могилу. Она находилась в полумиле от храма. Став над могилой аввы Герасима, авва Савватий сказал льву: «Вот где старец наш!» И авва Савватий стал на колена. Увидав его простертым на земле, лев с необычайной силой ударился головой о землю и, взревев, издох над могилой старца. Вот, что произошло - не потому, чтобы лев имел разумную душу, но по воле Бога, прославляющего прославляющих Его не только при жизни, но и по смерти их и показавшего нам, в каком послушании находились животные у Адама, прежде чем он преступил заповедь Божию и был изгнан из рая сладости».

А теперь скажем о том, как необходимо закалывать животных, когда человек собирается употребить их в пищу.

Нравственное Богословие (Грехи против 6-ой заповеди, грех: Медленное убивание животных): «Вначале не были убиваемы животные для употребления в пищу: так было даже до потопа. Затем, так как человек грехом ослабил в себе силы телесные: то для укрепления сил его Господь Бог (это было после потопа) благословил ему употреблять в пищу животных. Потому закалать их в пищу или для одежды нужно не иначе, как с некоторым сожалением, с некоторою печалью за себя, а не с радостью при виде предсмертных страданий их. Потому за правило

надобно положить: как можно скорей убивать обреченный на смерть скот, а также одним ударом или выстрелом прекращать жизнь таких болеющих животных, которые безнадежны к жизни и только мучатся. Для бессловесного жизнь не имеет нравственного смысла, как например, для человека прожить и один лишний день или час, т. е. когда уже болезнь его смертна, дорого в целях покаяния его пред Богом. Сократить жизнь зверя или домашнего животного несколькими днями или часами, когда она уже непременно должна окончиться, нисколько не грешно.—Человек! если и можешь ты истреблять животных, то истребляй не более, как сколько требуют того твое самосохранение и твоя безопасность, да и тут с милосердием своего рода».

Поэтому тому, кто жестоко обращался с животными необходимо покаяться.

Иоанн Крестьянкин (Опыт построения исповеди): «Сказано в слове Божиим: «Блажен иже и скоты милует». Не убивал ли кто из вас без нужды животных? Не пинали ли их ногами, не кидали в них камнями и палками? Может, кто в детстве умышленно издевался над животными? Это все грехи убийства! Кайтесь в своей жестокости! Господи, прости нас, грешных!»

О гневе на материальные предметы

Не все из нас задумывались над тем, что месть делом при вспышке гнева может быть не только по отношению к человеку, но и в отношении материальных вещей. Подробно разберем этот вопрос.

Гнев, сердитость, раздражение на вещи показывает большую степень страсти и гнева, которая доводит человека до такого безумия как месть одушевленным и неодушевленным предметам.

Иоанн Кронштадтский (Моя жизнь во Христе): «Человек раздражительный и нерассудительный, прилаживая к какому-либо употреблению известную вещь и не в силах будучи сметливостью своего ума пособить делу, видя, что вещь не служит для него так, как он желал бы, - часто сердится, выходит из себя, бросает, иногда ломает эту вещь, как будто бы она была одушевленная, разумная и с намерением противилась его желаниям. Случается, что одно у него падает, это цепляется, то рвется, эта вещь не двигается так, как бы ему хотелось, эта не приходится к известному месту, - все как будто вооружается против него, и он готов едва не плакать от досады».

Приведем примеры из учений святых отцов, как люди гневались на вещи, природу и животных, а потом мстили им: били, разбивали, выбрасывали их и т.п.

Дмитрий Ростовский (Поучение 1-ое в неделю 19-ю по Святом Духе): «Достоин смеха безумный гнев царя Ксеркса. Когда несколько его кораблей потонули с воинством в Геллеспонте, то он, разгневавшись на море, повелел нанести морским водам триста ударов и топтать сии воды стопами. Подобно сему поступил и царь Кир, которого конь утонул в реке, называемой Гиндис. Он разгневался за коня на ту реку и повелел раскопать ее на сто восемьдесят рвов.... Смеется история и над тем властителем, который, будучи высок ростом, входя в некий дом, ударился лбом о косяк двери и в гнев повелел разорить тот дом до основания».

Игнатий Брянчанинов (Отчник): «Некоторый брат... наполнил водою сосуд свой и поставил его на землю. Сосуд внезапно опрокинулся. Во второй раз случилось то же. В третий раз кувшин также опрокинулся: монах, рассердясь, схватил кувшин, ударил о землю. Кувшин разбился. Возвратясь к себе, брат начал размышлять о случившемся, и понял, что враг поругался над ним. Тогда он сказал: вот! я - один; однако побежден страстью гнева...».

Нравственное Богословие (Грехи против 2-ой заповеди, грех – сердитость – гневливость): «... (Человек) сердится и на бездушные вещи, разрушает, что попадет под руку, например, не пишет перо, и—об стол его».

Некоторые люди могут думать, что если они не гnevаются на людей, а только на вещи, то это не есть страсть, но отцы говорят о другом.

Иоанн Кассиан (Послание Кастору..., кн.8, гл.19): «Как все ядовитые роды змей, или звери, пока находятся в пустыне и своих логовищах, пребывают как бы безвредными; однако ж из-за этого нельзя считать их безвредными, потому что некому вредить. Ибо это зависит не от доброты их, а от необходимости пустыни. А как улучат удобный случай укусить, они скрытый в них яд и злость души тотчас изливают и выказывают. Потому ищущим совершенства недостаточно не гневаться на человека. Ибо помним, что когда мы пребывали в пустыне, то сердились на пичую трость, когда не нравилась толстота, или тонкость ее; также на ножик, когда иступленным лезвием не скоро перерезывал; тоже на кремень, если не скоро вылетала искра огня из него, когда мы спешили к чтению, вспышка негодования простиралась до того, что возмущение духа не иначе мы могли подавить и успокоить, как произнеся проклятия на бесчувственные вещи, или по крайней мере на диавола. Посему к достижению совершенства недостаточно одного только отсутствия людей, чтобы не на кого было гневаться; если наперед не будет приобретено терпение, то страсть гнева также может устремляться и на бездушные вещи и по малым поводам. Находясь в нашем сердце, она не допустит ни приобрести постоянное спокойствие, ни освободиться от прочих пороков; разве в том думаем приобрести какую-нибудь пользу, или врачевство нашим возмущением, что бездушные, немые вещи не отвечают на проклятия или гнев наш и раздражительность нашего сердца не возбуждают к большему воспламенению безрассудной ярости».

В следующих главах будет рассмотрен вопрос о злопамятстве и мести.